

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY – AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2025

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ– АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович** (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2025
© «Вестник Московского университета», 2025

СТАТЬИ

<i>Лемаев В.И., Лукашевич Н.В.</i> Выражение эмоций в разных языках: возможности межъязыкового переноса моделей распознавания . . .	9
<i>Скачкова Е.В.</i> Множественная интенсификация непроцессуального признака в современном русском языке	21
<i>Рязанова В.А.</i> «Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка» как словарь нового типа: синтез прескриптивного и дескриптивного подходов	33
<i>Галинская Е.А.</i> Особенности употребления и образования действительных причастий в лечебнике XVII века «Прохладный вертоград»	43
<i>Казаковцева О.С., Патроева Н.В.</i> Структура и экспрессивный потенциал атрибутивных словосочетаний в панегирике Феофана Прокоповича	55
<i>Тресорукова И.В.</i> Формирование неологизмов в новогреческом языке: продуктивность форманта –ila	69
<i>Захарченко А.О.</i> Риторическая функция причастий у Тита Ливия (на материале XXI книги ‘Ab Urbe condita’)	84
<i>Кихней Л.Г.</i> «Приключение в ночь под Новый год» Э.Т.А. Гофмана как претекст «Поэмы без Героя» Анны Ахматовой	93
<i>Алпатова Т.А.</i> «Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста...»: кот в басенном бестиарии И.А. Крылова	110
<i>Кузнецова Е.В.</i> Возлюбленная как проекция творческого субъекта: «Призраки» И. Тургенева и «Небывалая» П. Соловьевой	122
<i>Ли Н.</i> Портреты философов в мемуарной трилогии Андрея Белого .	138
<i>Машкевич С.В.</i> Переводы романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» на итальянский язык: история и сравнительная характеристика .	147

Супрякова А.О. Возможности мысли в художественной интерпретации А.Р. Беляева («Властелин мира») и С.М. Беляева («Радиомозг»)	163
--	-----

Юй Сян, Монисова И.В. Трактовки философских идей софистов в трагедиях И.Ф. Анненского	174
---	-----

К ЮБИЛЕЮ И.С. УЛУХАНОВА

Петрухина Е.В. Объяснительные лингвистические методы И.С. Улуханова	190
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Изотов А.И. Рецензия на книгу: полный курс сербского языка / С.С. Зимодро, С. Миличевич, Е.И. Якушкина. М.: Издательство АСТ, 2023. 560 с.	196
--	-----

Солнцева Н.М. Рецензия на книгу: Серёгина С.А. Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой. Науч. ред. С.И. Субботин. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 816 с.	201
---	-----

Леденев А.В. Рецензия на книгу: Шеметова Т.Г. Переделкино vs Комарово: писатели и литературные мифы. Издательские решения, 2024. 268 с.	207
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рошкетаяева Т.Г. Международная научно-практическая конференция МГУ «Энциклопедия: вчера, сегодня, завтра»	213
---	-----

Уржа А.В., Филатова Г.А. Всероссийская конференция с международным участием «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке»	220
---	-----

Исаев И.И., Коломацкий Д.И. Как сложно устроен язык: лингвистический подкаст «Глагольная группа»	226
--	-----

Воропаев В.А. Международная научная конференция «Русская классика: история и современность» (к 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя и 255-летию со дня рождения И.А. Крылова) (МГУ, филологический факультет, 12–13 марта 2024 г.)	232
---	-----

ПАМЯТИ...

Ананьева Н.Е. Валерия Федоровна Васильева (1939–2025)	239
---	-----

ЮБИЛЕИ

Черчук О.И. Андрей Иванович Изотов.	244
---	-----

CONTENTS

ARTICLES

- Lemaev V.I., Loukashevitch N.V.* Emotional Expression in Different Languages: Cross-Lingual Model Transfer 9
- Skachkova E.V.* Multiple Intensification of Non-Procedural Attribute in Modern Russian Language 21
- Ryazanova V.A.* “Explanatory Dictionary of Complex Abbreviated Words of the Russian Language” as a Dictionary of a New Type: Synthesis of Prescriptive and Descriptive Approaches 33
- Galinskaya E.A.* Special Aspects of the Use and Formation of Active Participles in the 17th-Century Medical Guide *Prokhladnyi Vertograd* . 43
- Kazakovtseva O.S., Patroeva N.V.* The Structure and Expressive Potential of Attributive Collocations in the Panegyric of Feofan Prokopovich . . 55
- Tresorukova I.V.* Formation of Neologisms in Modern Greek Language: Productivity of Suffix –ila 69
- Zakharchenko A.* The Rhetorical Function of the Participle in Titus Livy (on the Material of Book XXI of ‘Ab Urbe condita’) 84
- Kikhney L.G. E.T.A. Hoffman’s Adventure on New Year’s Eve* as a Pretext of Anna Akhmatova’s *Poem Without a Hero* 93
- Alpatova T.A.* “The Little Beast May Be Plain, but His Conscience Is Clear...” The Cat in I.A. Krylov’s Fable Bestiary 110
- Kuznetsova E.V.* The Beloved as the Projection of a Creative Subject: I. Turgenev’s *Ghosts* and P. Soloviova’s *Unprecedented* 122
- Li N.* Portraits of Philosophers in Andrei Bely’s Memoir Trilogy 138
- Mashkevich S.V.* Translations of *The White Guard* by Mikhail Bulgakov into Italian: History and Comparative Characteristics 147

<i>Supriakova A.O.</i> The Power of Thought in Artistic Interpretation of A.R. Belyaev (<i>The Ruler of the World</i>) and S.M. Belyaev (<i>The Radio- Brain</i>)	163
<i>Yu Xiang, Monisova I.V.</i> Interpretations of Philosophical Ideas of Sophists in the Tragedies of I.F. Annensky	174

FOR THE ANNIVERSARY OF I.S. ULUKHANOV

<i>Petrukhina E.V.</i> Explanatory Linguistic Methods of I.S. Ulukhanov	190
---	-----

REVIEWS

<i>Izotov A.I.</i> Review of the Book: Zimodro S.S., Milićević S., Jakushkina E.I. Complete Serbian Language Course. Moscow: AST Publ., 2023. 560 p.	196
<i>Solntseva N.M.</i> Review of the Book: Seregina S.A. Nikolay Klyuev and Sergey Yesenin: A Dialogue with the Epoch / Ed. by S.I. Subbotin. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2024. 816 p.	201
<i>Ledenev A.V.</i> Review of the Book: Shemetova T.G. Peredelkino vs. Koma- rovo: Writers and Literary Myths. Izdatel'skiye resheniya, 2024. 268 p. .	207

ACADEMIC LIFE

<i>Roshchektaeva T.G.</i> The Lomonosov Moscow State University Interna- tional Scientific and Practical Conference “Encyclopedia: Yesterday, Today, Tomorrow”	213
<i>Urzha A.V., Filatova G.A.</i> Russian Conference with International Par- ticipation “Pragmatic Potential of Verb Categories in the Russian Language”	220
<i>Isaev I.I., Kolomatskiy D.I.</i> On the Complexity of Language in Simple Words: The Linguistics Podcast “Glagol'naya Gruppa”	226
<i>Voropaev V.A.</i> International Conference “Russian Classics: History and Modernity” (Dedicated to the 125 th Anniversary of the Birth of Nikolai Gogol and the 255 th Anniversary of the Birth of Ivan Krylov) (Moscow State University, Faculty of Philology, March 12–13, 2024).	232

IN MEMORIA

<i>Ananyeva N.Ye.</i> Valeria Vasilyeva (1939–2025)	239
---	-----

ANNIVERSARIES

<i>Cherchuk O.I.</i> Andrey Izotov	244
--	-----

СТАТЬИ

ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ: ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕНОСА МОДЕЛЕЙ РАСПОЗНАВАНИЯ

В.И. Лемаев, Н.В. Лукашевич

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; vladzhkv98@mail.ru, louk_nat@mail.ru*

Аннотация: Задача автоматического распознавания эмоций в разговорной речи в последнее время приобретает все больше популярности, в первую очередь благодаря появлению больших датасетов размеченных данных и развитию моделей машинного обучения. Наиболее распространенным подходом для решения данной задачи на текущий момент является применение речевых моделей с архитектурой трансформера, при этом классификация обычно производится на основе небольшого набора из 4–9 базовых эмоций. Однако даже проявление этих базовых эмоций у разных людей может в значительной степени отличаться в зависимости от языка говорящего и его культурного окружения.

В настоящей работе исследуются возможности современных моделей машинного обучения, обученных на речевых эмоциональных данных разных языков, в частности то, какие лингвистические характеристики языков наибольшим образом влияют на их поведение. Для этого было проведено сравнение между собой качества автоматической классификации эмоций при применении речевых моделей, обученных на данных разных языков с дальнейшим их переносом на русский язык. В исследовании использовалась речевая модель HuBERT, отдельно обученная на данных польского, китайского и японского языков и затем протестированная на данных русского языка. В качестве обучающих данных для иностранных языков были соответственно взяты датасеты эмоциональной речи nEMO, ESD и JVNv. Тестирование обученных моделей производилось на данных русского датасета Dusha. Полученные результаты указывают на первоочередную зависимость речевой модели от просодических характеристик данных, в то время как различия в синтаксисе языков не оказывают большого влияния на качество классификации.

Ключевые слова: распознавание эмоций; распознавание речи; обработка естественного языка; машинное обучение; трансформеры; межъязыковой перенос моделей; HuBERT

Для цитирования: Лемаев В.И., Лукашевич Н.В. Выражение эмоций в разных языках: возможности межъязыкового переноса моделей распознавания // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 9–20.

EMOTIONAL EXPRESSION IN DIFFERENT LANGUAGES: CROSS-LINGUAL MODEL TRANSFER

Vladislav I. Lemaev, Natalia V. Loukashevitch

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vladzhkv98@mail.ru,
louk_nat@mail.ru*

Abstract: The task of Speech Emotion Recognition has recently gained in popularity, mainly due to the increase of the available data and the development of the new machine learning algorithms. Currently, the most common approach to solving this task is to use transformer-based speech models, with the goal to determine whether the phrase belongs to one of 4–9 basic emotions. However, the way people express even these basic emotions can differ based on their native language and cultural background.

This paper analyses the capabilities of modern machine learning models, trained on emotional speech data from different languages, with the main goal to examine the effect of language's innate linguistic features on a model's behavior. For that, we compared the results of a few models, trained on the emotional data of different languages and transferred to the Russian language. We trained the HuBERT speech model on the task of speech emotion recognition, using training data from nEMO, ESD and JNVN emotional speech datasets, which correspond to Polish, Chinese and Japanese languages respectively. The trained models then were tested on Russian emotional speech dataset Dusha. The obtained results show prosodic features being the main contributor to the model's performance, while differences in syntax generally not affecting it.

Keywords: emotion recognition; speech recognition; natural language processing; machine learning; transformers; cross-lingual transfer; HuBERT

For citation: Lemaev V.I., Loukashevitch N.V. (2025) Emotional Expression in Different Languages: Cross-Lingual Model Transfer. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 9–20.

Введение

Язык и эмоции — два фундаментальных аспекта человеческого опыта, тесно переплетенные между собой. Язык служит основным средством выражения мыслей и чувств, а эмоции, в свою очередь, влияют на то, как человек воспринимает и использует язык. При этом как между собой различаются сами языки, так и проявление

эмоций в них может отличаться из-за культурных особенностей, способов выражения чувств, а также наличия или отсутствия в языке определенных слов для эмоций [Lindquist 2021].

Попытки автоматического распознавания человеческих эмоций на основе речи предпринимаются уже довольно долгое время. Понимание внутреннего эмоционального состояния человека может оказаться существенно полезным в областях взаимодействия человека и компьютера, в областях психологии и маркетинга, в области здравоохранения, например для постановки диагноза [Hansen et al. 2022], а также в области обеспечения общественной безопасности [Lefter, Jonker 2017]. Наиболее распространенным подходом к распознаванию эмоций в речи на данный момент является обучение моделей машинного обучения со специальной архитектурой — *трансформеров* [Vaswani et al. 2017], — которые анализируют аудио-сигнал и/или текстовую транскрипцию речи, чтобы определить эмоциональное состояние говорящего. Сам же процесс обучения выполняется на большом количестве заранее собранных данных, причем метод их сбора часто отличается в зависимости от языка и самих исследователей.

Для русского языка имеются работы, указывающие на приоритет просодических и акустических характеристик речи при решении задачи автоматического распознавания эмоций [Верхоляк 2021], а также работы, посвященные выбору оптимального набора базовых эмоций для обучения языковых моделей [Sboev et al. 2021].

Основная цель данной статьи состоит в исследовании возможностей применения моделей, обученных распознавать эмоции в речи на данных одного языка, к данным другого языка с минимальным дообучением. В частности, наиболее интересным моментом является то, как ведут себя модели разных языков по сравнению друг с другом, проявляются ли у них те же лексические, грамматические и просодические особенности, свойственные носителям языка. В качестве речевой модели для исследования использовалась модель HuBERT [Hsu et al. 2021], обученная на данных иностранных языков, после чего она была протестирована на данных русского языка, в роли которых выступил датасет эмоциональной речи Dusha [Kondratenko et al. 2022]. В качестве иностранных языков для обучения модели были выбраны английский, польский, китайский и японский языки из-за наличия для них качественно собранных датасетов эмоциональной речи. Исследование придерживается подхода *zero-shot*, тем самым при обучении модели не были использованы данные целевого (русского) языка.

Язык и эмоции

Выражение эмоций через язык позволяет людям лучше понимать друг друга и может осуществляться сразу на нескольких уровнях:

- *Лексический*: говорящий напрямую обозначает испытываемую им эмоцию с помощью слов, например «Мне грустно»;
- *Грамматический*: эмоция может выражаться с помощью определенных грамматических конструкций, например изменения порядка слов в русском языке: ср. предложение «Ты мне не веришь?», выражающее скорее нейтральный вопрос, и предложение «Не веришь ты мне?», выражающее удивление и возмущение;
- *Просодический*: на эмоциональность высказывания может влиять акцентирование и интонация, при этом одна и та же фраза в зависимости от них может передавать разные эмоции. Например, «Ну да...» может означать согласие, сарказм или разочарование.

Выражение эмоций разнообразно и сильно варьируется между языками. Наиболее заметные отличия часто проявляются в лексике, когда в одном языке для описания определенной эмоции присутствует слово, не имеющее аналогов в других языках, например португальское понятие «саудаде», обозначающее ностальгию или тоску по чему-то безвозвратно утраченному.

Отдельная проблема возникает, когда необходимо получить упорядоченную классификацию всех эмоций, которые может испытывать человек. Типичные наборы эмоций, используемые в теоретических и практических областях психологии, насчитывают около 300 разнообразных эмоций и их вариаций. Однако в это число также входит множество вариаций близких по значению эмоций и их производных. Когда говорят о базовых эмоциях, универсальных для большинства языков, исследователи обычно выделяют 6 *архетипических* эмоций, на которые часто принято раскладывать все остальные эмоции — это гнев, страх, удивление, радость, отвращение и грусть [Cowie et al. 2001]. Определение такого небольшого набора необходимо в том числе и для задач автоматического распознавания эмоций. Но даже внутри этих базовых эмоций в разных языках наблюдаются небольшие флуктуации значения [Jackson et al. 2019].

Помимо номинативной классификации эмоций, многие исследователи также классифицируют их на основе двумерного пространства. Первой осью такого пространства выступает понятие «валентности» (англ. valence), которое описывает выражаемую эмоцию в терминах положительности/отрицательности. За вторую же ось отвечает понятие «интенсивность» (англ. arousal), которое описывает степень проявления выражаемой эмоции. Такое двумер-

ное пространство в высокой степени коррелирует с названными выше архетипическими эмоциями. Так, возбуждение симпатической нервной системы происходит при выражении эмоций высокой интенсивности — гнева, страха и радости — и приводит к повышенному сердечному ритму, напряжению мышц, повышенному кровяному давлению и сухости во рту. Напротив, выражение малоинтенсивной эмоции грусти приводит к возбуждению парасимпатической системы и проявляется в пониженном сердечном ритме и кровяном давлении. Но хотя интенсивность и помогает разграничивать эмоции грусти и радости, она не дает возможности разграничивать эмоции радости и гнева: для этой цели уже используется ось валентности.

Задача автоматической классификации эмоций в речи

Для системы, способной автоматически классифицировать эмоции в речи, необходимы две ее составные части: обучающие данные и алгоритм, который на основе этих обучающих данных будет способен классифицировать эмоции.

При сборе обучающих данных необходимо учесть множество параметров. Так, мужчины и женщины, а также пожилые и подростки по-разному выражают в своей речи эмоции, поэтому важно сбалансировать говорящих по полу и возрастным группам, чтобы классифицирующий алгоритм мог распознавать их с одинаковой уверенностью. Что касается самих данных, то, во-первых, классы эмоций должны быть сбалансированы, то есть иметь сходное количество примеров, а во-вторых, необходима выверенная длительность записанных высказываний, обычно в пределах 3–11 секунд [Lotfian, Busso 2019], чтобы в них было достаточно признаков для возможности классификации и не было наложения других эмоций (но при увеличении общего объема данных требования к длительности часто смягчаются). Наконец, важно учесть лексическое разнообразие высказываний, то есть количество в них уникальных слов: значение коэффициента TTR (Type/Token Ratio), отражающего лексическое разнообразие примеров, должно находиться в диапазоне 0,3–0,6, тем самым указывая на достаточную разнообразность лексики и в то же время допуская повторы, чтобы обучаемая модель имела способность к обобщению данных.

Обучение классификатора происходит на основе признаков, извлекаемых из обучающих данных. Так как мы рассматриваем эмоции в речи, то для начала нужно понять, какие именно акустические и лексические признаки коррелируют с указанными базовыми эмоциями и интенсивностью/валентностью. По общему представлению, речь, сопровождаемая высокоинтенсивными эмоциями, такими как

радость и гнев, обычно быстрая и энергичная, тогда как для малоинтенсивных эмоций, таких как грусть, напротив, характерна медленная и тихая, часто низко-тональная речь. Как основные признаки, которые часто используются в исследовании, здесь можно выделить высоту голоса, его громкость, длительность отдельных сегментов, а также значения формант, обычно первой и второй. Помимо этого, также часто используются признаки на основе амплитудного спектра — MFCC-признаки (англ. Mel-frequency cepstral coefficients) [Ali et al. 2021]. Для их расчета используется специальная *мел-шкала*, которая позволяет приблизить обработанный звук к тому, как его слышит человек, так как человеческое ухо более чувствительно к небольшим изменениям звука на низких частотах по сравнению с высокими. Все признаки обычно рассчитываются для каждого из *фреймов* — отрезков длиной 25 мс, на которые делят исходную аудиозапись.

Что же касается валентности, то здесь у исследователей нет четкого понимания того, с какими из акустических характеристик она коррелирует. Последние исследования показывают, что улучшить качество предсказания по шкале “валентность” помогает добавление к признакам имплицитной лингвистической информации [Wagner et al. 2023].

Данные для исследования

В качестве языков для исследования были взяты польский язык, родственный по отношению к русскому, китайский, имеющий сложную систему тонов, и японский. Для этих языков были соответственно взяты датасеты эмоциональной речи nEMO [Christop 2024], ESD [Zhou et al. 2022] и JNVN [Xin et al. 2024]. На их основе было проведено обучение моделей для задачи автоматического распознавания эмоций с целью их дальнейшего переноса и тестирования на данных русского датасета эмоциональной речи Dusha. Из-за разницы в количестве примеров и эмоций между разными датасетами для каждого иностранного языка был создана нормализованная укороченная версия соответствующего датасета размером в 600 высказываний, по 200 высказываний для каждой из трех эмоций: гнев, радость и грусть. Эти эмоции были выбраны на основе того, что они представлены во всех указанных выше датасетах.

Рассмотрим характерные признаки каждого из языков. Все эти языки так или иначе могут выражать эмоции через лексику (польск. «To cudownie!» — «Это чудесно!»), устойчивые словосочетания, интонацию и различные невербальные элементы, например смех. В японском часто используются частицы «не» и «уо», присоединяемые в конце предложения и выражающие восхищение, а также имеется развитая грамматическая система для выражения вежли-

вости, что потенциально может влиять на выражение эмоций. Помимо этого, в японском языке также присутствует музыкальное ударение, при котором высота звучания слога может быть смысло-различительной (в отличие от силового ударения в русском языке, которое только делает слог громче и/или удлиняет его). Китайский же язык имеет еще более сложную систему смысловых различительных тонов, которые могут накладываться на интонацию высказывания. В русском и польском языках более свободный порядок слов из-за наличия богатых падежных систем, хотя базовым по-прежнему остается порядок SVO, как и у китайского. У японского же, в отличие от других языков, базовым является порядок слов SOV.

В Таблице 1 приведены различия между русским и другими рассматриваемыми языками по основным лингвистическим признакам, рассчитанные на основе векторов lang2vec [Littell et al. 2017], применяемых для оценки косинусной близости между языками.

Таблица 1

Различия между русским и другими рассматриваемыми языками по основным лингвистическим признакам; чем значение ближе к нулю, тем выше сходство языков.

	Польский	Китайский	Японский
Синтаксическое различие	0.47	0.57	0.66
Фонологическое различие	0	0.62	0.43
Генетическое различие	0.4	1	1
Различие фонемного инвентаря	0.49	0.69	0.54

Данные о корпусах представлены в Таблице 2:

Таблица 2

Данные о датасетах, использованных в данной работе

Название датасета	Объем	Количество говорящих	Язык	Эмоции
Dusha	300000 высказываний	Более 2000	Русский	Гнев, Позитив, Грусть, Другое, Нейтральное состояние
nEMO	4481 высказываний	9	Польский	Гнев, Радость, Грусть, Страх, Удивление, Нейтральное состояние
ESD	17500 высказываний	10	Китайский	Гнев, Радость, Грусть, Удивление, Нейтральное состояние
JVNV	1615 высказываний	4	Японский	Гнев, Радость, Грусть, Отвращение, Страх, Удивление

Тестирование

В качестве основной речевой модели, использованной для исследования межъязыкового переноса моделей, была взята архитектура HuBERT-base [Hsu et al. 2021], содержащая около 95 млн параметров. При обучении она выполняет задачу классификации: маскирует часть поступающих на вход фреймов, которые затем учатся классифицировать на основе конечного набора классов. Этот набор классов, в свою очередь, формируется с помощью применения к незамаскированным фреймам метода k -средних, который разбивает их множество на k -кластеры. Для задачи классификации в модель был также добавлен конечный классифицирующий слой.

Для каждого иностранного датасета модель HuBERT была обучена на соответствующей выборке из 600 высказываний, из которых 20 % были использованы для валидации.

Общее качество классификаций каждой модели было подсчитано на основе метрики Unweighted Accuracy (UA), отражающей отношение количества правильно классифицированных примеров к неправильным. Для каждой эмоции было отдельно подсчитано качество ее классификации на основе F-меры. Полученные результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Результаты переноса на русский язык речевой модели HuBERT, обученной на соответствующем иностранном языке

Исходный язык	Качество классификации			
	anger-f1	happy-f1	sad-f1	UA
Польский	0.43	0.26	0.45	0.4
Китайский	0.1	0.17	0.52	0.37
Японский	0.4	0.38	0.45	0.41

Анализ результатов

Общее качество переноса моделей сходно для польского и японского языков, при этом китайская модель показывает более низкий результат. Среди эмоций при этом лучше всего классифицируется грусть, в то время как радость классифицируется хуже остальных. Это можно объяснить через пространство возбуждения/валентности. Выражение грусти обычно характеризуется низкой интенсивностью, в противовес гневу и радости, что позволяет модели более однозначно противопоставить грусть остальным эмоциям, так как для разной интенсивности свойственны характерные акустические признаки. Гнев и радость, однако, противопоставлены

между собой только по шкале валентности, эксплицитно не соотносящейся с акустическими признаками высказывания, которые могла бы использовать модель, из-за чего она большинство таких высказываний относит к эмоции гнева.

Японская модель не показывает сильного отличия от польской модели, за исключением немного более высокого качества классификации эмоции радости. Что касается распределения классифицированных моделями высказываний по классам, то у японской модели оно получилось самым равномерным (около 33 % тестовых высказываний в каждом классе) из-за чего f -мера более высокая, тогда как польская модель относит около 50 % всех высказываний к эмоции гнева. Каких-либо значимых различий из-за порядка слов SOV в японском не наблюдается: например, высказывание «а мне нравится ход ваших мыслей», произнесенное с грустной интонацией, и польской, и японской моделью неверно классифицируется с эмоцией гнева.

На общем фоне выделяется китайская модель, имеющая наилучшее качество классификации эмоции грусти, но наихудшее у других эмоций. Распределение классифицированных высказываний у китайской модели еще более неравномерное, и она относит около 90 % всех тестовых высказываний к эмоции грусти, что, вероятнее всего, указывает на влияние китайской тональной системы на классификацию.

Таким образом, полученные результаты указывают на большее влияние интонации и акустических характеристик при классификации эмоций в речи, если сравнивать их с синтаксисом и лексикой. В качестве потенциальной темы для дальнейшего исследования может выступить изучение мультимодальной модели, имеющей лексическую информацию непосредственно из расшифровки аудиозаписей.

Заключение

В данной статье было рассмотрено влияние лингвистических характеристик, свойственных конкретным языкам, на поведение речевых моделей, обученных на этих языках с целью решения задачи автоматического распознавания эмоций в речи. Был проведен эксперимент с обучением модели HuBERT на польском, китайском и японском языках, с дальнейшим переносом обученной модели на русский язык. Результаты показали, что на множестве рассмотренных языков наибольшее влияние на качество классификации при переносе модели на другой язык оказывают просодические характеристики языка-источника, в то время как различия в синтаксисе практически не оказывают влияния на способность модели рас-

познавать эмоции. Полученные данные могут быть полезны при решении задачи распознавания эмоций в речи говорящих на польском, китайском и японском как родном, а также изучающих русский как иностранный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верхоляк О.В.* Автоматическое распознавание эмоциональных состояний дикторов по голосовым характеристикам и тональности текста высказывания. Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. Санкт-Петербург. 2001. URL: http://fppo.ifmo.ru/?page1=16&page2=86&number_file=D FC2E78CE850F9B8BAA24619873810B3.
2. *Ali S., Tanweer S., Khalid S., Rao N.* Mel Frequency Cepstral Coefficient: A Review // ICIDSSD. 2021.
3. *Christop I.* nEMO: Dataset of Emotional Speech in Polish // Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024). Torino, Italia. 2024. P. 12111–12116.
4. *Cowie R., Douglas-Cowie E., Tsapatsoulis N., Votsis G., Kollias S. et. al.* Emotion recognition in human-computer interaction // IEEE Signal Processing Magazine. 2001. Vol. 18. № 1. P. 32–80.
5. *Hansen L., Zhang Y.P., Wolf D., Sechidis K., Ladegaard N. et. al.* A generalizable speech emotion recognition model reveals depression and remission // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2022. Vol. 145. № 2. P. 186–199.
6. *Hsu W.N., Bolte B., Tsai Y.H., Lakhotia K., Salakhutdinov R. et. al.* HuBERT: Self-Supervised Speech Representation Learning by Masked Prediction of Hidden Units // IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. 2021. Vol. 29. P. 3451–3460.
7. *Jackson J.K., Watts J., Henry T.R., List J.-M., Forkel R. et. al.* Emotion Semantics show both cultural variation and universal structure // Science. 2019. Vol. 366. № 6472. P. 1517–1522.
8. *Kondratenko V., Sokolov A., Karpov N., Kutuzov O., Savushkin N. et. al.* Large Raw Emotional Dataset with Aggregation Mechanism // arXiv.org. 2022. URL: <https://arxiv.org/abs/2212.12266> (дата обращения: 20.02.2025).
9. *Lefter I., Jonker C.M.* Aggression recognition using overlapping speech // 2017 Seventh International Conference on Affective Computing and Intelligent Interaction (ACII). San Antonio, TX, USA. 2017. P. 299–304.
10. *Lindquist K.A.* Language and Emotion: Introduction to the Special Issue // Affective Science. 2021. Vol. 2. P. 91–98.
11. *Littell P., Mortensen D.R., Lin K., Kairis K., Turner C. et. al.* URIEL and lang2vec: Representing languages as typological, geographical, and phylogenetic vectors // Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. Valencia, Spain. 2017. Vol. 2. P. 8–14.
12. *Lotfian R., Busso C.* Building Naturalistic Emotionally Balanced Speech Corpus by Retrieving Emotional Speech from Existing Podcast Recordings // IEEE Transactions on Affective Computing. 2019. Vol. 10. № 4. P. 471–483.
13. *Shoiev A., Naumov A., Rybka R.* Data-Driven Model for Emotion Detection in Russian Texts // Procedia Computer Science. 2021. Vol. 190. P. 637–642.
14. *Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L. et. al.* Attention Is All You Need // arXiv.org. 2017. URL: <https://arxiv.org/abs/1706.03762> (дата обращения: 24.02.2025).

15. Wagner J., Triantafyllopoulos A., Wierstorf H., Schmitt M., Burkhardt F. et. al. Dawn of the Transformer Era in Speech Emotion Recognition: Closing the Valence Gap // *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. 2023. Vol. 45. № 9. P. 10745–10759.
16. Xin D., Jiang J., Takamichi S., Saito Y., Aizawa A. et. al. JVNv: A Corpus of Japanese Emotional Speech with Verbal Content and Nonverbal Expressions // *IEEE Access*. 2024. Vol. 12. P. 19752–19764.
17. Zhou K., Sisman B., Liu R., Li H. Emotional voice conversion: Theory, databases and ESD // *Speech Communication*. 2022. Vol. 137. P. 1–18.

REFERENCES

1. Verkholyak O. Automatic Recognition of Speaker's Emotional States Based on Audio and Text. Academic dissertation candidate of engineering. Saint Petersburg, 2021. URL: http://fppo.ifmo.ru/?page1=16&page2=86&number_file=DFC2E78CE850F9B8BAA24619873810B3.
2. Ali S., Tanweer S., Khalid S., & Rao N. Mel Frequency Cepstral Coefficient: A Review. *ICIDSSD*. 2021. doi: 10.4108/eai.27-2-2020.2303173.
3. Christop I. nEMO: Dataset of Emotional Speech in Polish. *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)*. Torino, Italia, ELRA and ECCL, 2024, pp. 12111–12116.
4. Cowie R., Douglas-Cowie E., Tsapatsoulis N., Votsis G., Kollias S. et. al. G. Emotion recognition in human-computer interaction. *IEEE Signal Processing Magazine*. 2001, vol. 18, № 1, pp. 32–80. doi: 10.1109/79.911197.
5. Hansen L., Zhang Y.P., Wolf D., Sechidis K., Ladegaard N. et. al. A generalizable speech emotion recognition model reveals depression and remission. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2022, vol. 145, № 2, pp. 186–199. doi: 10.1111/acps.13388.
6. Hsu W.N., Bolte B., Tsai Y.H., Lakhota K., Salakhutdinov R. et. al. HuBERT: Self-Supervised Speech Representation Learning by Masked Prediction of Hidden Units. *IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*. IEEE Press, 2021, vol. 29, pp. 3451–3460. doi: 10.1109/TASLP.2021.3122291.
7. Jackson J.K., Watts J., Henry T.R., List J.-M., Forkel R. et. al. Emotion Semantics show both cultural variation and universal structure. *Science*. 2019, Vol. 366, № 6472, pp. 1517–1522. doi: 10.1126/science.aaw8160.
8. Kondratenko V., Sokolov A., Karpov N., Kutuzov O., Savushkin N. et. al. Large Raw Emotional Dataset with Aggregation Mechanism. *arXiv.org*. 2022. URL: <https://arxiv.org/abs/2212.12266> (accessed: 20.02.2025).
9. Lefter I., Jonker C.M. Aggression recognition using overlapping speech. *2017 Seventh International Conference on Affective Computing and Intelligent Interaction (ACII)*. San Antonio, TX, USA, IEEE, 2017, pp. 299–304. doi: 10.1109/ACII.2017.8273616.
10. Lindquist K.A. Language and Emotion: Introduction to the Special Issue. *Affective Science*. 2021, vol. 2, pp. 91–98. doi: 10.1007/s42761-021-00049-7.
11. Littell P., Mortensen D.R., Lin K., Kairis K., Turner C. et. al. URIEL and lang2vec: Representing languages as typological, geographical, and phylogenetic vectors. *Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*. Valencia, Spain, Association for Computational Linguistics, 2017, vol. 2, pp. 8–14. doi: 10.18653/v1/E17-2002.
12. Lotfian R., Busso C. Building Naturalistic Emotionally Balanced Speech Corpus by Retrieving Emotional Speech from Existing Podcast Recordings. *IEEE Transactions*

- on *Affective Computing*. 2019, vol. 10, № 4, pp. 471–483. doi: 10.1109/TAFFC.2017.2736999.
13. Sboev A., Naumov A., Rybka R. Data-Driven Model for Emotion Detection in Russian Texts. *Procedia Computer Science*. 2021, vol. 190, pp. 637–642. doi: 10.1016/j.procs.2021.06.075.
 14. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L. et. al. Attention Is All You Need. *arXiv.org*. 2017. URL: <https://arxiv.org/abs/1706.03762> (accessed: 24.02.2025).
 15. Wagner J., Triantafyllopoulos A., Wierstorf H., Schmitt M., Burkhardt F. et. al. Dawn of the Transformer Era in Speech Emotion Recognition: Closing the Valence Gap. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. 2023, vol. 45, № 9, pp. 10745–10759. doi: 10.1109/TPAMI.2023.3263585.
 16. Xin D., Jiang J., Takamichi S., Saito Y., Aizawa A. et. al. JNVN: A Corpus of Japanese Emotional Speech with Verbal Content and Nonverbal Expressions. *IEEE Access*. IEEE, 2024, vol. 12, pp. 19752–19764. doi: 10.1109/ACCESS.2024.3360885.
 17. Zhou K., Sisman B., Liu R., Li H. Emotional voice conversion: Theory, databases and ESD. *Speech Communication*. 2022, vol. 137, pp. 1–18. doi: 10.1016/j.specom.2021.11.006.

Поступила в редакцию 23.03.2025

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 20.06.2025

Received 23.03.2025

Accepted 17.06.2025

Revised 20.06.2025

ОБ АВТОРАХ

Владислав Игоревич Лемаев — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; vladzhkv98@mail.ru

Наталья Валентиновна Лукашевич — доктор технических наук, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ; louk_nat@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladislav I. Lemaev — PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; vladzhkv98@mail.ru

Natalia V. Loukashevitch — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; louk_nat@mail.ru

МНОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕНСИФИКАЦИЯ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Скачкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; evgeniyaska4kova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена множественной интенсификации непроецессуального признака, когда в неформальной коммуникации для усиления его качественно-количественной оценки используется комплекс языковых средств, прежде всего словообразовательных и лексических. В центре исследования находятся комбинации словообразовательных интенсификаторов, а именно редупликация и гиперпрефиксация, характерные в основном для заимствованных препозитивных формантов (*супер-, мега-, гипер-* и др.). В работе анализируются примеры множественной интенсификации, способствующей повышению экспрессивности и иллокутивной силы высказывания, а также снятию омонимии. Исследование проведено на материале данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка, Генерального интернет-корпуса и интернет-источников.

Ключевые слова: словообразование; семантическая категория интенсивности; редупликация; гиперпрефиксация; интенсификатор; множественная интенсификация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-2

Для цитирования: Скачкова Е.В. Множественная интенсификация непроецессуального признака в современном русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 21–32.

MULTIPLE INTENSIFICATION OF NON-PROCEDURAL ATTRIBUTE IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Evgeniya V. Skachkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; evgeniyaska4kova@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the multiple intensification of a non-procedural feature, when in informal communication a complex of linguistic means, primarily word-formative and lexical, is used to intensify its qualitative and quantitative evaluation. The study focuses on combinations of word-formative intensifiers, namely reduplication and hyperprefixation, characteristic mainly of borrowed

prepositional formants (*super-, mega-, hyper-, etc.*). The paper analyzes examples of multiple intensification that contribute to increasing the expressiveness of a statement and its illocutionary force, and eliminating homonymy. The study is based on the data extracted from the National Corpus of the Russian Language, General Internet-Corpus of Russian, and online sources.

Keywords: word formation; semantic category of intensity; reduplication; hyperprefixation; intensifier; multiple intensification

For citation: Skachkova E.V. (2025) Multiple Intensification of Non-Procedural Attribute in Modern Russian Language. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 21–32.

Введение

Семантика интенсивности неоднократно становились предметом лингвистических исследований¹. Тем не менее, статус семантической категории интенсивности (далее — СКИ) до сих пор трактуется неоднозначно. По отношению к базовым семантическим категориям, таким как качественность и количественность, СКИ может быть представлена или как субкатегория количественности [Бодуэн де Куртене 1963; Крылов 2005], или качественности [ТФГ 1996]², или как промежуточная, качественно-количественная, категория [Шейгал 1981; Родионова 2005].

Как самостоятельная семантическая категория СКИ рассматривается в работах С.Е. Родионовой [Родионова 2004, 2005], при этом важно подчеркнуть, что ее анализ ведется в русле Теории функциональной грамматики. Специфику СКИ на фоне других качественно-количественных категорий (градуальности, недискретного количества и меры признака) определяет субъективный компонент: СКИ тесно связана с категориями эмотивности, оценки и экспрессивности. Именно субъективная составляющая объясняет коммуникативно ориентированный характер данной категории: средства интенсификации в первую очередь привлекают внимание адресата к значимой, с точки зрения адресанта, информации. Так, один из исследователей семантики интенсивности, И.И. Туранский, называет интенсификаторы «датчиками напряжения», которые «сигнализируют прагматический пик высказывания, высвечивают коммуникативно наиболее весомые элементы» [Туранский 1990: 125].

¹ См. работы И.А. Бодуэна де Куртене, Ш. Балли, Э. Сепира, Д. Болинджера, М.А. Артемьевой, И.Г. Беручашивили, Л.Г. Воробьевой, Л.Я. Герасимовой, Т.Н. Григоренко, В.Д. Девкина, С.Д. Карповской, И.Ю. Кутейш, Г.П. Леонтьевой, А.Н. Ливановой, М.О. Лойко, В.П. Мусиенко, А.Н. Полянского, И.В. Ревенко, Х.Н. Савичевой, Е.Н. Сергеевой, И.И. Сушинского, И.И. Туранского, И.И. Убина и др.

² В [ТФГ 2005] явления интенсивности рассматриваются в рамках категории компаративности, которая в свою очередь считается подкатегорией качественности.

В то же время высокая степень интенсификации — отличительная черта русской речи. Так, А. Вежицкая отмечала, что «русская речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок» [Вежицкая 1997: 84]. Поэтому нередко встречается целый комплекс средств, направленный на интенсификацию одного и того же признака³. Например, в обычном предложении *На улице идет **очень сильный** ливень, лучше останься дома* представлены два интенсификатора и один интенсификат (лексема *ливень* содержит сему '*сильный*'), говорящий таким образом стремится максимально воздействовать на адресата⁴. Подобный прием «усиления усиления» в нашем исследовании мы называем множественной интенсификацией⁵.

Для того, чтобы описать случаи множественной интенсификации, встречающиеся в русском языке, необходимо рассмотреть структуру СКИ. Вслед за С.Е. Родионовой [Родионова 2004] мы полагаем, что данная категория образует отдельное функционально-семантическое поле интенсивности (далее — ФСПИ). ФСПИ имеет ядро, состоящее из лексических и словообразовательных показателей высокой степени проявления признака⁶. Лексические единицы могут быть представлены как интенсификаторами, «сообщающими» семантику интенсивности, так и интенсификатами — имплицитными выразителями интенсивности. Словообразовательные форманты со значением высокой степени проявления признака представляют многочисленный класс языковых единиц, различающихся морфемным статусом, стилистическими и функциональными

³ Еще академик В.В. Виноградов в отношении диминутивов (т.е. возможных средств деинтенсификации, представляющих обратную сторону СКИ) писал следующее: «...формы субъективной оценки заразительны: уменьшительно-ласкательная форма существительного нередко ассимилирует себе формы определяющего прилагательного, требует от них эмоционального согласования с собою (например: маленький домик; седенький старичок и т.п.)» [Виноградов 1986: 101].

⁴ Ср. у С.Е. Родионовой: «Включение интенсифицированных слов в текст должно, по замыслу говорящего, усилить его воздействие на собеседника — выполнить экспрессивную функцию. Коммуникативная цель интенсификации, таким образом, состоит не столько в том, чтобы показать, что признак превышает норму, сколько в том, чтобы «ввести в высказывание аффективный компонент значения, усилить таким образом «эмотивную» сторону оценки — отношение субъект–объект и тем самым более эффективно воздействовать на адресата» [Вольф 2002: 111]» [Родионова 2004: 311].

⁵ Множественная интенсификация может быть рассмотрена в свете закона семантического согласования ([Гак 2004; Всеволодова 1979; Милославский 1980] и др.), однако следует помнить, что закон семантического согласования носит более обязательный характер.

⁶ С точки зрения С.Е. Родионовой, ядро ФСПИ включает лексические, словообразовательные и морфологические средства. Однако мы склоняемся к тому, чтобы считать суффиксы *-ейший* и *-айший* не грамматическими показателями, а показателями словообразовательных типов.

особенностями, источником происхождения. К периферии относятся фонетические и некоторые синтаксические средства.

Задача настоящего исследования — рассмотреть явление множественной интенсификации с участием словообразовательных интенсификаторов и других единиц из ядра ФСПИ. Таким образом, рассматриваемые нами случаи могут быть представлены двумя типами комбинаций — комплексами единиц одного уровня и разных языковых уровней.

Множественная интенсификация на уровне словообразовательных единиц: редупликация

Содержание понятия «редупликация» до сих пор является дискуссионным вопросом в лингвистике. Редупликацию могут трактовать как синтаксическое явление, но, как справедливо отмечал С.В. Щербаков, «...явление удвоения имеет место в языке на всех ярусах: фонетическом, лексическом, грамматическом; затрагивает как материальную форму языкового знака, так и его содержание; существует на уровне системы и нормы; действует в сфере языковых единиц и их отношений» [Щербаков 1982: 108]. Под редупликацией традиционно понимается «фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога... или целого корня» [ЛЭС: 408], которое «чаще... выступает как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т.д.» [Там же]. Таким образом, редупликация может быть представлена как один из основных способов интенсификации признака.

Как способ русского словообразования прежде в русле диахронного анализа редупликация была подробно рассмотрена в исследовании О.Ю. Крючковой [Крючкова 2000]. О.Ю. Крючкова обращает внимание на то, что «...в русском языке на протяжении всего его исторического развития в словообразовательных подсистемах разных частей речи функционируют разнообразие модели с нанизыванием одних и тех же или, чаще синонимических словообразовательных аффиксов» [Там же: 5]. Такое широкое понимание редупликации позволяет нам в рамках данной работы обращаться не только к повторам одной и той же морфемы-интенсификатора, но и рассматривать гиперпрефиксацию как частный случай редупликации.

Для кодифицированного литературного языка редупликация может быть допустима только в области повтора целых лексических единиц (например, *длинный-длинный забор*), в то время как повтор словообразовательного форманта, хоть и является узуальным, чаще все же нарушает языковую норму и встречается в неформальной коммуникации. Возможно, это связано с тем, что редупликация

характерна главным образом для заимствованных препозитивных формантов, существенная активизация которых происходит относительно недавно — с конца XX — начала XXI века.

Самым частотным формантом, который подвергается редупликации и в отсубстантивной, и в отафъективной деривации, следует признать формант *супер-*. Если производящее представлено именем существительным, то интенсифицируется в первую очередь положительная оценка того, что оно называет:

(1) *А когда в 73-м вышел суперсуперфильм «Семнадцать мгновений весны» и Копелян читал всего-навсего закадровый комментарий, в его ГОЛОС влюблялись не меньше, чем в самого Тихонова в роли Штирлица.* [Сергей Юрский. Вспышки. Заключительная глава книги // «Октябрь», 2001].

Кроме того, *супер-* иногда может быть редуплицирован многократно (*супер-супер-супер-удачный рецепт, супер-супер-супер-хороший снимок*) или даже с заменой начального элемента (*супер-пупер-известный меценат*⁷).

Несмотря на высокую частотность редупликативных комплексов именно с препозитивным формантом *супер-*, другие заимствованные словообразовательные интенсификаторы также могут участвовать в редупликации, в том числе многократной:

(2) *Торт вспомнила денрожденский, какой он был архиархишколадный, ууух!*

(3) *Хочу сказать, что мой сын гиперактивен. Точнее даже гипергипергиперактивен*

(4) *Ты мегамегапозитивный человек*

(5) *...в исполнении нашего веселого мегамегаталантливового друга...*

Среди исконных словообразовательных интенсификаторов подобное явление характерно для префикса *сверх-*, для которого, однако, НКРЯ фиксирует всего шесть примеров: *сверхсверхсущество, сверхсверхусилие, сверхсверхсуперсупербольшой, сверхсверхчеловек, сверхсверхнаглость, сверхсверхзадача*. Нетрудно заметить, что для некоторых из этих дериватов редупликация — это последовательное присоединение префиксов: существуют устойчивые дериваты *сверхчеловек* и *сверхзадача*, которые фиксируются лексикографическими источниками. В производном *сверхсверхчеловек*, по всей видимости, интенсифицируется комплекс признаков 'сила', 'воля' и т. п., в то время как в производном *сверхсверхзадача* первый компонент скорее выделяет идею-задачу среди прочих, менее важных для говорящего.

⁷ В современном русском языке подобная редупликация чаще всего представлена именно вариантом *супер-пупер-*, но встречаются и другие, например, *супер-дупер-* (транслитерированный англоязычный вариант) или *супер-друпер-*.

Таким образом, редупликация словообразовательных интенсификаторов — это характерная особенность функционирования заимствованных формантов, исконные интенсификаторы, даже префиксальные, в своем абсолютном большинстве в ней не участвуют.

Множественная интенсификация на уровне словообразовательных единиц: гиперпрефиксация

Термин «гиперпрефиксация» был встречен нами в работе А.А. Шишикиной [Шишикина 2010], в которой это явление представлено как окказиональный способ словообразования. Под гиперпрефиксацией мы понимаем одновременное (как правило) присоединение к производящей основе нескольких препозитивных формантов (нанизывание морфем на производящую основу)⁸, не несущее реального усиления признака: *супермегагипербольшой* имеет такое же значение, что и *супербольшой*. Для гиперпрефиксации существует довольно большое количество комбинаций. Так, в ГИКРЯ для наиболее распространенного начального компонента *супер-* встречаются около двух десятков сочетаний, наиболее частотным из которых является сочетание *супермега-* (оно встречается в 90 % случаев). При этом многие из комбинаций (например, *убер-супер-крутые шеф-повара* или *ультра-супер-мега-макро-смешная шутка*), представлены единичными вхождениями, что говорит об игровом характере этого явления. Кроме того, сочетания препозитивных формантов могут включать и такие морфемы, которые вовсе не являются интенсификаторами (*супер-квази-гипер-модная выставка*, единичный пример).

Конечно, исконные префиксы включаются в подобный процесс значительно реже. Чаще всего в таких морфемных комплексах встречается исконный префикс *сверх-*, который структурно очень похож на заимствованные словообразовательные интенсификаторы и тесно связан с препозитивным формантом *супер-*⁹. Тем не менее, было бы несправедливо утверждать, что в русском языке никогда

⁸ Стоит сказать, что иногда мы сталкиваемся с комбинацией аффиксов разного типа, как, например, в дериватах *супермегагеловещище* или *раскрасавище*. В подобных случаях следовало бы уточнить термин и назвать данное явление *гипер-аффиксацией*. Но в то же время мы должны отметить, что в подобных примерах скорее имеет место последовательное присоединение морфем, нежели присоединение комплексного дериватора, включающего и префикс(ы), и суффикс.

⁹ *Сверх-* в силу своей недостаточной обособленности от лексемы *сверх*, как и заимствованные препозитивные форманты-интенсификаторы, обладает не совсем определенным морфемным статусом. Кроме того, именно этот формант использовался для перевода с английского языка производных, в состав которых входил дериватор *super-* (*супер-*), их близость до сих пор отражается в сосуществовании терминов с варьирующимся префикс(оид)ом — *супербактерия* и *сверхбактерия*, *суперновая звезда* и *сверхновая звезда*.

не существовало гиперпрефиксации с участием исключительно исконных формантов: подобное явление возможно в комбинации *распре-* (и даже *распренаи-*). Довольно частотная, по данным НКРЯ, цепочка *распре-* встречается в источниках XIX века. Иногда она может осложнять редупликативную конструкцию или сочетаться с элативом: *распретолстый-толстый*, *темная-распретемная*, *распредобрейший*, *распрегорчайший*, *распречестнейший*, *распренаипользнейший* (единичный пример). Для XX–XXI веков подобных примеров в НКРЯ фиксируется уже очень мало — всего одиннадцать, при этом только два из них датированы второй половиной XX века и началом XXI века (оба этих примера представляют осложненную редупликативную конструкцию — *умную распреумную*, *длинные-распредлинные*).

ГИКРЯ также содержит немногочисленные вхождения, большая часть из которых представлена конструкцией *самый-распресамый*. Надо сказать, что лексема *самый* нередко встречается в качестве дополнительного интенсификатора в данных примерах (примерно половина вхождений представляет собой осложненную редупликативную конструкцию):

(6) У меня самое **распренормальное** чувство юмора

(7) Когда любой поступок, в том числе и самый **распредобрый**, совершается осознанно, после отбора вариантов...

(8) ...для меня дело самое **распреобычное**...

(9) А еще мне снова думается, что я толстая...**толстая-распретолстая**...всё, с едой завязываю...

Таким образом, гиперпрефиксация в современном русском языке обладает следующими особенностями. В большей степени она характерна для заимствованных формантов, при этом, как правило, первую позицию в цепочке занимает морфема *супер-*. Исконные префиксы также могут включаться в гиперпрефиксацию, хотя это происходит значительно реже. Большое число разнообразных по составу и количеству компонентов комбинаций, представленных единичными примерами, говорит об игровом и лингвокреативном потенциале этого процесса: состав препозитивных формантов может варьироваться и включать морфемы, которые не имеют интенсифицирующего значения (*квази-*, *турбо-*).

Множественная интенсификация: комбинация разноуровневых средств

Наиболее частотным типом множественной интенсификации представляется комбинация лексических и словообразовательных средств. Узуально одобренными являются комбинации с отсубстантивными дериватами, в состав которых входят суффиксы-аугментаторы (такие, как *-ищ-*, *-ин-*, *-ень* и т.п.). Если мы употребляем

производное *холодина*, то, вероятнее всего, атрибутом к нему выступают такие прилагательные, как *дикая, жуткая, ужасная, собачья*. При производном *кровища* часто употребляются глаголы *хлестать* и *хлынуть*, которые помимо интенсивности процессуального признака также указывают на количество вещества. *Жарень* будет *аномальной, дикой, жуткой, запредельной* и т. д. Среди подобных примеров интересны случаи, когда лексический интенсификатор также подвергается дополнительной интенсификации при помощи словообразовательного средства — *страшнучая жарень, здоровенный китище* и т. п.

В среднем комбинация лексических и словообразовательных интенсификаторов встречается в высказываниях с отсубстантивными аугментативами не менее чем в 25 % случаев. Такая частотность обусловлена, с нашей точки зрения, тем, что суффиксы-аугментаторы, как правило, многозначны, это постепенно может приводить к потере экспрессивности и вследствие — к частичной утрате семантики интенсивности. Стертое значение высокой степени проявления признака требует от пишущего дополнительной интенсификации при помощи других языковых единиц. В некоторых случаях множественная интенсификация помогает снять омонимию. Так, в Словаре словообразовательных аффиксов русского языка суффикс *-ин(а)* представлен семью омонимами [ССЛАРЯ 2016]. И, например, в лексеме *рыбина* может быть выделен как суффикс сингулятива *-ин(а)*³, так и *-ин(а)*⁴ со значением увеличенного параметрического показателя:

(10) Сюда с третьего этажа переселилась белуга — самая большая наша *рыбина*.

Как кажется, именно наличие атрибута (*самая*) *большая* дает возможность адресату правильно идентифицировать значение деривата.

Несколько иначе выглядит комбинация лексического интенсификатора и заимствованного препозитивного форманта-интенсификатора:

(11) *очень супер-загадочные* круги на полях стали появляться и в Волгоградской области!

(12) Ты мне в нос тыкал «свЕдениями», утверждая, что они уж *очень супер-официальные*. Оказалось, что сам Источник заявляет, что информация СУГУБО СУБЪЕКТИВНАЯ.

(13) В общем это *очень супер-крутой* планишет и будет приятно очутить его под своей елкой.

(14) *Очень супер-классная атмосфера*) Спасибо организаторам, и всем, кто там был!)

(15) И все за *очень супер разумную* цену в 9999 русских рублей. Еще и торг обоснованный.

(16) И *очень-очень супер симпатичный!!!*

Если *здоровенный китище* вполне может быть узуальным, то подобные примеры причислить к нормативным сложно.

Кроме того, отдельно стоит сказать об усилителях, которые можно назвать универсальными, т. к. они не имеют выраженной оценочной валентности — это местоименные прилагательные *какой* и *такой*. Они одинаково частотно сочетаются с производными, включающими как заимствованные, так и исконные форманты, хотя сочетание с исконным дериватором все же представляется более естественным и поэтому предпочтительным:

(17) **Какой котяра...** Ягуар прямо!

(18) **...какая жарень!** Выбрался из дому на пол часа, теперь в себя прийти не могу. УЖОС!!!

(19) **....был чудный мартовский день!!! Первый раз 10 марта была такая теплынь)))** грелась на солнышке...

Для заимствованных интенсификаторов подобные конструкции менее характерны. Чаще встречаются примеры, когда конструкция выстраивается по схеме «словообразовательный интенсификатор + лексический усилитель + производящее»¹⁰, при этом в качестве производящего могут выступать и имена прилагательные, и имена существительные:

(20) А если ещё и любимый рядом, то это вообще **супер какая мечта**)

(21) Палыч, танцуй! **супер какой молодец**, здоровья и еще раз здоровья Виктору Павловичу!!!!

(22) **...выходит, что тяжелоатлетический пояс, штука — очень даже необходимая и супер какая полезная!** Ага!

В качестве лексического усилителя в подобных случаях выступает только *какой*, что вполне закономерно отсылает нас к уже существующим узуальным конструкциям, начинающимся с *ужас как* или *ужас какой*. В то же время сам факт лексикализации морфемы, ее способность включаться в такие комбинации говорит нам о том, что ее следует признать полифункциональной¹¹.

¹⁰ В данном случае схема выстроена условно: предполагается, что мы имеем дело с начальным этапом лексикализации морфемы, так как полифункциональная единица *супер* в случае обособленного употребления имеет чистое оценочное значение ('очень хорошо, превосходно'), а здесь, очевидно, выступает как интенсификатор. Кроме того, мы не можем исключить следующий вариант трактовки подобных случаев: лексический усилитель *какой* «разрывает» производное с дериватором *супер*- (*супер какая мечта* < *супермечта*, *супер какой молодец* < *супермолдец* и *супер какая полезная* < *суперполезная*).

¹¹ Полифункциональность *супер*- проявляется и в его многозначности, и в способности этого препозитивного форманта выступать в качестве дериватора и в отыменной, и окказионально в отглагольной деривации, что представляется для современного русского языка большой редкостью. Кроме того, данная язы-

Заключение

Таким образом, множественная интенсификация представлена в современном русском языке широким кругом комбинаций языковых единиц, к числу которых относятся редупликация, гиперпрефиксация и комплексы разноуровневых интенсификаторов.

Редупликация одной и той же морфемы в абсолютном большинстве случаев характерна для заимствованных формантов, наиболее частотным среди которых является препозитивный формант *супер-*. Он может повторяться многократно (*супер-супер-супер-удачный*, *супер-супер-супер-хороший снимок* и т. д.) или с заменой начального слога одного из повторяющихся элементов (*супер-пупер-известный*, *супер-дупер-большой*, *супер-друпер-гениальный* и т. д.). Гиперпрефиксация, рассматриваемая нами как частный случай редупликации, обладает высоким лингвокреативным потенциалом: большая часть таких цепочек встречается в отдельных игровых примерах и иногда включает форманты, которые не являются интенсификаторами (*супер-квази-гипер-модная выставка*). В состав комплекса морфем при гиперпрефиксации могут входить и исконные интенсификаторы (*наи-супер-сверх-важнейшая*), но последние случаи единичны. Комбинации, включающие только исконные префиксы (типа *распредобрый*), в настоящее время почти не употребляются. Это позволяет нам считать гиперпрефиксацию отличительной особенностью функционирования заимствованных формантов-интенсификаторов.

Для исконных морфем более частотна множественная интенсификация с участием лексических и словообразовательных средств (*жуткая холодина*, *страшнючая жарень*, *здоровенный котяра*). Кроме того, в качестве атрибута в определенных конструкциях могут выступать усилители *какой* и *такой* (*Такая теплынь!*). Наше исследование показало, что дериваты с заимствованным формантом *супер-* плохо сочетаются с универсальным лексическим интенсификатором *очень*. В последние годы активизируется конструкция, где морфема *супер-* лексикализуется и сочетается с лексическим усилителем *какой* (*супер какой молодец*, *супер какая мечта*, *супер какая полезная*). Это позволяет сделать вывод о полифункциональном характере *супер-*.

Множественная интенсификация в первую очередь служит целям повышения экспрессивности высказывания. Адресант, играя с нормой, стремится привлечь внимание собеседника и увеличить иллокутивную силу высказывания. Тем не менее, в ряде случаев множественная интенсификация служит средством, обеспечивающим

ковая единица, лексикализуясь, способна занимать разные позиции — и наречия, и аналитического прилагательного, и предикатива, и частицы.

надежность восприятия адресатом информации: она помогает снять омонимию и эксплицирует семантику интенсивности в тех единицах, которые имеют стертый экспрессивный потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 311–324.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
5. Всеволодова М.В. О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. М., 1979. № 1. С. 103–113.
6. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2004.
7. Крылов С.А. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 44–65.
8. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов, 2000.
9. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
10. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб, 2005. С. 150–168.
11. Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 300–313.
12. ССлАРЯ = Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка (сост. В.В. Лопатин, И.С. Улуханов). М., 2016.
13. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.
14. ТФГ 1996 — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.
15. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дисс... канд. филол. наук. М., 1981.
16. Шишикина А.А. Активные процессы современного словопроизводства и их отражение в текстах СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 2. С. 302–307.
17. Щербаков С.В. О месте редупликации в языковой структуре // Лексико-фразеологические исследования русского языка. Фрунзе, 1982.

REFERENCES

1. Boduen de Kurtene I.A. Kolichestvennost' v yazykovom myshlenii [Quantification in language thinking] // Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu. T. 2. Moscow, 1963, pp. 311–324.
2. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1997.
3. Vinogradov V.V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow, 1986.
4. Vol'f E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. Moscow, 2002.
5. Vsevolodova M.V. O semanticheskom soglasovanii glagolov i imennyh temporal'nyh rasprostranitelej // Voprosy yazykoznaniya. Moscow, 1979, no. 1, pp. 103–113.
6. Gak V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka. Moscow, 2004.

7. Krylov S.A. Kolichestvo kak ponyatijnaya kategoriya [Quantity as a conceptual category] // Logicheskij analiz yazyka. Kvantifikativnyj aspekt yazyka. Moscow, 2005, pp. 44–65.
8. Kryuchkova O.Yu. Reduplikaciya kak yavlenie russkogo slovoobrazovaniya [Reduplication as a phenomenon of Russian word formation]. Saratov, 2000.
9. Miloslavskij I.G. Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza. Moscow, 1980.
10. Rodionova S.E. Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke [Semantics of intensity and its expression in the modern Russian language] // Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury. St. Petersburg, 2005, pp. 150–168.
11. Rodionova S.E. Intensivnost' i ee mesto v ryadu drugih semanticheskikh kategorij [Intensity and its place among other semantic categories] // Slavyanskij vestnik. Vyp. 2. M., 2004, pp. 300–313.
12. SSLARYA = Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremenного russkogo yazyka (sost. V.V. Lopatin, I.S. Uluhanov) [Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language]. Moscow, 2016.
13. Turanskij I.I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v anglijskom yazyke [The semantic category of intensity in English]. Moscow, 1990.
14. TFG 1996 — Teoriya funkcional'noj grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost' [Theory of functional grammar: Qualitativity. Quantification]. St. Petersburg, 1996.
15. Shejgal E.I. Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremenном anglijskom yazyke: Diss... kand. filol. nauk [Intensity as a component of word semantics in modern English]. Moscow, 1981.
16. Shishikina A.A. Aktivnye processy sovremenного slovoпроизводства i ih otrazhenie v tekstah SMI [Active processes of modern word production and their reflection in mass media texts] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 2, 2010, pp. 302–307.
17. Shcherbakov S.V. O meste reduplikacii v yazykovoj structure [On the place of reduplication in language structure] // Leksiko-frazeologicheskie issledovaniya russkogo yazyka. Frunze, 1982.

Поступила в редакцию 10.06.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 20.06.2025

Received 10.06.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 20.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Евгения Владимировна Скачкова — преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; evgeniyaska4kova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Skachkova — Lecturer at the Department of Russian for Foreign Students of Natural Sciences, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; evgeniyaska4kova@yandex.ru

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА» КАК СЛОВАРЬ НОВОГО ТИПА: СИНТЕЗ ПРЕСКРИПТИВНОГО И ДЕСКРИПТИВНОГО ПОДХОДОВ

В.А. Рязанова

Донецкий государственный университет, Донецк, Россия; ryazanova.v.a@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию особенностей «Толкового словаря сложносокращенных слов», разрабатываемого кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, с позиции реализации в нем признаков дескриптивного и прескриптивного толкового словаря. Рассматриваемый лексикографический труд представляет собой словарь сокращений «нового типа», специальным объектом описания в котором являются сложносокращенные апеллятивы — единицы, которые ранее практически не попадали в поле зрения лексикографов. Описание языкового материала в словаре осуществляется с учетом не только структурных, но и лексических, стилистических и системных характеристик лексем. В работе разграничиваются понятия «дескриптивный словарь» и «прескриптивный словарь», рассматриваются их основные характеристики. Излагаются базовые положения синхронно-эквивалентностного подхода к процессу универбализации, который лежит в основе новой словарной интерпретации, реализуемой в «Толковом словаре сложносокращенных слов». Автором объясняется необходимость выведения сложносокращенных слов в качестве отдельного объекта словарного описания. Подробно излагаются методы отбора языкового материала и дальнейшей лексикографической работы с ним, рассматривается, каким образом в структуре словарных статей объединяются указанные выше аспекты описания вокабул. Отмечается, что сбор словника производится по принципам, используемым для составления дескриптивных словарей. Описание же языкового материала проводится с учетом нормативности сокращений и их синтаксических эквивалентов, что характерно для словарей прескриптивного типа. Таким образом, анализируемый словарь является результатом компромиссного объединения дескриптивного и прескриптивного методов в одном лексикографическом проекте.

Ключевые слова: дескриптивный словарь; прескриптивный словарь; словарь сокращений; сложносокращенный апеллятив; синтаксический эквивалент; синхронный подход

Финансирование: Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития

русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-3

Для цитирования: Рязанова В.А. «Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка» как словарь нового типа: синтез прескриптивного и дескриптивного подходов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 33–42.

“EXPLANATORY DICTIONARY OF COMPLEX ABBREVIATED WORDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE” AS A DICTIONARY OF A NEW TYPE: SYNTHESIS OF PRESCRIPTIVE AND DESCRIPTIVE APPROACHES

Valeriya A. Ryazanova

Donetsk State University, Donetsk, Russia; ryazanova.v.a@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the description of the peculiarities of “Explanatory Dictionary of Compound Abbreviated Words” from the position of realization in it of the features of descriptive and prescriptive explanatory dictionary. This dictionary is being produced at the Department of Russian Language of Donetsk State University. This project is a private dictionary of abbreviations of a “new type”. The special object of description in it are complex abbreviated appellatives, which have been almost never studied by lexicographers before. In addition, the description of a language material takes into account not only structural, but also lexical, stylistic and systemic characteristics of lexemes. The paper demarcates the concepts of “descriptive dictionary” and “prescriptive dictionary”, considers their main characteristics. The basic positions of the synchronic-equivalent approach to the process of univerbalization, which is the basis of the analyzed dictionary, are presented. We argue the necessity of deducing complex abbreviated words as a separate object of dictionary description. The methodology of language material selection and its further lexicographic research is described. We consider how the above-mentioned aspects of lexeme description are combined in the structure of dictionary entries. It is established that the collection of wordlist follows the principles used in the creation of descriptive dictionaries. The description of linguistic material is carried out taking into account the normativity of abbreviations and their syntactic equivalents, which is characteristic of prescriptive dictionaries.

Keywords: descriptive dictionary; prescriptive dictionary; dictionary of abbreviations; complex abbreviated appellative; syntactic equivalent; synchronic approach

Funding: The research was conducted under the theme of the state assignment “Structural and functional parameters of the existence and development of the Russian language of 20th–21st centuries in its regional and general linguistic aspects” (No. of the state registration of R&DKTR 124051400024-1).

For citation: Ryazanova V.A. (2025) "Explanatory Dictionary of Complex Abbreviated Words of the Russian Language" as a Dictionary of a New Type: Synthesis of Prescriptive and Descriptive Approaches. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 33–42.

1. Постановка проблемы

Традиция деления толковых словарей на дескриптивные и дескриптивные существует с давних времен как в русской, так и в зарубежной лексикографии.

Прескриптивные словари связаны с передачей устоявшейся языковой нормы. В отечественной лексикографии выработалось два взгляда на «нормативность»: словари, основанные на ортологической традиции, выполняют нормализаторскую функцию, являются орудием формирования высокой культуры речи (например, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова); нормативно-стилистические словари фиксируют «лексико-стилистические нормы своего времени», общепринятые среди носителей языка, не навязывая при этом ограничения в выборе языковых средств, но давая правильную стилистическую оценку лексем с помощью помет (например, «Большой академический словарь русского языка») [Приемышева 2024: 15].

Дескриптивные словари — это регистрирующие лексикографические проекты, стремящиеся охватить все пласты языка в полном объеме, систематизировать все языковые явления, в том числе выходящие за пределы общелитературной нормы. Для дескриптивных словарей принципиальную важность имеет «очевидный факт <...> существования и широкого использования» [Разумовская 2016: 38] языковой единицы. Одним из наиболее авторитетных дескриптивных словарей в русской лексикографии является «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Строгое деление толковых словарей обусловлено в большей степени не классифицирующим, а регулирующим фактором, поскольку тип словаря регламентирует и принципы отбора материала, и методы его дальнейшего лексикографического описания.

При этом в реальной лексикографической практике обнаруживается тенденция слияния двух методологических принципов в одном издании: «Традиционно выделяемые типы толковых словарей сближаются друг с другом <...>, и в то же время создаются новаторские словари, построенные на оригинальных авторских концепциях. Типологическая система толковых словарей русского языка сегодня в значительной степени разрушена» [Воронцов 2024: 7].

«Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка», разрабатываемый Экспериментальной лабораторией исследования

тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета (далее — Лаборатория), как утверждается в предисловии, является «словарем нового типа». Новизна «Словаря» заключается в новаторском теоретическом подходе к словообразованию, который лег в основу проекта, в выборе языкового материала и методов его описания. В связи с этим возникла необходимость в уточнении типа разрабатываемого «Словаря» и в определении соотношения в нем принципов дескриптивизма и прескриптивизма.

2. Теоретические основы «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка»

В основу «Словаря» легли положения синхронно-эквивалентностного подхода к универбализации, разработанные Лабораторией.

Традиционный подход к аббревиации, сформировавшийся в прошлом столетии, определяет деривационные отношения между словосочетанием и сокращением. Он предполагает существование замкнутой коррелятивной пары «словосочетание — универбат», в которой словосочетание выступает первичным звеном.

Синхронно-эквивалентностный подход специализируется на обнаружении актуальных тексто-эквивалентностных отношений между сокращением и всеми его потенциальными эквивалентами. Под эквивалентностью понимается возможность использования сокращения и расчлененного коррелята в одном тексте в качестве абсолютных синонимов. Словосочетание квалифицируется как **синтаксический эквивалент** сокращения (СЭ) при соблюдении трех критериев: изоморфности структур слова и словосочетания; возможности субституции сокращения и словосочетания в одном контексте без искажения языкового сообщения; высокой частотности словосочетания [Теркулов 2023]. Например, сокращение *шифроключ* находится в отношениях текстовой эквивалентности со словосочетанием *шифровальный ключ*: 1) обе языковые единицы включают в состав коррелятивные структурные компоненты (компоненту *шифровальный* соответствует конструкт сокращения *шифр*-, а компоненту *ключ* — базис сокращения *ключ*); 2) и словосочетание, и сокращение используются в контекстах в одном и том же значении ('набор данных, при помощи которого выполняется шифрование и расшифровка информации'); 3) для сокращения насчитывается 375 440 включений в электронные тексты, отобранные методом сплошной выборки в информационно-поисковой системе Google.

Аббревиатура часто связана тексто-эквивалентностными отношениями сразу с несколькими словосочетаниями. Например, для сложного слова *продимпорт* на актуальном срезе языка обнаружи-

вается 5 регулярно используемых СЭ: *импорт продовольствия*, *импорт продовольственных товаров*, *импорт продуктов*, *продовольственный импорт*, *импорт продтоваров*. Таким образом, вокруг сокращения формируется гнездо эквивалентности, представляющее собой совокупность частотных синхронно сосуществующих единиц, связанных с универбатом отношениями формально-семантической эквивалентности. Этим обосновано выделение гнезд эквивалентности в качестве объекта описания в «Словаре».

3. Объект описания «Словаря» и методика сбора материала

Сложносокращенные апеллятивы (ССА) впервые стали специальным объектом описания в «Словаре». К сложносокращенным словам его составители относят частично сокращенные слова, слоговые и инициально-слоговые аббревиатуры. В «Словаре» не представлены аббревиатуры инициального типа и сокращенные онимы всех структурных типов, поскольку, во-первых, они, в отличие от сложносокращенных апеллятивов, достаточно широко описаны в частных словарях сокращений; во-вторых, такие лексемы формируют одновалентные отношения эквивалентности со словосочетаниями.

При создании инициальных сокращений происходит «осознанная ситуативная замена слова, входящего в коллокативное словосочетание, его первым звуком или первой буквой, не имеющими семантической закреплённости» [Теркулов 2020: 104]. Пользователь языка, не знакомый с достоверной расшифровкой инициальной аббревиатуры, не может свободно интерпретировать сокращение в синтаксический эквивалент, что ограничивает возможность формирования множественной эквивалентности. Например, аббревиатуре *АЛ* с равным успехом соответствуют расшифровки *автомобильная лаборатория*, *абонентская линия*, *авторский лист* и т. д.

Сокращенные онимы искусственно конструируются по желанию номинатора или по законам формирования номенклатурных единиц, при этом процесс их создания часто сопровождается нарушением изоморфности развернутого наименования и аббревиатуры (*Информэнерго — центр научно-технической информации по энергетике и электрификации*; формальное выражение получили два полнозначных компонента коллокации из шести). Таким образом, «компонентное несоответствие, сохранение или удаление одного из структурных элементов в аббревиатуре приводит к образованию такого сложносокращенного онима, который невозможно правильно дешифровать» [Штельман 2022: 62]

При образовании ССА реализуется наиболее естественный, «стихийный» тип свертывания словосочетания в слово: единицы дан-

ного типа создаются путем стереотипного замещения аббреконтруктом мотивационно связанного с ним слова в словосочетании и легко интерпретируются носителями языка.

Первичный поиск языкового материала осуществляется методом выборки из изданных ранее словарей, корпусов и баз данных (к таковым относится, например, сервис sokr.ru, портал «Грамота», база данных словарей «Академик» и т. д.). Лабораторией разработаны методы поиска сокращений и их эквивалентов в релевантных электронных текстах, доступных к поиску с помощью информационно-поисковых систем. Например, А.И. Бровцом внедрен метод побуквенного подбора сокращений при помощи инструмента автозаполнения поисковой строки; Е.С. Крестьянинова предложила метод поиска сокращений и СЭ по побуквенному подбору прогнозируемых словосочетаний. Эти методы позволяют составителям найти большое количество сокращений, не зафиксированных в словарях.

В процессе сбора лексем происходит подсчет числа их включения в тексты (вычисляется сумма включений в тексты всех падежных форм в поисковой системе Google).

Гнёзда эквивалентности, прошедшие количественный отбор, составляют эмпирическую базу сокращений и расшифровок. На этом этапе сбора материала предполагается наличие лагун, поскольку при эмпирическом сборе задействованы индивидуальные навыки расшифровки составителей «Словаря». Для фиксирования неучтенных эквивалентов Лабораторией разработана методика прогнозирования отношений эквивалентности, в основе которой — заполнение лагунарных позиций путем аналогической или семантической подстановки моделей словосочетаний.

Метод прогнозирования отношений эквивалентности позволяет добиться большей объективности и максимально детализировать совокупности всех гнезд эквивалентности, описываемых в «Словаре». Таким образом, составители руководствуются принципом всеобъемлющего охвата языкового материала, характерного для дескриптивного подхода к составлению толковых словарей.

4. Многоаспектный подход к описанию языкового материала

Аббревиатуры упрочнились в современном русском языке, в связи с чем появилась необходимость их полноценного лексикографического описания. Для этого составители «Словаря» вышли за рамки жанра словаря сокращений и проводят многоаспектное описание отобранного материала.

Отметим, что классические специализированные словари сокращений («Словарь сокращений русского языка» под ред. Д.И. Алек-

сеева и под.) не дают толкований аббревиатур. Основу таких словарей составляют структурные расшифровки сокращений, которые расцениваются авторами словарей как приемлемая замена толкований. Однако структурные трактовки не способны предоставить пользователям полноценные сведения о лексико-стилистических особенностях аббревиатур, что приводит к информативной недостаточности словарных статей (подробнее см. в [Рязанова 2022]).

Статьи разрабатываемого «Словаря» построены таким образом, чтобы учесть целый комплекс аспектов описания.

Словообразовательный аспект реализуется в блоке текстовых эквивалентов. ССА в «Словаре» описываются вместе с совокупностью их расшифровок, фиксируемых в текстах на синхронном уровне. Для каждого СЭ приводится информация о соотношении частоты его использования по сравнению с соответствующим сокращением (т. н. балансы индексов употребления). Хотя «Словарь» посвящен описанию синхронных аббревиатур (т. е. лексем, которые на актуальном срезе языка воспринимаются как аббревиатуры и расшифровываются в СЭ), на основе балансов индексов можно косвенно установить очередность возникновения компонентов гнезда эквивалентности в языке, установив таким образом путь его диахронного формирования. Например, сокращение *нефтеснабжение* (13 500 включений) расшифровывается в СЭ *снабжение нефтью* (14 300 включений) и *снабжение нефтепродуктами* (8100 употреблений). СЭ *снабжение нефтью* используется в равном соотношении с сокращением (баланс индексов = 0,9), а словосочетание *снабжение нефтепродуктами* встречается реже сокращения (баланс индексов = 1,6), что может свидетельствовать о его более позднем появлении в языке.

Лексико-стилистический аспект воплощен в блоке толкования аббревиатур, в который помимо толкований значений вокабул включены также ударение, грамматическое описание и стилистические пометы: «*Мѣдсѣ́нбѣ́т, -а*, м. *Истор.* В ВС СССР формирование медицинской службы тыла вооруженных сил в составе соединения...».

Необходимость введения в структуру словарных статей блока толкования лексического значения обусловлена несколькими факторами. Во многих случаях приведенной синтаксической расшифровки недостаточно для понимания значения аббревиатуры, поскольку сама коллокация нуждается в толковании. Кроме того, толкования требуют аббревиатуры-термины и многозначные сокращения. Например, ССА *броне́рукав* расшифровывается в словосочетание *бронированный рукав*. Сокращение имеет значение 'гибкий трубопровод, изготавливаемый из оцинкованной стали' и не связа-

но с обозначением защитного элемента одежды, как это может показаться на первый взгляд, по аналогии с сокращениями *бронежилет, броневоротник, бронекостюм* и др. Расшифровка, хотя и имеет описательную структуру, не несет никакой существенной информации о значении аббревиатуры.

Составители «Словаря» постарались учесть все частотные ССА, употребляющиеся на данный момент в языке. Таким образом, в словник вошли не только общеупотребительные слова, но и сокращения, имеющие разговорную и просторечную стилистическую окраску; включены также СЭ, представляющие собой отступления от языковых норм. Для маркировки такой лексики была разработана специальная система функционально-стилистических помет, обозначающих историзмы, архаизмы, книжные, разговорные слова и просторечия; с помощью астериска маркируются частотные некодифицированные СЭ.

ССА, разумеется, находятся в системных отношениях с другими языковыми единицами. В словарных статьях приводятся т. н. лексические текстовые эквиваленты аббревиатур, к которым относятся синонимы и родовые наименования, поскольку и одни, и другие встречаются в одних контекстах в качестве взаимозаменяемых компонентов. Приводятся также производные лексемы и инициальные или слоговые дублеты ССА.

Статья разрабатываемого «Словаря» имеет следующий вид:

Лесфо́нд, (ЛФ) -а, м. Все леса, за исключением лесов, расположенных на землях обороны и землях населенных пунктов (поселений), а также земли *лесфонда*, не покрытые лесной растительностью (лесные земли и нелесные земли) ◀ 0,1: *лесной фонд* ▶ 30: *фонд леса*; 40: *фонд лесов* • *запас, ресурс, фонд* • *лесфондовый*.

5. Заключение

Метод многоаспектного толково-словообразовательного описания аббревиатур имеет преимущества перед традиционным лексикографическим подходом, в котором учитывался прежде всего словообразовательный аспект.

Сбор материала для «Словаря» происходил по принципам дескриптивного подхода: составителями учитывались все пласты лексики. Кроме того, для максимального охвата языковых единиц применялся метод прогнозирования сокращений и их отношений эквивалентности с потенциальными СЭ. При этом весь вошедший в «Словарь» материал прошел квантитативную верификацию, которая исключает возможность попадания в словник окказионализмов.

Описание же отобранного материала проводилось с учетом лексико-статистических особенностей вокабул и их синтаксических расшифровок. Для вошедших в словник сокращений, а также для лексем из блока лексических текстовых эквивалентов используется система помет, которые нужны для маркировки историзмов, архаизмов, просторечия, книжных и разговорных слов. Блок СЭ содержит расшифровки, которые составлены с нарушением общепринятых языковых норм. Для их обособления используется астериск.

Таким образом, «Словарь» представляет собой пример органичного соединения лексикографических методов, используемых при составлении прескриптивных и дескриптивных словарей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронцов Р.И.* Нормативно-стилистический толковый словарь как «моментальная фотография» современного словоупотребления: новый взгляд на учение Ю.С. Сорокина / Р.И. Воронцов // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 5–22. DOI 10.17223/22274200/31/1.
2. *Приемышева М.Н.* К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции / М.Н. Приемышева, Е.Г. Стукова // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 5–23. DOI 10.17223/22274200/32/1.
3. *Разумовская В.А.* Корпусный подход к фиксации новых речевых явлений (на материале лексемы knowledge) / В.А. Разумовская, В.А. Кононова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 37–46.
4. *Рязанова В.А.* Специфика словарной интерпретации семантики аббревиатур / В.А. Рязанова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 158–169.
5. *Теркулов В.И.* Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В.И. Теркулов // Русистика. 2020. Т. 18, № 1. С. 97–112. DOI 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112.
6. *Теркулов В.И.* Эквивалентный текст: модели употребления сложносокращенного слова и его дескриптивного коррелята / В.И. Теркулов // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля): Сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 22–24 ноября 2023 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 484–491.
7. *Штельман Т.А.* Сложносокращенные онимы как формально-ономасиологический тип аббревиатур / Т.А. Штельман // Новые горизонты русистики. 2022. № 18. С. 58–63.

REFERENCES

1. Vorontsov R.I. Normativno-stilisticheskii tolkovyi slovar' kak «momental'naya fotografiya» sovremennogo slovoupotrebleniya: novyi vzglyad na uchenie Yu.S. Sorokina [Normative-stylistic explanatory dictionary as a “snapshot” of modern vocabulary: a new look at the teachings of Y.S. Sorokin]. *Voprosy leksikografii*, 2024, 31, pp. 5–22. (In Russ.). DOI 10.17223/22274200/31/1.

2. Priemysheva M.N., Stukova E.G. K sodержaniyu ponyatiya «normativnyi slovar'» v otechestvennoi tolkovoi leksikografii: normativno-stilisticheskaya vs ortologicheskaya traditsii [On the content of the concept of “normative dictionary” in Russian explanatory lexicography: normative-stylistic vs orthological traditions]. *Voprosy leksikografii*, 2024, 32, pp. 5–22. (In Russ.). DOI 10.17223/22274200/32/1.
3. Razumovskaya V.A., Kononova V.A. Korpusnyi podkhod k fiksatsii novykh rechevykh yavlenii (na materiale leksemy knowledge) [Corpus approach to the fixation of new speech phenomena (on the material of the lexeme knowledge)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*, 2016, 1, pp. 37–46. (In Russ.)
4. Ryazanova V.A. Spetsifika slovarnoi interpretatsii semantiki abbreviatur [Specificity of dictionary interpretation of the semantics of abbreviations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, 1, pp. 158–169. (In Russ.)
5. Terkulov V.I. Slozhnosokrashchennye apellyativy kak avtonomnaya raznovidnost' abbreviatur [Complex abbreviated appellatives as an autonomous variety of abbreviations]. *Rusistika*, 2020, 18, 1, pp. 97–112. (In Russ.). DOI 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112.
6. Terkulov V.I. Ekvivalentnyi tekst: modeli upotrebleniya slozhnosokrashchennogo slova i ego deskriptivnogo korrelyata [Equivalent text: patterns of use of a complex abbreviated word and its descriptive correlate]. *Yazyk-tekst-diskurs v novykh usloviyakh kommunikatsii (k 60-letiyu professora T.B. Radbilya)*, 2023, pp. 484–491. (In Russ.)
7. Shtel'man T.A. Slozhnosokrashchennye onimy kak formal'no-onomasiologicheskii tip abbreviator [Complex abbreviated onyms as a formal onomasiological type of abbreviations]. *Novye gorizonty rusistiki*, 2022, 18, pp. 58–63. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.08.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 20.06.2025

Received 03.08.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 20.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Валерия Александровна Рязанова — кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка Донецкого государственного университета; ryazanova.v.a@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valeriya A. Ryazanova — PhD, Assistant at Department of the Russian Language, Donetsk State University; ryazanova.v.a@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ЛЕЧЕБНИКЕ XVII ВЕКА «ПРОХЛАДНЫЙ ВЕРТОГРАД»

Е.А. Галинская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; eaagalinsk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются краткие и полные действительные причастия, извлеченные из рукописного лечебника XVII в. «Прохладный вертоград» (РГБ ф. 317, № 8), на фоне данных других древнерусских и старорусских текстов из НКРЯ (ruscorgo.ru). Найден ряд примеров употребления кратких неизменяемых причастий (вернее, уже деепричастий), субъект которых не совпадает с субъектом основного действия, в качестве второстепенного сказуемого, при том что в берестяных грамотах XI–XV вв. и челобитных грамотах XVI–XVII вв. случаи такого рода единичны. В рукописи имеются также уникальные формы полных причастий настоящего времени с суффиксами *-уч-*, *-ач-*. Во всех текстах старорусского и древнерусского подкорпусов НКРЯ, исключая один — любовный заговор 1690–1710 гг., — обнаруживается лишь 5 примеров причастного использования слов *лежащий* (3 р.), *бъгающий*, *сѣдящий* и 26 примеров причастного употребления слова *будущий*, которое, видимо, имело особый статус. В любовном заговоре 1690–1710 гг. есть 6 форм с *ч*: *лежащий*, *сидящий*, *стоящий*, *ходящий*, *идущий*, *спящий*, 4 из которых совпадают с возникшими из них прилагательными. В лечебнике же зафиксировано лишь 1 причастие, ставшее в русском языке прилагательным: *текущий*, и 6 причастий, аналогов среди прилагательных не имеющих: *дрожащий*, *кашлющий*, *приимающий*, *растучий*, *спящий*, *травляющий*. При этом переводчик/переписчик лечебника чувствовал ненормативность причастий с *ч*, так как допустил гиперкоррекцию в написании прилагательного *падучий* (недуг/болезнь): *ω^m падүщего недүга*, так что, возможно, в его языковом сознании было больше причастий с суффиксами *-ач-*, *-уч-*, чем отразилось в тексте, но он умел делать пересчет ненормативных форм на нормативные.

Ключевые слова: памятники древнерусской и старорусской письменности; лечебник XVII в.; деепричастия; полные действительные причастия настоящего времени

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-4

Для цитирования: Галинская Е.А. Особенности употребления и образования действительных причастий в лечебнике XVII века «Прохладный вертоград» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 43–54.

SPECIAL ASPECTS OF THE USE AND FORMATION OF ACTIVE PARTICIPLES IN THE 17th-CENTURY MEDICAL GUIDE *PROKHLADNYI VERTOGRAD*

Elena A. Galinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eagalinsk@mail.ru

Abstract: The article examines short and full active participles extracted from the handwritten medical book of the 17th century *Prokhladnyi Vertograd* (RGB f. 317, No. 8), against the background of data from other Ancient Russian and Old Russian texts presented in the National Corpus of the Russian Language (ruscorpora.ru). A number of cases of multi-subject use of short participles (or rather, adverbial participles) as a secondary predicate have been found, despite the fact that in birch bark letters of the 11th–15th centuries and petition letters of the 16th–17th centuries, examples of this kind are isolated. The manuscript also contains unique instances of the use of full present participles with the suffixes *-uch-*, *-ach-*. In all the texts of the Ancient Russian and Old Russian subcorpora, with the exception of one (a love spell from 1690–1710), only 5 examples of the participial use of the words *lezhachii* (3 times), *begayuchii*, *sedyachii* and 26 examples of the participial use of the word *buduchii*, which apparently had a special position, are found. In the love spell of 1690–1710, there are 6 forms with **ch**: *lezhachii*, *sidyachii*, *stoyachii*, *khodyachii*, *iduchii*, *spyachii*, 4 of which coincide with the adjectives that arose from them. The medical book records only 1 participle that became an adjective in Russian: *tekuchii*, and 6 participles that have no analogues among adjectives: *drozhachii*, *kashlyuchii*, *priimayuchii*, *rastuchii*, *spyachii*, *travlyayuchii*. At the same time, the translator/copyist of the medical book felt the non-standard nature of the participles with **ch**, since he allowed hypercorrection in the spelling of the adjective *paduchii*: *ot padushchego neduga*, so, perhaps, in his linguistic consciousness there were more participles with the suffixes *-uch-*, *-ach-* than were reflected in the text, but he knew how to convert non-standard forms into standard ones.

Keywords: Ancient Russian and Old Russian manuscripts; a medical book from the 17th century; adverbial participles; full active participles of the present tense

For citation: Galinskaya E.A. (2025) Special Aspects of the Use and Formation of Active Participles in the 17th-Century Medical Guide *Prokhladnyi Vertograd*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 43–54.

Лечебник XVII в. «Прохладный вертоград» (полное название — «Книга, глаголемая Прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачейских вещех ко здравию человеческому пристоящих») дошел до нас в целом ряде списков XVII и XVIII вв. Сборник был переведен подъячим Андреем Никифоровым в 1672 году. В одном из списков имеется запись переводчика: «Сия книга прохладный вертоград или лечебник переведен с немецкова аптекарского лечебника Земьскова приказу подъячим Андреем Микифоровым с немецкова языка на руской в лето 7180-го году»

(ГПБ, собр. Погодина, № 1682, л. 279 об.). В другом списке есть запись П.М. Строева: «Перевод книги Hortus amoenus, сделанный в 1672-м году Земского приказа подъячим Андреем Никифоровым с оригинала, находившегося в Аптекарском приказе» (ГПБ, собр. Погодина, № 1683). При этом существует мнение, что перевод мог быть сделан не обязательно именно с немецкого языка, но и с какого-то другого, возможно, с латинского, на что указывает название «Hortus amoenus»¹. Впрочем, иностранный оригинал до нас не дошел. В книге содержатся сведения о лечебных свойствах растений, животных, птиц, рыб, минералов и т.д., она служила учебным пособием для медицинских школ и практическим руководством для врачей [Словарь книжников и книжности: 84–85].

Текст «Прохладного вертограда» написан на гибридном церковнославянском языке с существенным сдвигом в сторону русской реализации маркированных признаков. Для исследования был выбран акцентуированный список XVII в. РГБ ф. 317, № 8 (254 л.), цифровая копия которого выложена на сайте РГБ (<https://lib-fond.ru/lib-rgb/317/f-317-8/>).

В лечебнике обнаруживаются интересные явления, связанные с краткими и полными формами действительных причастий.

Как правило, **краткие** причастия, выполняющие роль глагольных обстоятельств, вернее уже деепричастия, употребляются стандартно: субъект дополнительного действия, выраженного деепричастием, совпадает с субъектом основного действия, например:

(1) *а варѣмъ еѣ **рѣжучи** мѣлко в водѣ* 60.

(2) *сѡкъ же существенѡ соло^окого дубѣа полагаѣ^м в рѡтъ и **розжвѣвѣ** глотаѣмъ* 116 об.

(3) *и ту воду **сливши** и пѣки инѡю водою налиѣтъ* 147 об.–148.

Но нередко встречаются и построения, где субъекты основного и дополнительного действий не совпадают:

(4) *крѡвь голубінаа котѡраа испѡ^о крылъ ѡчемъ кровѣвы^м двѡрѣ пѡсоблѣѣтъ понемногу **внуѣаючи*** 95 об.

(5) *помазуючи или плѣстырь **приклѣдываючи** распѣдлины рѣѣ лечѣтъ* 106 об.²

¹ Такому решению вопроса не противоречит латинское наименование, встреченное в исследуемой рукописи: *масло ѡлиумъ кастѡріумъ си рѣчь масло из струи бѡбрѡвы* 206 (лат. *olium castoreum* — секрет, выделяемый бобрами из анальных желез, имеющий сильный запах).

² Здесь представлена широко распространенная в лечебнике модель со значением «констатация действия с некоторым предметом/веществом — эффект от этого действия», вторая часть которой передается двусоставным предложением с опущенным подлежащим, которое можно восстановить как «то», или «оно», на-

(6) а дѣлѣ того ёсть вещь нѣкая травляючаѣ и внѣтрѣ не прїимѣючаѣ но сверху **приклѣдываючи** лутчеи воскѣ кои бываётъ 107.

(7) воскѣ ѿ^м мягчаётъ вся болячки и на тяжелость грудѣи пѣсоблѣтѣ с маслѣмъ ѿиѣлковы^м **приклѣдываючи** 107.

(8) инбирю толчѣнѣго по^лтора золотника прїѣто в ѹксусѣ **ложѣсѣ** спѣтъ тогда вредїтельную мѣкрость пото^м выгонитъ 112.

(9) сѣмянники варены в винѣ и к тому **прибавляюще** малѣнко инбирю обоїхѣ поровну толчѣныи и прїѣто ѿтворитъ залегѣніе жїлѣ печѣнныхѣ 126.

(10) лїствїе рѣуты огорѣдныѣ прїѣто с винными кѣгодами да сѣ кѣдры грѣцкїѣ орѣховѣ и **смѣшѣвъ** то подобно мазѣни и тотѣ прїѣтъ мазѣнѣ во время морѣвого повѣтрїѣ сохранѣетъ чѣлка ѿ^м губїтелнаго повѣтрїѣ 132 об.–133.

(11) ѣлѣ пшѣнїчноѣ да мука сѣянаѣ кѣмѣнная ѿбѣихѣ поровну **смѣшѣвъ** с сѣхарѣмъ головнымѣ и то бѣдетъ ѣки порохѣ 48.

(12) кѣша варѣнѣ в мукѣ кѣмѣнноѣ с водѣю **подсѣтитѣвъ** сѣхарѣмъ головнымѣ 49 об.

(13) рѣпа варѣнѣ в водѣ и потѣмъ прїѣта с свѣжимѣ молѣкомъ корѣвнымѣ **поварїѣвъ** еѣ в нѣмѣ прострѣнствѣ жїламѣ в пѣрстѣхѣ творїтъ 56 об.

Для древнерусского языка подобное употребление причастий в качестве второстепенного сказуемого было нехарактерно. Так, во всем подкорпусе берестяных грамот НКРЯ (ruscorpora.ru, дата обращения 14.03.2025) найден только один пример, который, однако, требует комментария. В грамоте № 414 (1340–1360) читаем:

(14) покло ѿ^м ѿиѣкса ко смену и ко юргю на бѣзѣ полжено и на васѣ аже {бу}
что прибытка вовѣсѣ бѣдете то вложи
во церковѣ : а что бѣде надѣбе женѣ
моѣи и ты братѣ сменѣ даи женѣ
моѣи а азѣ тебе много клѣняюсѣ

Перевод А.А. Зализняка: «Поклон от Филикса Семену и Юргию. Надежда на Бога и на вас. Если будет сколько-нибудь прибыли в весе (?), то положи в церковь. А если что будет надобно жене моей, то ты, брат Семен, дай жене моей. А я тебе низко кланяюсь» [Зализняк 2004: 546].

Однако А.А. Гиппиус и Д.В. Сичинава дают другое толкование вовѣсѣ, которое позволяет не предполагать нестандартное окончание М.п. -ѣ. По их мнению, это деепричастие от взвѣсити с пропу-

пример: гѣрлицы же прїѣты в брѣшнѣ || ѣстрѣсть рѣзумѣ навѣдитѣ 97 об; слївы зрѣлыѣ прїѣты . || бѣлыи нѣтрѣ двїжетѣ нѣжели сухїѣ 76 об.

ском з (в этой грамоте есть и другие пропуски букв) [Гиппиус, Сичинава: 204–205]. Перевод по сути дела не меняется, но, если это действительно деепричастие, то его субъект не совпадает с субъектом основного действия, дословно: *если будет прибыль, взвесив*.

Материал челобитных грамот XVI–XVII вв. (а челобитные — это источники, которые из всех жанров деловой письменности наиболее приближены к живой речи), представленный в старорусском под-корпусе НКРЯ (ruscorpora.ru, дата обращения 27.03.2025), также показывает минимальную употребительность деепричастий, имеющих субъект, не совпадающий с субъектом основного действия. В 217 текстах обнаруживается 627 деепричастий, и лишь в 12 контекстах (1,9 %) их субъект иной, чем у основного действия, например:

(15) *А которые, государь, моя братья <...> прежь меня посыланы были на твоихъ государевыхъ конехъ, имъ за такую службу дано твое государево жалованье по десяти рублевъ, **пѣдучи** въ Азовъ* [Челобитная пятидесятника Данилы Болдыря, провожавшего Онуфрия Кожухова в Азов <...> [(1639.09.03)].

Таким образом, лечебник «Прохладный вертоград» второй половины XVII в. отличается от упомянутых деловых текстов XVI–XVII вв. тем, что нестандартное построение предложения с деепричастиями представляет собой в нем вполне обычное явление.

В текстах XVIII в. подобные построения становятся существенно более частотными. Как полагал Л.А. Булаховский, у ряда авторов это происходило «не без поддержки впечатлений от французского языка» [Булаховский 1958: 400]. М.В. Ефремова [2025] объясняет применительно к текстам разных жанров XVIII в. нестандартное употребление деепричастий эволюцией грамматической семантики этой глагольной формы. На первом этапе, по мнению М.В. Ефремовой, происходит закрепление обстоятельственного значения за синтаксически самостоятельной деепричастной предикацией, которая может присоединяться к главной предикации сочинительным союзом, например:

(16) *И как там в последовавшие веки великое богатство обретоно, что свидетельствуют славные миснийские и герцинские заводы, так и в России того же ожидать должно, **а** особливо **имея** к тому не токмо довольные опыты, но и очевидную прибыль* [М.В. Ломоносов. Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии Наук <...> (1751)].

На втором этапе смысловая зависимость деепричастной предикации приобретает формальное выражение: сочинительный союз заменяется на подчинительный. Ср. приводимый М.В. Ефремовой пример:

(17) *Роги оныя хотя внутреннею истностию протчим рогам зверей и скотов не подобны, обаче видя, что олени и лосиные роги також скотским не подобны, но тверже, то можно быть другим и еще тверже* [В.Н. Татищев. Сказание о звере мамонте (1730)].

Правда, союз *обаче* сочинительный, а не подчинительный (имеет значение 'однако, впрочем, а все-таки') [СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 12: 12], и к тому же нельзя не заметить, что практически все примеры, демонстрирующие положение дел на втором этапе, извлечены из более ранних текстов, чем те, что иллюстрируют ситуацию на первом этапе, хотя, возможно, это обусловлено ограниченностью объема статьи М.В. Ефремовой и, вследствие этого, чрезвычайно малым количеством приведенных контекстов.

На третьем этапе деепричастная клауза перестает быть предложением, так как исчезают союзы, которые связывали деепричастную и главную предикации, и деепричастие приобретает грамматическое значение глагольного обстоятельства, но субъекты при деепричастии и сказуемое могут еще различаться, что представляет собой следствие прежней предикативной самостоятельности деепричастия. Ср.:

(18) *Добронравова радость, увидя сына, была чрезмерна* [Н.И. Новиков. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь (1770)].

(19) *И, учредя то войско, велено ему ехать в Россию* [А.М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)]. [Ефремова 2025: 172–176].

Впрочем, и здесь пример (19) имеет датировку более раннюю, чем примеры (16, 17), являющиеся иллюстрацией ситуации, существовавшей на втором и третьем постулируемых М.В. Ефремовой этапах. Да и в лечебнике «Прохладный вертоград», который датируется XVII в., предикативного употребления деепричастий, которое, по мнению М.В. Ефремовой, дало в XVIII в. толчок к появлению полисубъектных предложений с деепричастиями, не встречено, а предложения такого типа, как было показано выше, в лечебнике редкостью не являются, так что, возможно, механизм их появления был другим, чем предполагает М.В. Ефремова.

Перейдем к **полным** действительным причастиям настоящего времени. История их такова: некоторые древнерусские причастия с суффиксами *-уч-*, *-ач-* подверглись адъективизации, в результате чего в русском языке появились прилагательные типа *колючий, жгучий, горячий, висячий, сидячий, стоячий, ходячий*, тогда как те причастия, которые не были затронуты этим процессом, из языка исчезли (ср. отсутствие слов типа **пишущий, *видячий*), а современные причастия с суффиксами *-ущ-*, *-ащ-* усвоены литературным

языком из церковнославянского [Галинская 2016: 405–406]. Однако единично полные причастия с суффиксами *-уч-*, *-ач-* в древнерусских и старорусских источниках встречаются. Так, во всем **древнерусском** подкорпусе НКРЯ (дата обращения 31.03.2025) имеется 1072 примера полных действительных причастий настоящего времени. В двух случаях представлены формы с **ч**, причем в субстантивированном употреблении:

(20) *не блшеть бо лзть ни **бъгающимъ** оутечи. зане яко стьными силнами шгорожени блхоу. полкы половцьскими* [Киевская летопись (1119–1199)].

(21) *мьстиславъ же ш светъ заоутра. видтьвъ **лежащий** стьчены. ш^м свои(х) стьверъ* [Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (1110-е)].

По запросу «полные действительные причастия будущего времени» обнаруживается формула «по томъ будучи» ‘тот, кто будет после кого-то’ в текстах делового содержания конца XIV в., написанных на деловом языке Юго-Западной Руси (всего 8 примеров), ср.:

(22) *и з божееі мл(с)ти королеви польскому князю великому литовському и дьдичю оусеі рускої земль господареви нашему милому и шсвтьченоі адвизъ и з божеі мл(с)ти кролици польской и іхъ дьтемъ по томъ **будучимъ** и корунъ польской и слубили есми и слубуемъ вьрне быти* [Присяга молдавского воеводы Романа королю Владиславу II Ягайлу и его наследникам {Сучава} (1393)].

Во всем **старорусском** подкорпусе НКРЯ (дата обращения 31.03.2025) найдено 21 040 примеров полных действительных причастий настоящего времени, среди них — 7 лексем с суффиксами *-уч-* и *-ач-*: *лежащий*, *судящий*, *стоящий*, *ходящий*, *спящий*, *идущий*, *будущий*. Четыре первых слова сохранились в русском языке как прилагательные, и в ряде старорусских контекстов они уже и ведут себя как прилагательные, часто субстантивированные.

Лексема *лежащий* 4 раза употреблена как в прилагательное в сочетаниях *у вяза у **лежачего**, от вяза от **лежачего**, на **лежачей** дуб, от жженого дуба от **лежачего*** и лишь 2 раза в качестве причастия:

(23) *хотѣлъ бити ево Савку **лежачего*** [Дело о причинении во время драки увечья, имевшего последствием своим смерть изуверченного (1697.04.24)].

(24) *А как повалитце стреляючис[ь], и ты в **лежачег[о]** стреляя* [Наведение порчи (вторая четверть XVII в.)].

Слово *судящий* 10 раз используется как прилагательное в составе устойчивых сочетаний *судящий бояринъ* или *судячая боярыня* (свадебные чины участников древнерусского бракосочетания: гости, которые не ходят в церковь с новобрачными, а сидят за столом с ро-

дителями [Словарь обиходного русского языка. Вып. 1: 258]) в тексте [Чин свадебный (XVI в.)]. Только 1 раз эта лексема выступает в роли субстантивированного причастия:

(25) *Приходили литовския люди въ Псковщину от от Оулеха городка, псковския волости вывоевали <...>; на **стыдячих** пришли без вѣдома, и полому много взяша* [Псковская 3-я летопись: Строевский список (XV — первая половина XVI в.)].

Лексема **стоячий** бывает только прилагательным (всего 6 примеров), ср.:

(26) *на дуб на великой на **стоячей*** [Разъезжая грамота И.С. Головы Лыкова <...> (1499.04)].

(27) *Понагя золота съ чернью, въ ней на яхонтѣ на лазоревомъ рѣзанѣ образъ Спасовъ **стоячей*** [Опись [Московского Успенского собора] (1627)].

Прилагательное **ходячий** встречено в сочетании *московские деньги ходячие* (настоящие, неподдельные деньги, официально принятые при расчетах в Московском государстве [Словарь обиходного русского языка. Вып. 5: 149]).

Есть лишь один текст, а именно любовный заговор, в котором вышеупомянутые слова, а также не ставшие в русском языке прилагательными *спячий* и *идущий* употребляются в роли причастий (выделены полужирным шрифтом):

(28) *Не пади, моя река огненная, ни в мед, ни в патоку, ни в зеленое вино, <...>, ни на землю, ни на лес, ни на птицу пролетучую, ни сидя-чю, ни на зверя прорыскучего, ни ходячего, ни стоячего, ни спячего, ни на скотину четвероногую <...>, ни на какого человека, кроме сей девицы и[мярек] волосом и кровью, в еи ясные (такие-то) очи, и в (такое-то) лицо, и в горячую кровь, <...> и во весь еи стан человеческий, в парное еи тело нагое в (таком-то) платее, **стоячих, сидячих, лежачих, спячих, ходячих** и дорогой **идущих**, в еи згляд (такой-то)* [Любовный заговор (1690–1710)].

Этот один из наиболее обширных дошедших до нас любовных заговоров опубликован в [Русские заговоры: 369–371]. Сборник, в который он входит (НБУ. Ф. 301. Ед. хр. 455. Конец XVII — начало XVIII в.), по мнению А.Л. Топоркова, возможно, происходит из старообрядческой среды, на что указывает использование формы *Исус* (л. 2, 6) вместо *Иисус*, «Во веки веком» (л. 3, 6 об.) вместо «Во веки веков» [Там же: 412].

Можно заметить, что группа субстантивированных причастий из последней части отрывка синтаксически не связана ни с левым, ни с правым контекстом. Видимо, переписчик здесь ошибся. Заговор включает в себя 12 формул [Там же: 415], и тут представлены первые две: 1) из уст имярека течет огненная река; 2) пусть огненная река

не падает никуда, кроме тела девицы. Скорее всего, фрагмент *стоячих, сидячих, лежачих, спячих, ходячих и дорогой идущих* изначально стоял перед словами *ни на какого человека* (подчеркнуто пунктирной линией), после того как сказано, что огненная река не должна пасть ни на какое животное. В оригинале явно говорилось, что она не должна пасть и на людей, *стоячих, сидячих, лежачих, спячих, ходячих и дорогой идущих*, и далее по тексту: *ни на какого человека, кроме сей девицы*.

Примечательно, что в первый ряд причастий вставлено два квазипричастных образования *пролетучую* и *прорыскачего* (выделены сплошным подчеркиванием).

В старорусском подкорпусе так же, как и в древнерусском, встречается причастие **будущий**, но его формы размечены, в отличие от древнерусского подкорпуса, как формы настоящего времени, и употребляется оно в основном не так, как в югозападнорусских текстах конца XIV в. (см. выше).

В большинстве случаев **будущий** имеет значение 'находящийся' (всего 15 примеров), ср.:

(29) *просит его курфистръская пресветлость о князе Богуславе Радивиле, чтоб ево город Слуцк, тако ж ратные люди и жилцы, в городе **будущие**, от его царского величества ратных людей заиманы не были* [Письмо посланника, поданное в Посольский приказ <...> (1658.02.11)].

(30) *...о чемъ они всть чрезъ пословъ своихъ, въ Польшь **будущихъ**, домогалися того и домогаютца накръпко* [Грамота Петра I датскому королю Христиану V (1697.07.16)].

В одном тексте причастие обозначает состояние, которое наступит после момента речи:

(31) *отца нашего, блаженные памяти великого государя, его царского величества, и дѣтей его, и наслѣдниковъ, и впередъ **будущихъ** великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ королевскому величеству, и его дѣтемъ, и наслѣдникомъ, и впредь **будущимъ** королемъ полскимъ <...> во всякихъ писмахъ писать и имяновать во всемъ противъ того, какъ въ вѣчномъ докончанъи написано* [Царская грамота к датскому королю Фредерику III, [...] (1653.11.29)].

Один раз причастие передает значение состояния, наблюдавшегося до момента речи:

(32) *А что ваше жь курѣистрское пресвѣтлѣйшество въ помянутомъ своемъ писаніи доложили о розголошенныхъ въ вашихъ мѣстахъ нѣкоторыхъ о войскахъ нашихъ, прежде сего подѣ Азовомъ **будущихъ**, вѣдомостяхъ, и та вѣдомость вашему курѣистрскому пресвѣтлѣйшеству знатно учинилась отъ нѣкоторыхъ недобро-*

хотныхъ намъ людей ис Полии [Грамота Петра I бранденбургскому курфюрсту Фридриху III (1696.07.11)].

И, наконец, в одном случае, видимо, имеет место описка: *будучимъ* употреблено вместо *будучи*:

(33) *И тебѣ бѣ полковнику Онтону, помня предѣ Богомъ свое обѣщаніе, какѣ вы намъ великому государю обѣщались предѣ святымъ евангеліемъ съ войскомъ запорожскимъ **будучимъ**, нашего царьскаго величества отъ непріятеля, отъ свейскаго короля, отлучится* [Царская грамота киевскому полковнику Антону Ждановичу [...] (1657.05.29)].

Таким образом, причастие *будучий* по сравнению с другими причастиями с **ч** имело особый статус: в древнерусском подкорпусе найдено 8 его употреблений, а в старорусском — 18, при том что других причастий с **ч** найдено лишь 5 (3 в древнерусском подкорпусе и 2 в старорусском), если не считать тех, которые зафиксированы в специфическом по жанру любовном заговоре.

Обратившись к лечебнику «Прохладный вертоград», мы можем увидеть, что он обладает той же спецификой, что и любовный заговор: здесь наряду с преимущественным употреблением стандартных причастий с суффиксами *-ущ-*, *-ащ-* (примеры ввиду их стандартности не приводятся), встречаются и причастия с суффиксами *-уч-*, *-ач-*. Материал лечебника таков:

(34) *тѹ же масть виномъ ро³вѣсть соста³вы **дрожачіе** *уздравлѣетъ* 83– 83 об.*

(35) *жѣлчь же егѡ на шпрѣлые ѡчи и на **текучіе** добра естъ* 94.

(36) *рыбы же котѡрыѣ изъ моря выходатъ в **текучіе** рѣки и живутъ в нихъ тогда бывають лѹтчіе* 104 об.

(37) *срдѣце совинѡ аще кто приложитъ к женѣ **спячеи** к лѣвому боку тогда сама на себѣ все выскажетъ* 97.

(38) *помазѹючи или плѣстырь прикладываючи распѡдлины ртѣ лечитъ вѡду моче³вѹ порушѣетъ живѡтъ ѡм³ягчѣетъ **кашлючимъ** пособлѣетъ* 106 об.

(39) *аще дѣтемъ **растүчіе** зѹбы помазѹешъ тогда бе³ болѣзни ростѹтъ* 107.

(40) *а длѹ того естъ вѣшь нѣкаѹ **травлѹчаѹ** и внѹтрѣ не **примѹчаѹ*** 107.

При этом, если в заговоре употреблены 4 причастия, параллельно с которыми функционировали возникшие из них прилагательные: *лежащий*, *сидящий*, *стоящий*, *ходящий*, и только 2 причастия, в дальнейшем полностью утратившиеся: *идущий* и *спящий*, то в лечебнике зафиксировано лишь 1 причастие, ставшее прилагательным: *текущий* (2 р.), и 6 причастий, аналогов среди прилагательных не

имеющих: *дрожащий, кашлючий, принимающий, растучий, спячий, травляющий*.

В лечебнике нередко используется возникшее из причастия прилагательное *падучий* в сочетании с лексемами *недугъ, болѣзнь, немощь*, например:

(41) *крѡвь швѣчью с винѡмъ пѣта падучюю болѣзнь ѡ^мдалидетъ* 82 об.–83.

(42) *обдѣржани сѹтъ падучею нѣмощію* 130.

Но в одном случае в таком прилагательном появляется *ш*:

(43) *чѣлка сохраниетъ ѡ^м падущего недѹга* 129.

Это значит, что переводчик или переписчик лечебника чувствовал ненормативность причастий с *ч* и допустил здесь гиперкоррекцию, то есть, в принципе, возможно, что в его языковом сознании было больше причастий с суффиксами *-ач-*, *-уч-*, чем отразилось в тексте, но он умел делать пересчет ненормативных форм на нормативные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.
2. Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М., 2016.
3. Гиппиус А.А., Сичинава Д.В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]; предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (42). С. 178–259.
4. Ефремова М.В. *Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа*: о генезисе ошибочных построений с деепричастным оборотом // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2025. № 1. С. 171–179.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
6. Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. М., 2010.
7. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в., ч. 1: А—З. СПб., 1993.
8. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–9, СПб., 2004–2020.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023.

REFERENCES

1. Bulakhovskii L.A. *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical commentary on the Russian literary language]. Kiev: Radyan'ska shkola, 1958. (In Russ.)
2. Efremova M.V. *Pod"ezzhaya k stantsii, u menya sletela shlyapa*: o genezise oshibochnykh postroenii s deeprichastnym oborotom [Approaching the station, my hat flew off: on the genesis of erroneous constructions with adverbial participial]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, 2025, 1, pp. 171–179. (In Russ.)

3. Galinskaya E.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Historical grammar of the Russian language. Phonetics. Morphology]. Moscow: URSS, 2016. (In Russ.)
4. Gippius A.A., Sichinava D.V. *Popravki i zamechaniya k chteniyu ranee opublikovannykh berestyanykh gramot* [XIII]: *predvaritel'naya publikatsiya* [Corrections and comments on the reading of previously published birch bark letters [XIII]: preliminary publication]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 2 (42), pp. 178–259. (In Russ.)
5. *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII — pervoi poloviny XIX v.* [Russian spells from handwritten sources of the 17th — first half of the 19th century. Compilation, preparation of texts, articles and comments by A.L. Toporkov]. Moscow: Indrik, 2010. (In Russ.)
6. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 3: XVII v., ch. 1: A—Z.* [Dictionary of scribes and literacy of Ancient Rus. Issue 3: 17th cent., part 1: A—Z]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1993. (In Russ.)
7. *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov. Vyp. 1–9* [Dictionary of the colloquial Russian language of Muscovite Rus' in the 16th–17th centuries. Issues 1–9]. St Petersburg: Nauka, 2004–2020. (In Russ.)
8. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–32* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. Issues 1–32]. Moscow: Nauka / Nestor-Istoriya, 1975–2023. (In Russ.)
9. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.04.2025

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 07.04.2025

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Елена Аркадьевна Галинская — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; eagalinsk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Galinskaya — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; eagalinsk@mail.ru

СТРУКТУРА И ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПАНЕГИРИКЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

О.С. Казаковцева, Н.В. Патроева

*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия;
olga_danilova90@mail.ru; nvpatr@list.ru*

Аннотация: В порядке расположения слов в русском литературном языке XVIII века, по наблюдению многих исследователей, еще не было устоявшейся нормы, однако грамматисты XVIII–XIX веков предпринимали в своих учениях попытки объяснить следование слов в предложении. Особую роль в закреплении норм словопорядка сыграли не только грамматики и трактаты по искусству красноречия, содержащие разделы о расположении слов и частей периода, но и произведения самих риториков и реформаторов русского литературного языка Петровской эпохи и последующего этапа.

В статье представлены результаты анализа словопорядка на примере компонентов 600 атрибутивных словосочетаний, используемых в панегирическом тексте Феофана Прокоповича «Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского...» (1725 г.), а также сопутствующее описание стилистического функционирования определений, участвующих в создании тропов и фигур речи.

Преобладающим положением в атрибутивных конструкциях в «Слове...» Феофана Прокоповича в целом является препозиция определения: препозитивный атрибут используется не менее чем в половине случаев в структуре двучленных словосочетаний, построенных по модели «согласованное определение + определяемое».

В панегирике Феофана Прокоповича атрибуты широко употребляются в роли однородных членов, наблюдается лексический и синтаксический повтор определения, способствующий амплификации, и чередование препозитивного и постпозитивного атрибута; используются конструкции с дистантным положением членов атрибутивного ряда, посредством параллельного расположения атрибутов подчеркивается противопоставление выражаемых признаков или объектов.

Атрибутивные конструкции в похвальных словах XVIII века являются стилистическим средством усиления экспрессивности выражения и создания торжественного пафоса. В качестве экспрессивно-стилистического средства ряды определений содействуют созданию портрета исторического лица (в данном случае — Петра Великого), которому посвящен панегирик, а также ярко-

му изображению его деяний, военных подвигов. Ряды метафорических эпитетов, повтор, параллелизм, амплификация, градация, антитеза и другие тропы и фигуры речи — важный в исследовательском плане материал, демонстрирующий корреляцию между средствами, представленными в трактатах по теории красноречия, и риторической практикой эпохи становления новых норм русского литературного языка послепетровского периода.

Ключевые слова: риторика; грамматика; атрибутивные словосочетания; порядок слов; русский литературный язык XVIII века; панегирик; Ф. Прокопович

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-5

Для цитирования: Казаковцева О.С., Патроева Н.В. Структура и экспрессивный потенциал атрибутивных словосочетаний в панегирике Феофана Прокоповича // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 55–68.

THE STRUCTURE AND EXPRESSIVE POTENTIAL OF ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS IN THE PANEGYRIC OF FEOFAN PROKOPOVICH

Olga S. Kazakovtseva, Natalya V. Patroeва

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; olga_danilova90@mail.ru;
nvpatr@list.ru*

Abstract: In the word order in the Russian literary language of the 18th century, according to many researchers, there had been no strictly fixed norm yet, however the grammarians of the period between the 18th and 19th centuries made attempts in their teachings to explain the order of this or that part of speech. A special role in consolidating the norms of word arrangement was played not only by grammars and treatises on the art of eloquence, which contained chapters on the order of words and parts of the period, but also by the works of writers of the Peter the Great era and the subsequent stage.

The article describes the results of the analysis of the word order of 600 attributive phrases that are found in the panegyric text of Feofan Prokopovich *The Word in Praise of the Blessed and Ever-Worthy Memory of Peter the Great, Emperor and Autocrat of All the Russia...* (1725). The article also describes the stylistic functioning of definitions involved in the creation of tropes and figures of speech.

The predominant position in attributive constructions in the panegyric of Feofan Prokopovich as a whole is the preposition of the definition: the prepositive attribute is used in at least half of the cases in the structure of binomial phrases built according to the “agreed definition + definable” model.

The predominant position in attributive constructions in the panegyric of Feofan Prokopovich is the preposition, but the prepositive attribute is used in at least half of the cases in two-word collocations.

In the panegyric of F. Prokopovich attributes are widely used as homogeneous members, lexical and syntactic repetition is observed, which promotes amplification and alternation of prepositive and postpositive attribute; the panegyrics use distant attributive collocations, while a parallel arrangement of attributes emphasizes the opposition of the expressed attributes or objects.

Attributive constructions in the 18th-century panegyrics are a stylistic means of increasing the expressiveness and creating a solemn pathos. A series of metaphorical epithets, repetition, parallelism, amplification, gradation, antithesis, other tropes and figures of speech are important research material that demonstrates the correlation between those presented in treatises on the theory of eloquence and the rhetorical practice of the era of the formation of new norms in the Russian literary language of the post-Petrine period.

Keywords: rhetoric; grammar; attributive collocations; word order; Russian literary language of the 18th century; panegyric; F. Prokopovich

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, project № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>.

For citation: Kazakovtseva O.S., Patroeva N.V. (2025) The Structure and Expressive Potential of Attributive Collocations in the Panegyric of Feofan Prokopovich. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4. pp. 55–68.

Введение

Русский литературный язык XVIII века характеризуется отсутствием устойчивых норм в расположении слов, которые сформировались окончательно уже позднее [Ковтунова 1969: 66–99]. Нельзя не заметить, что с течением времени в руководствах по языку и красноречию все настойчивее проводится мысль о необходимости соблюдения порядка следования «речений», однако более подробное описание словорасположения (особенно элементов атрибутивных конструкций) находим у грамматистов пушкинского периода.

Целью настоящей статьи является анализ расположения компонентов субстантивно-атрибутивных словосочетаний в панегирике Феофана Прокоповича «Слово на похвалу блаженные и вечнодостойные памяти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктпетербурге, в церкви Живоначальных Троицы, святейшего правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом псковским и нарвским» [Прокопович 1961: 129–146] (далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы) и выявление стилистиче-

ских средств, использующихся в системе атрибутивных словосочетаний (в терминах данной статьи — сочетаний, содержащих имена прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, порядковые числительные в качестве определителей имен существительных как главных компонентов атрибутивной конструкции).

Суждения российских грамматистов и риториков XVIII — начала XIX века о порядке слов

Феофан Прокопович в своем трактате «Об искусстве риторическом десять книг», созданном на основе прочитанных в Киево-Могилянской академии в 1706 г. лекций, в ряду «фигур, способствующих услаждению речи» упоминает выделяемый еще античными риториками [Гаспаров 1997: 574] «гипербат» — «удобное расположение слов не в обычном или естественном порядке» [Прокопович 2020: 257]. На расположение слов не может не влиять, по замечанию Феофана Прокоповича, желание избежать таких «недостатков» речи, как «зияние гласных», «стечение свистящих согласных», тавтология, «гомеоптотон» (скопление слов с одинаковыми окончаниями), «неправильный гипербат или нескладная перестановка слов»: например, важно, «чтобы слова, относящиеся к подлежащему, не смешивались с теми, которые относятся к сказуемому» [Прокопович 2020: 222]. Даются рекомендации, касающиеся «правильного» расположения слов: «более важные слова следует ставить после менее значительных»; «следует сохранять естественный порядок слов и внушительность содержания»; «более изысканно, если двусложное прилагательное ставится после существительного с большим количеством слогов» [Прокопович 2020: 223–224] и некоторые др. Далее находим важное уточнение в написанном на латыни трактате: «Здесь имей в виду: высказанные нами правила об отдельных словах и о недостатках, встречающихся при расположении слов, относятся к выражениям любого языка. Но те образцы изящного расположения, которое наблюдаем повсюду у Цицерона, свойственны только латинскому языку; для нашего отеческого языка следует иметь в виду другое правило, которое, однако, так как он нам родной, каждому будет легко соблюдать по личному почину» [Прокопович 2020: 225] — так Ф. Прокопович призывает своих адресатов выстраивать фразу в соответствии с собственным языковым чутьем (вспомним позднее пушкинское: «сообразно» с собственным «вкусом») и коммуникативным намерением.

Позднее В.Е. Адодуров, выпускник находившейся под патронатом Феофана и тесно связанной с Киево-Могилянскими риторическими традициями Славяно-греко-латинской академии и университета при Петербургской Академии наук, в грамматическом трактате

1731 г. «Первые основания русского языка» хотя и не предлагает рекомендаций, касающихся словоупотребления, но среди примеров о склонении приводит исключительно постпозитивные конструкции как аналоги перевода с немецкого языка: «свидетель праведный», «лошадь хорошая», «человек добрый», «земля плодоносная», «дерево высокое» [Адогуров 2014: 109].

Продолжатель Феофановых реформ языка и слога М.В. Ломоносов в «Русской грамматике», как и В.Е. Адогуров, не отводит отдельного параграфа описанию словорасположения, однако демонстрирует примеры «сложения» прилагательных, свидетельствующие о выборе автором препозиции определения при качественных прилагательных и постпозиции при притяжательных: «темные облака», «красноречивый Цицерон», «стихи Гомеровы», «дом отческий» [Ломоносов 1952: 389–578]. В «Кратком руководстве к риторике...» М.В. Ломоносова нет специального раздела, посвященного инверсии или «гипербату». В первой главе части III «О расположении» не находим и специальных указаний о порядке расположения определений [Ломоносов 1952: 19–79]. В «Кратком руководстве к красноречию» содержится описание правил размещения во фразе «приложений» с причастиями, деепричастиями и именами [Ломоносов 1952] — того, что позднее А.М. Пешковским будет названо «обособленными членами предложения».

А.А. Барсов в разделе «О сочинении» своей «Русской грамматике» уделяет, в отличие от знаменитого своего предшественника, особое внимание порядку расположения слов и подчеркивает его «двойной» характер: наряду с «общим, или естественным», порядком, который «во всех языках нужен и употребителен», так как «в расположении слов следует логическому расположению понятий: по чему, как в логическом предложении во первых объявляется подлежащее, потом сказуемое, так и в сем грамматическом порядке полагается сперва именительный падеж представляющий подлежащее..., со всеми описаниями, а потом глагол, как главное сказуемое, с своими описаниями...» [Барсов 1981: 162]. Также А.А. Барсов отмечает, что словоупотребление «особенный или свободный, всегда или часто употребляемый собственно в каком языке, как на пр. в русском прилагательное по большей части поставляется прежде своего существительного: *великий человек, старый друг*, в противоположность общему или логическому порядку» [Барсов 1981: 163]. Далее находим еще одно пояснение: «И хотя по общему порядку словосочинения, главные слова разумеются прежде соглашаемых с ними, как: [...] *Царь сам, Госпожа разумная* [...] но особенный порядок русского словосочинения весьма часто отступает в том от общего, как на пр. всякое прилагательное, также числительное, по боль-

шей части полагается прежде своего существительного и проч. На пр. *вчерашний день, самое лучшее, четыре евангелиста, все добродетели*; употребительнее, нежели противное тому расположение, *день вчерашний, лучшее самое* и проч. [которое] хотя не отвергается, однако ж разве для особливаго выражения, или для благогласия и других риторских и стихотворческих сорассуждений употреблено быть может» [Барсов 1981: 162–163]. Терминов «гипербат» или «инверсия» А.А. Барсов, как и М.В. Ломоносов, не использует, однако замечает, что «фигура синтаксическая состоит в некотором отступлении иногда от простых и общих правил синтаксических; именно ж, когда какое-нибудь слово [для сокращения, украшения или большего подтверждения] пропущено... или в чем перемещено будет...» [Барсов 1981: 164].

Попытки подробного разбора правил словорасположения, в том числе в атрибутивных сочетаниях, находим у грамматистов пушкинского времени.

А.Х. Востоков полагает, что нормой следования слов является предшествующее положение определения, однако, по его мнению, этот порядок может измениться, если существительное с прилагательным выступают в роли сказуемого (*Это [есть] дѣло доброе*) или прилагательное является прозвищем обозначаемого лица (*Петр Великий*) [Востоков 1874: 177–178].

Н.И. Греч приводит следующий порядок «определяющих слов»: указательное местоимение, притяжательное местоимение, «обстоятельство» прилагательное, числительное и притяжательное прилагательное. К примеру: *сей ваш дом, этот первый дом, тот наш всегдашний друг, этот мой синий мешок* [Греч 1827: 435]. Н.И. Греч также отмечает, что качественные прилагательные обычно располагаются в препозиции по отношению к определяемому субстантиву. Например, *верный друг, приятная погода*. Но в отдельных случаях, таких как а) перечисление качеств существительного: *он человек честный, умный*; б) постанова «дополнения» при имени прилагательном: *Петр был Государь великий и на поле битвы, и среди мира*; в) замена качественным прилагательным придаточного ограничительного предложения: *человек непросвещенный знает только место своего жительства*; г) положение субстантивно-атрибутивного сочетания в конце предложения с логическим выделением определения: *у меня шуба медвежья*; д) положение после имен собственных, или имен, обозначающих звание, и т.д.: *Екатерина Вторая; Император Российский* — оно может располагаться и после определяемого существительного [Греч 1827: 435–438]. Все эти «отдельные» случаи касаются позиций предикативного или логически и эмфатически подчеркнутого атрибутивного употребления при-

лагательных, местоименных прилагательных, причастий и порядковых числительных.

Таким образом, рассуждения грамматистов XVIII — начала XIX века о порядке слов в основном опирались на логико-формальные критерии, однако в этих работах впервые прослеживаются попытки объяснить расположение компонентов предложения с учетом коммуникативной цели и жанрово-стилистической установки говорящего [Бурцев 2022: 67–71]. Опираясь на суждения И.И. Ковтуновой, В.А. Бурцев считает, что «учение Ломоносова о порядке слов получило, прежде всего, стилистическую интерпретацию, имевшую своей целью подчеркнуть наметившуюся в первой половине XVIII в. стилистическую дифференциацию различных схем и вариантов словорасположения» [Бурцев 2022: 73].

В силу того, что грамматики и словари отражают нормативный идеал и отстают в своих рекомендациях от речевых норм соответствующего периода, для установления деталей эволюции какого-либо феномена или приема необходим анализ памятников словесности, показывающих узусные явления в области дистрибуции компонентов высказывания, а также факторов структурного, семантического, функционально-стилистического порядка, оказывающих влияние на расположение «речений». Подобные наблюдения позволили бы прийти к важным заключениям об авторских предпочтениях в расположении атрибута, которые ясно отражают языковые тенденции определенного периода развития русского литературного языка. Это связано с тем, что формирование грамматических норм происходило под влиянием ведущих участников лингвистических споров, одновременно выступавших в роли реформаторов языка, среди которых был и участник Петровских преобразований Феофан Прокопович.

Порядок следования компонентов атрибутивных конструкций в панегирике Феофана Прокоповича

В «высоких» жанрах, к которым относится и похвальное слово, выделяется определенный набор стилистических средств в словорасположении, среди которых: различные виды дислокации и инверсии, хиазмы, амплификация, полисиндетон и пр. [Ковтунова 1969: 93, 110].

Общее количество атрибутивных конструкций, извлеченных нами методом сплошной выборки из Феофанова «Слова на похвалу... Петра Великого...», равно 600 единицам, из которых 507 — двучленные атрибутивные словосочетания (*богатства своя* (141); *в разговорах богословских* (141); *многих в народе смертей* (140); и 93 — трех-

членные (в настоящей скорби нашей (130); матери своей благодетельнейшей (135):

Таблица 1

**Количественная характеристика атрибутивных словосочетаний в панегирике
Ф. Прокоповича**

Общее количество словосочетаний — 600												
Двучленные словосочетания 507 (85%)						Трехчленные словосочетания 93 (15%)						
препози- ция 255 (50%)		постпози- ция 222 (44%)		дистантное положение 30 (6%)		препо- зиция 53 (57%)		постпо- зиция 6 (7%)		дистантное положение 5 (5%)		интер- позиция 29 (31%)
предложное	беспредложное	предложное	беспредложное	препозиция	постпозиция	предложное	беспредложное	предложное	беспредложное	препозиция	постпозиция	
48 (19%)	207 (81 %)	50 (22%)	172 (78 %)	28 (93%)	2 (7%)	12 (23%)	41 (77 %)	2 (33%)	4 (67%)	4 (80%)	1 (20%)	

Как в двучленных, так и в трехчленных конструкциях преобладает препозитивное расположение атрибута: 56 % двучленных и 63 % трехчленных с препозицией определителя словосочетаний (с учетом дистантных конструкций), что подтверждает мнение грамматистов того времени о преобладании препозиции (по мнению А.С. Улитовой, определение, выраженное прилагательным, порядковым числительным, указательным и определительным местоимением, закрепилось в препозитивном положении уже к XVII веку [Улитова 2015: 108–109], например: *Петровой славы* (130); *великоименитый муже* (144); *некою силою* (132); *нашего отечества* (133); *всему миру* (134); *сей монарх* (135); *обоих сторон* (132); *сие наше долженство* (130); *прочих вышеупомянутых учениях* (135); *сие премудрейшее изрек слово* (139).

Примечательно, что влияние предлога на препозитивное положение атрибута [Минлос 2011], которое наблюдалось в древнерусских текстах XI–XIII вв. [Казаковцева 2019], в выбранном панегирике выявлено не было: так, на общее число препозитивных конструкций (255 ед.) приходится 81 % (207 ед.) беспредложных словосочетаний: *вечной памяти* (139); *великий посол* (137); *обоих народов* (134) и лишь 19 % (48 ед.) словосочетаний с предлогом: *в юношеской плоти* (135); *в одну сторону* (132); *на многих местах* (135); *в оной войне* (133).

Превалирование (77 %) беспредложных словосочетаний (*вся вышереченная повесть* (142); *неких европейских языков* (141)) над предложными (*по мнению вашему* (145); *в наших скудных сокровищах* (142)) наблюдаем и в трехчленных препозитивных конструкциях.

Итак, Феофан Прокопович еще активно прибегает к постпозиции почти в половине случаев использования согласованных определений (на это не могло не повлиять прекрасное знание латыни и польского языка, в котором атрибут-прилагательное всегда следует за определяемым словом), а потому в лингвистическом и стилистическом отношении демонстрирует явное тяготение к освященной также церковнославянскими традициями норме «высокого» жанра и стиля.

Атрибутивные словосочетания как риторико-стилистическое средство в похвальном слове Феофана

Как мы отметили ранее, анализируемое похвальное слово относится к «высокому штилю», занимавшему доминирующее положение в барочной и классицистической жанрово-стилистических системах и поэтому игравшему на протяжении всего XVIII столетия важную роль в складывании норм общелитературного языка, поэтому важной задачей считаем рассмотреть на материале данного памятника русской словесности использование атрибутивных словосочетаний в качестве стилистических средств. Далеко не все из атрибутов, использованных в панегирике, в строгом смысле можно назвать не логическими определениями, а эпитетами¹, которые Феофан предпочитает использовать в качестве средств эмоционального воздействия, смыслового подчеркивания и украшения, которые в трактате «*De arte rhetorica libri X*» относятся к приемам, «украшающим» речь, как, например: *свирепейших моря неприятелей* (136); *сие премудрейшее изрек слово* (139) и др.

М.В. Ломоносов отмечал, что «панегирик есть слово похвальное высокия особы, места или действия достохвального. В похвале высокия особы предлагаются похвальные жизненные свойства, которые она имеет...» [Ломоносов 1952: 70], поэтому именно в похвальных словах большое значение приобретают определения, подаваемые часто и концентрированно на относительно небольшом пространстве текста. Не случайно в панегириках Ф. Прокоповича находим большое количество атрибутов, выступающих в роли однородных членов: *в великих и трудных походах* (130); *в политическом* или

¹ Хотя сам термин «эпитет» в риторике Прокоповича встречается (см., напр.: Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг. С. 254, 411), однако в перечнях фигур речи эпитеты в Феофановых трактатах не упоминаются.

гражданском деле (134); гражданския, воинския и карабельныя архитектуры (135).

По мнению А.Г. Акимовой, «обильное использование однородности в ораторской прозе — одна из традиций риторического искусства» [Акимова 1981: 57]. В отношении однородности вступают не только сочиненные между собой определения, но и иные по функции члены предложения, распространенные атрибутами: *не видеть и не научиться действ математических, искусств физических, правил политических (135); Смотрим на многая заведенная от него, ово для пресечения убытков, ово и для приискания прибылей способы: на заводы минеральныя, дома монетныя, врачевския аптеки, ходстяныя, шелковыя и суконныя манифактуры, на предивныя бумажныя мельницы, на разных судов купеческих строения и иная многая у нас прежде небывалыя майстерства (136).*

Для придания большей экспрессии в ряду однородных членов используется лексический повтор, усиливающий значение повторяемого атрибута. Обращают на себя внимание предложения, в которых лексический повтор соединяется с синтаксическим и формирует параллелизм: *Петр — сила наша, которую и по смерти его мужествуем! Петр — слава наша, которую до скончания мира российский род хвалитися не престанет! (133).*

Подтверждая наблюдения И.И. Ковтуновой о препозитивном положении актуализируемых членов [Ковтунова 1969: 93, 110], отметим использование цепочек препозитивных атрибутивных словосочетаний, в которых, при нагнетании эпитетов (как одного из приемов амплификации), особо подчеркивается выражаемый ими признак. По поводу амплификации Ф. Прокопович писал: «...назначение и польза амплификации в том, чтобы придавать силу и мощь речи...» [Прокопович 2020: 137]. По мнению ратора и поэта, «речь может быть размеренной только в силу изобилия слов» — именно это является важным фактором создания речи, которая «ласкает и чарует уши» [Прокопович 2020: 210], что объясняет частоту использования цепочек атрибутов и повторов в похвальных словах.

Употребление постпозитивного атрибута находим в предложениях с церковной, «сакральной» семантикой. Таким образом, можем отметить сохранение в панегирике начала XVIII века древней традиции употребления постпозитивного атрибута при словах, обозначающих религиозные понятия [Творогов 1962]: *И хотя в шестый еще день страдания своего, по исповеди грехов своих, тела и крови господней причастился, но и в подвиге оном, вопрошен, аще паки желает вечера Христовой, поднятою рукою желание свое показав, паки сподоблен есть (145); Когда же и речь весьма оскудела, и тогда*

на частыя предложения о суете мира сего, о милосердии божии и о вечном на небеси царствовании... (145); Толика же, о слышательные, божия благостыни, к отцу нашему и в жизни и в кончине его явленная, показывают... (145).

Следует отметить, что употребление конструкций с постпозицией определения преобладает в заключительных частях похвальных слов, а следовательно — не только жанрово-стилистически, но и композиционно значимо.

Еще одно стилистическое средство, получившее широкое распространение в похвальном слове, — дистантное положение членов атрибутивного ряда. Отделение определения от определяемого иными компонентами словосочетания представлено в 6 % случаев от общего числа двучленных и 5 % от общего числа трехчленных конструкций Феофана. Разрывающим элементом в таких конструкциях выступают самостоятельные и служебные части речи, а также сочетания слов, например: такового воистину свидетельства (134); едиными воинскими токмо делами (137); божие к нему призрение (144).

Особого внимания заслуживают дистантные атрибутивные словосочетания, разрывающим элементом которых служат конструкции с именами и местоимениями, содержащими вынесенный вперед генитив. Получается некий «принцип матрешки» — одно атрибутивное словосочетание находится внутри другого: единым оружия нашего зрением (134); персональные подданных своих обиды (137); такое свое о коронации супруги своя намерение (141); бесчисленное прежних случаев множество (141). Благодаря такому распространению и создаваемой паузе перед второй («внутренней») атрибутивной конструкцией акцентируется препозитивный атрибут.

На подобных дистантных атрибутивных конструкциях (словосочетание в словосочетании) может строиться и все предложение: Но Петровы труды многия, и кроме славы, породили плоды сладкия и нам и нашим союзникам: земель наших отнятых возвращение, новых завоеванных присовокупление, твоего, польский Августе, престола возставление, твое, короно Датская, охранение, наше паки славное благополучие, вожделенный, честный и корыстный мир, мир милующаго Бога всещедры дар и обоих народов веселие (134).

Также особое место в стилистической организации похвальных слов занимает антитетическое, контрастное по смыслу и производимому впечатлению использование атрибутов: Шведская сила всей Европе была страшная, а российская едва некоею силою нарицатися могла (132).

Таким образом, на примере употребления дистантных атрибутивных конструкций мы можем наблюдать пышные, громоздкие синтаксические построения писателей петровской эпохи [Акимова 1981: 50].

Заключение

На основании проведенных наблюдений можно прийти к выводу, что в похвальном слове Феофана Прокоповича, являющемся ярким образцом ораторского жанра, атрибутивные словосочетания (в том числе и их словопорядок) широко используются в качестве стилистического средства для усиления экспрессивности выражения и придания похвальному слову торжественности звучания, что свидетельствует о сохранении в риторическом жанре эпохи начавшихся языковых реформ грамматических особенностей, восходящих к стилю «плетения словес» и еще более раннему слогу псалма или проповеди. Но при этом «высокий» риторический жанр, сохраняя преемственность традиций красноречия, уже демонстрирует формирование новых общелитературных норм, в частности, в области словопорядка: постепенное сокращение случаев постпозитивного расположения атрибута свидетельствует о превращении правосторонней локализации определения — прилагательного, причастия, местоимения — в экспрессивно-стилистическое средство, особый риторический прием (инверсию) уже в начале XVIII столетия. Концентрация атрибутов в похвальном слове выступает важным средством создания пафосной панегирической речи, активно использующей эпитеты, повторы, градацию, амплификацию как способы украшения речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адодуров В.Е. «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» или «Первые основания русского языка». СПб., 2014.
2. Акимов Г.Н. Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII века (на материале похвальных слов Ломоносова и Сумарокова) // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981.
3. Барсов А.А. Российская грамматика. М., 1981.
4. Бурцев В.А. Риторическое учение М.В. Ломоносова о порядке слов // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. № 1. С. 65–82.
5. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1874.
6. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М., 1997.
7. Греч Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827.
8. Казаковцева О.С. Расположение компонентов атрибутивных конструкций в древнерусских памятниках XI–XIII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5. С. 88–93.
9. Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX века. М., 1969.
10. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., Л., 1952.
11. Минлос Ф.Р. Князь великий или великий князь: параметры варьирования // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. М., 2011. С. 209–217.
12. Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг. М., СПб., 2020.

13. Творогов О.В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 277–284.
14. Улитова А.С. Многокомпонентные атрибутивные словосочетания в книжных и деловых текстах (на материале памятников XVII века) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. № 4. Т. 1. С. 108–117.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

Прокопович Ф. Сочинения. М., Л., 1961.

REFERENCES

1. Adodurov V.E. «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» ili «Pervye osnovaniya rossiiskogo yazyka» [«Anfangs-Gründe der russischen Sprache» or «The first foundations of Russian language»]. Saint Petersburg, *Nauka Publ., Nestor-Istoriya Publ.*, 2014. 253 p. (In Russ.)
2. Akimova G.N. Stilisticheskie i sintaksicheskie osobennosti oratorskoi prozy XVIII veka (na materiale pokhval'nykh slov Lomonosova i Sumarokova) [Stylistic and syntactic features of oratorical prose of the 18th century (based on the laudatory words of Lomonosov and Sumarokov)]. *Yazyk russkikh pisatelei XVIII veka*. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 47–59. (In Russ.)
3. Barsov A.A. Rossiiskaya grammatika [Russian grammar]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 1981. 776 p. (In Russ.)
4. Burtsev V.A. Ritoricheskoe uchenie M. V. Lomonosova o poryadke slov [Lomonosov's Rhetorical Teaching on the Word Order]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature]. 2022. № 1, pp. 65–82. (In Russ.)
5. Vostokov A.Kh. Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe sokrashchennoi grammatiki polnee izlozhennaya [Russian grammar by Alexander Vostokov, based on his abbreviated grammar]. Saint Petersburg, *Izдание knigoprodavtsa D. F. Fedorova*, 1874. 428 p. (In Russ.)
6. Gasparov M.L. Izbrannye trudy [Selected works. Vol. I. About poets]. Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury Publ.*, 1997. 664 p. (In Russ.)
7. Grech N.I. Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem [Practical lessons of Russian grammar, published by Nikolai Grech]. Saint Petersburg, *Tipografiya Imperatorskago Sanktpeterburgskago Vospitatel'nago Doma*, 1827. 578 p. (In Russ.)
8. Kazakovtseva O.S. Raspolozhenie komponentov atributivnykh konstruksii v drevnerusskikh pamyatnikakh XI–XIII vekov [The order of attributive collocations components in the Old Russian texts from the period between the XI and the XIII centuries]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2019, № 5, pp. 88–93. (In Russ.) doi: 10.15393/uchz.art.2019.357.
9. Kovtunova I.I. Poryadok slov v russkom literaturnom yazyke XVIII — pervoi treti XIX veka [Word order in the Russian literary language between the XVIII and the first third of the XIX centuries]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1969. 231 p. (In Russ.)
10. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenii [Complete collection of essays. Vol. 7]. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR*, 1952. 1000 p. (In Russ.)
11. Minlos F.R. Knyaz' velikii ili velikii knyaz': parametry var'irovaniya [Prince Grand or Grand Prince: variation parameters]. *Slova. Kontsepty. Mify. K 60-letiyu A.F. Zhuravleva*. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 209–217. (In Russ.)

12. Prokopovich F. Ob iskusstve ritoricheskoy desyat' knig [Ten Books on Rhetorical Art]. Moscow, Saint Petersburg, *Al'yans-Arkheo Publ.*, 2020. 488 p. (In Russ.)
13. Tvorogov O.V. Traditsionnye ustoyichivye slovosochetaniya v «Povesti vremennykh let» [Traditional literary formulas in The Tale of Bygone Years]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR*, 1962, vol. 18, pp. 277–284. (In Russ.)
14. Ulitova A.S. Mnogokomponentnye atributivnye slovosochetaniya v knizhnykh i delovykh tekstakh (na materiale pamyatnikov XVII veka) [Multicomponent attributive phrases in book and business texts (based on the 17th century's monuments)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. 2015, № 4, vol.1, pp. 108–117. (In Russ.)

SOURCE OF EXAMPLES

Prokopovich F. Sochineniya [Works]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1961. 506 p.

Поступила в редакцию 03.04.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 03.04.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРАХ

Ольга Сергеевна Казаковцева — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Института педагогики и психологии Петрозаводского государственного университета; olga_danilova90@mail.ru

Наталья Викторовна Патроева — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Института филологии Петрозаводского государственного университета; nvpatr@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Kazakovtseva — PhD, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Primary Education, Institute of Pedagogy and Psychology, Petrozavodsk State University; olga_danilova90@mail.ru

Natalya V. Patroeva — Prof. Dr., Head of Department of Russian Language, Institute of Philology, Petrozavodsk State University; nvpatr@list.ru

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОДУКТИВНОСТЬ ФОРМАНТА -ІЛА

И.В. Тресорукова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; itresir@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматривается формантальное словообразование абстрактных имен существительных, являющихся неологизмами, до сих пор не зафиксированными в словарях новогреческого языка, при помощи форманта -іла, который является весьма продуктивным и участвует в образовании целого ряда имен, обозначающих запахи, различные состояния человека и т. п. Исследование проведено при помощи анализа корпусов текстов новогреческого языка и весьма актуально, так как удалось выделить и зафиксировать различные неологизмы, используемые как в письменной, так и в устной речи носителями греческого языка. Как показано в исследовании, пройдя стадии социализации и лексикализации, неологизм может функционально закрепиться в языке или же остаться окказионализмом, появляющимся в единичных случаях или обособленных категориях текстов, при этом аксиологический потенциал полученных дериватов обусловлен исходной основой, которую составляют различные части речи (существительные, прилагательные, наречия, числительные), а также аббревиатуры и словосочетания. Отмечается, что исходная основа может в ряде случаев отображаться латинскими буквами, что свидетельствует о наличии такого явления, как транслингвизм, весьма характерного для новогреческого языка. Также в статье продемонстрирован потенциал выявленных лексем в свете создания вторичных дериватов.

Ключевые слова: словообразование; неологизмы; окказионализмы; суффиксация; греческий язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-6

Для цитирования: Тресорукова И.В. Формирование неологизмов в новогреческом языке: продуктивность форманта -іла // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 69–83.

FORMATION OF NEOLOGISMS IN MODERN GREEK LANGUAGE: PRODUCTIVITY OF SUFFIX -ILA

Irina V. Tresorukova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; itresir@mail.ru

Abstract: This paper deals with the suffixal word formation of abstract nouns, so called neologisms that have not yet been fixed in dictionaries of the Modern Greek language. The neologisms are formed by using the suffix -ίλα, which is very productive and participates in the formation of a number of nouns denoting smell, various human states, etc. This research is based on the analysis of corpora of Modern Greek texts and is relevant, while it was possible to find and fix various neologisms used in both written and oral speech by native Greek speakers. As we show in our research, after different processes of socialization and lexicalization, a neologism can functionally become involved in the language or remain as an occasionalism appearing in separate cases or categories of texts, while the axiological potentiality of fixed derivatives depends on the original word-basis, i.e. various parts of speech (nouns, adjectives, adverbs, numerals), as well as abbreviations and whole phrases. We show that the original base can be displayed in Latin letters in some cases, the fact which indicates the presence of such a phenomenon as translanguaging, very characteristic and productive process for the Modern Greek language. The article also demonstrates the potentiality of the fixed lexemes from point of view of the creation of secondary derivatives.

Keywords: word formation; suffixalization; derivatives; neologisms; Greek language

For citation: Tresorukova I.V. (2025) Formation of Neologisms in Modern Greek Language: Productivity of Suffix -ila. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 69–83.

Введение

Словарь любого языка обогащается и пополняется постоянно, значительную роль в этом играют неологизмы, которые, согласно В.С. Виноградову [Виноградов 2001: 121], представляют собой «закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы мысли». Пройдя стадии социализации и лексикализации, неологизм может функционально закрепиться в языке или же остаться окказионализмом, появляющимся в единичных случаях или обособленных категориях текстов. Окказионализмы неоднократно становились предметом исследования различных ученых (ср., напр. [Улуханов 2008, 2020; Юдина 2020] и пр.), при этом отмечается, что «окказионализмы — это слова, которые образуются в речи и без соответствующего контекста могут быть непонятны не только в смысловом, но и в словообразовательном отношении» [Годизова и пр., 2023: 193].

Объектом данной статьи является словообразование окказионализмов в новогреческом языке путем суффиксации, при этом ставится задача рассмотреть функционирование словообразовательного форманта *-ila* /-íla/ и его семантику. Данная статья дополняет и развивает вопрос, поставленный в работах по исследованию семантики форманта *-ila* в новогреческом языке (см. работы [Συμεωνίδης 1994] (в статье рассматривается этимология различных версий происхождения этого форманта) и [Μλουρή 2015] (где анализируется продуктивность данного форманта в словообразовании новогреческого языка); объектом статьи являются неологизмы-окказионализмы, которые, будучи образованными по суффиксальной модели, еще не зафиксированы в толковых словарях новогреческого языка (включая самое последнее издание толкового словаря Афинской Академии наук 2014 года [Χρηστικό 2014]), но уже активно используются носителями языка для описания того или иного явления или признака. Дериваты такого рода достаточно сложно выявить, так как зачастую они используются в письменной речи (главным образом, в блогосфере, на форумах и в чатах) или в устной речи, и источником такого материала служат полевые исследования с одной стороны и изучение поисковых интернет-систем, корпусов текстов и блогосферы — с другой, что позволяет создать определенную выборку, опираясь на надежные количественные данные, полученные в результате такого комбинированного подхода¹.

Статья состоит из введения, четырех частей и заключения. В третьей части приводится собственно исследование неологизмов с формантом *-ila*: модель образования, семантика и продуктивность неологизмов.

Принимая во внимание уже существующие работы, в которых проводится исследование лексем с формантом *-ila* [Συμεωνίδης 1995; Μλουρή 2015], в своем исследовании мы обратились к рассмотрению неологизмов-окказионализмов, которые, как уже было отмечено, на данный момент не фиксируются в существующих словарях новогреческого языка, и при помощи метода корпусного анализа (были использованы корпусы *eTenTen2014* и *eTenTen2019* — 1,671,678,534 и 2.809.467.278 слов соответственно²) и изучения портала www.slang.gr, где анализируются жаргонизмы и сленг, а также прибегнув к ана-

¹ Источниками рассматриваемого материала послужили поисковые системы Google, Yandex, корпусы текстов *eTenTen2014*, *eTenTen2019* (содержащие тексты всего греческого сегмента интернета за 2014 и 2019 год соответственно), а также сайт греческого жаргона www.slang.gr.

² Корпусы *eTenTen2014* и *eTenTen2019* содержат все тексты греческого интернета за 2014 и 2019 год, что позволяет провести более полный анализ разнообразных контекстов, от блогосферы до публицистики и статей научного характера.

лизу контекстов, обнаруженных в поисковых системах Google и Yandex, выявили 140 уникальных лексем, которые не фиксируются словарями. По всей видимости, на данный момент эти лексемы относятся к категории неологизмов-окказионализмов, так как некоторые из них функционируют только в определенных контекстах.

1. Теория вопроса

Как известно, словообразование является одной из основополагающих процедур для формирования и обновления словарного запаса любого языка (этим вопросом в греческом словообразовании занимались такие ученые, как [Ralli 2012; Αναστασιάδη — Συμεωνίδη 1997a и пр.]. Как пишет Р.Г. Гатаулин, «суффиксация, как один из важнейших видов словообразования <...> является активным и продуктивным способом образования коннотативно маркированных лексических единиц» [Гатаулин 2012: 127]. При этом аксиологический потенциал деривата всегда обусловлен семантикой производящей основы, которую могут составлять 1) лексемы оценочно-эмоционального, экспрессивного характера, 2) лексика функциональных стилей, 3) слова, у которых может формироваться дополнительное метафорическое, метонимическое и пр. значения [Гатаулин 2012: 127сл.].

Дериват [см. Αναστασιάδη — Συμεωνίδη 1992: 507–509] представляет собой продукт сочетания морфологической структуры и семантической нагрузки, поэтому для того, чтобы лексема воспринималась как дериват, она должна удовлетворять следующим условиям:

- 1) каждая из частей ее морфологической структуры должна относиться к определенной категории и иметь уникальное значение;
- 2) прогнозируемое значение является производным по отношению к первоначальной морфологической структуре;
- 3) отклонения от нормы могут объясняться при помощи общепринятых правил словосложения.

В своем анализе мы придерживаемся принципов словообразования, изложенных в работе Д. Корбин [Corbin 1991], которая отмечает, что слово является не изолированной единицей, а представляет собой элемент морфологической парадигмы как структурированной сети, где все связи между словами организованы по деривационным правилам, и полностью принимаем точку зрения, высказанную А. Богри [Μπογρί 2015: 661], которая отмечает, что подход Д. Корбин позволяет получить всеобъемлющий подход в описании всей совокупности деривационной морфологии и возможность для словообразования всех потенциально создаваемых лексем языка, пусть даже не подтверждаемых в существующих словарях.

Как будет показано далее, при помощи предлагаемой Д. Корбин формулы мы можем достаточно емко и результативно проанализировать структуру, истолковать и пояснить семантическое сходство или различие между аффиксальными неологизмами-дериватами и спрогнозировать значения, которые потенциально появляются при использовании конкретных морфологических структур, и в результате продемонстрировать степень реализации каждого лексического элемента в речи.

2. Словообразование в свете билингвизма и транслингвизма

Как отмечают У.М. Бахтикиреева и О.А. Валикова, «если в эпоху бытования структурной языковой парадигмы *perpetuum mobile* языковой системы считались действующие в ней соссюровские антиномии (языка и речи, говорящего и слушающего, кода и текста и др.), то в эпоху активно моделируемого глобального социума дополнительный импульс для ее (языковой системы) развития дают языковые контакты. В их процессе происходит не только глубинная перестройка языковых уровней, но и зарождение новых «образов мира» [Бахтикиреева, Валикова 2017: 57]. Одновременно с этим культура развивается и получает новые стимулы только через образы языка ее представителей, другими словами, культура «отбирает» жизнеспособные языковые элементы и переносит их в новую культурную реальность, формируя ее при помощи новых критериев. Кроме того, зачастую т. н. «сильный», преобладающий в обществе иностранный язык навязывает собственные языковые средства коммуникации, которые более разнообразны, нежели средства родного языка, что приводит к лексическому смешению и проникновению элементов «сильного» языка в процесс коммуникации в целом и в словообразование в частности и дает возможность для возникновения в языке и окказионализмов, и неологизмов.

Как отмечают греческие исследовательницы С. Циплаку [Τσιπλάκου 2016: 144] и Р. Цокалиду [Τσοκαλίδου 2017:37], транслингвизм часто проявляется при формировании неологизмов, которые возникают в языке в определенных контекстах, что создает возможность для использования элементов иных языков в пространстве конкретного языка, и тем самым обогащается и расширяется словарный запас носителя языка, предоставляя ему возможность для более активного использования метафор и метонимии. Как будет показано далее, транслингвизм играет важную роль в формировании неологизмов греческого языка, образованных при помощи рассматриваемого форманта.

3. Формант *-íla* и его место в системе словообразования греческого языка

3.1. Происхождение форманта

Х. Симеонидис подробно описывает этимологию происхождения этого форманта [Συμεωνίδης 1994: 147–149], отмечая, что есть по крайней мере две версии его происхождения, греческая и латинская. Он утверждает, что, по одной версии, формант *-íla* возникает из формы среднего рода мн. ч. древнегреческих прилагательных на *-ηλός* (*γυμνήλός* (/yimnīlos/ ‘убогий’), *σιωπηλός* (/siopīlos/ ‘молчаливый’) и пр.), при этом при субстантивации ударение смещается на один слог влево (напр. та *καπνῆλά* (/ta kapnīla/ > η *καπνῆλα* /i kapnīla/). По второй версии, формант происходит от латинского *-ile* (мн.ч. *-ilia*), который участвует в словообразовании романских языков Балканского языкового союза для формирования отвлеченных имен существительных от существительных, прилагательных и глаголов, напр. румын. *bîrbat* > *bîrbîtilă* ‘тупость’, румын. *yiftu* > *yiftîlă* ‘цыганщина’. Мы в свою очередь склонны считать более верной именно вторую версию, так как значительная часть существительных, образованных при помощи анализируемого форманта, фиксируется в языке именно в эпоху позднего Средневековья и Нового времени, что можно считать влиянием именно романских языков.

3.2. Материал исследования

Принимая во внимание уже существующие работы, в которых проводится исследование лексем с формантом *-íla* [Συμεωνίδης 1995; Μλοуρή 2015], в своем исследовании мы обратились к рассмотрению неологизмов-окказионализмов, которые до сих пор не фиксируются в существующих словарях новогреческого языка, и при помощи метода корпусного анализа (были использованы корпуса *elTenTen2014* и *elTenTen2019* — 1,671,678,534 и 2.809.467.278 слов соответственно³) и изучения портала www.slang.gr, где анализируются жаргонизмы и сленг, а также прибегнув к анализу контекстов, обнаруженных в поисковых системах Google и Yandex, выявили 140 уникальных лексем, которые не фиксируются словарями. По всей видимости, на данный момент эти лексемы относятся к категории неологизмов-окказионализмов, так как некоторые из них фиксируются только в определенных контекстах.

³ Корпусы *elTenTen2014* и *elTenTen2019* содержат все тексты греческого интернета за 2014 и 2019 год, что позволяет провести более полный анализ разнообразных контекстов, от блогосферы до публицистики и статей научного характера.

3.3. Структура и формирование лексем с формантом -ίλα

Как пишет греческая исследовательница К. Христопулу [Χριστοπούλου 2016: 186], структура жаргонизмов и сленговых единиц новогреческого языка не отличается от единиц нормативной лексики. Лексемы формируются по одной и той же модели, поэтому, как указывает Г. Ксидопулос [Ξυδόπουλος 2007: 207], по своей структуре неологизмы весьма часто повторяют структуру лексем нормативной речи.

При анализе лексем с формантом -ίλα мы обнаружили, что, как правило, они являются производными от именных частей речи (в большинстве случаев) или от прилагательных и наречий и образуются по формуле

$$[[x]_Y(\iota\lambda\alpha)]$$

где $[x]_Y$ является исходной лексемой или словосочетанием, Y обозначает соответствующую частеречную принадлежность исходной лексемы (существительное, прилагательное и т. п.), а $[[x]_Y(-\iota\lambda\alpha-)]$ — схема производного существительного. Выявленные лексемы мы разделили на категории по типу использованной исходной лексемы (N — существительное, Adj — прилагательное, Adv — наречие, Arith — количественное числительное, Acr — аббревиатура, Excl — междометие, Phr — словосочетание/предложение).

3.3.1. $[[x]_N(-\iota\lambda\alpha)]$

К первой категории относятся лексемы, производные от существительных (из 140 выявленных уникальных лексем к этой группе относится наибольшее количество (76)), ср., напр., *αετίλα*⁴ (/aetila/ 'чрезмерно преувеличенный подвиг', *αλβανίλα* /alvanila/ 'засилье албанцев', *ανθρωπίλα* /anθropila/ 'вонь от большого скопления людей', *αντρίλα* /anθrila/ 'запах немытого мужского тела', *βαλκανίλα* /valkanila/ 'преобладание менталитета, свойственного населению Балканского полуострова', *γυναικίλα* /γinekila/ 'бабье, засилье женщин, запах немытого женского тела', *δωματίλα* /domatila/ 'запах закрытой, непроветриваемой комнаты', *Ισπανίλα* /ispanila/ 'засилье испанской культуры', *κομμουνίλα* /komunila/ 'засилье коммунистической идеологии', *καρακαμπίλα* /karakabila/ 'очень сильное пекло', *μαδερίλα* /maderila/ 'яжмать', *μασχαλίλα* /maskhalila/ 'сильный запах пота', *ματσίλα* /matchila/ 'очень интересный матч', *μεϊνστρίμιλα* /meinstrimila/ 'за-

⁴ Перевод таких неологизмов зачастую вызывает большие трудности, так как в русском языке в большинстве случаев отсутствуют соответствующие аналоги, поэтому для каждой лексемы мы представляем либо придуманный нами русский аналог-неологизм (чаще всего содержащий формант -щина), либо даем описательный перевод.

⁵ Для транскрипции греческих лексем и примеров используется Международный фонетический алфавит для греческого языка.

силье идеологии мейнстрима, *μπακαλιάρια* /bakaliarila/ ‘сильная вонь от трески’, *μπριτζολία* /brizolila/ ‘сильный неприятный запах от жареных отбивных’, *οπορουνία* /oportunila/ ‘засилье oportunistов’, *πακιστανία* /pakistanila/ ‘пакистанщина’, *σκουτίδια* ‘skuridila’ /вонь от залежей мусора/, *τρενίχια* /trenikhila/ ‘специфический запах поезда, электрички и пр.’, *Boxeria* /bokserila/ ‘лязгающий шум в моторе автомобиля’, *Disneyia* /disneiila/ ‘засилье культуры компании Дисней, Диснеевщина’, *doomia* /dumila/ ‘засилье игроков игры «Дум», думерщина’, *Espressia* /espresila/ ‘преобладание кофе типа «эспрессо»’, *garagia* /garadzihila/ ‘большое количество гаражей’, *Hardcoria* /hardocoria/ *χαρτκορία* /*χαρκορία*⁶ /khardkorila/ ‘хардкорщина, засилье хардкора’, *Japania* /dzharanila/ ‘засилье японской культуры’, *Manowaria* /manovarila/ ‘мановарщина, засилье любителей музыки группы «Мановар»’, *snobia* /snobila/ ‘снобизм’, *Vintagia* /vintadzila/ ‘винтажизм, слишком сильное увлечение винтажем’ и т. п.

По результатам анализа исходных лексем мы выделяем следующие категории основ:

- имена нарицательные (ИН) с греческим корнем;
- имена собственные (ИС) с греческим корнем;
- ИН или ИС с английским корнем, который отображается при помощи букв греческого алфавита;
- ИН или ИС с английским корнем,⁷ который отображается при помощи букв латинского алфавита.

Стоит отметить, что в ряде случаев в качестве основы используется именно ИС, ср., напр., *Νταλάρας* /Dalaras/ ‘Даларас’⁸) — *νταλάρια* /dalarila/ ‘чрезмерное увлечение музыкой Далараса’, *Disney* /disnei/ ‘Дисней’ — *Disneyia* /disneiila/ ‘засилье культуры компании Дисней, Диснеевщина’ и т. п. Также стоит отметить, что в ряде случаев используется полноценная лексема (в большинстве случаев это иноязычное ИС, напр., *Groove* /gruv/ ‘Трув’, *Disney* /disnei/ ‘Дисней’, где сохраняется конечный гласный, или же может использоваться только основа ИН или ИС с усечением окончания.

При анализе мы отметили явное наличие транслингвизма, которое, по всей видимости, связано с конкретным социолектом (большинство исходных ИС принадлежат в сфере музыки (рок-группы и пр.) и встречается в текстах блогосферы соответствующей тематики): использование лексики и построение диалога в интернет-общении требует знания английского языка, что приводит к смене кодировки и смешиванию алфавитов (в данном случае греческого

⁶ Этот неологизм встречается во всех приведенных типах.

⁷ Отметим, что лексемы такого рода встречаются главным образом в текстах блогосферы и в устной речи молодежи.

⁸ Известный греческий певец Йоргос Даларас.

и латинского). Такое же явление отмечает и Р. Цокалиду [Τσοκαλίδου 2017: 50–52], описывающая транслингвизм школьников греческих учебных заведений, для которых греческий язык не является родным, в связи с чем письменная речь зачастую включает графические элементы разных языков.

3.3.2 [[x]_{Adj} (-ίλα)]

В процессе анализа было выявлено 34 лексемы, основой для которых послужило прилагательное, напр., *αδιαφορία* /ad diaforila/ ‘пофигизм’, *ανετία* /anetila/ ‘комфортище’, *αριστερία* /aristerila/ ‘засилье левых сил, левых идей’, *εναλλακτία* /enalaktila/ ‘альтернативщина’, *μεταχειρία* /metakhirila/ ‘поюзанность’, *νταρκία* /Darkila/ /darkila/ ‘засилье дарк-жанров’, *ντεμοντία* /demodila/ ‘старьевщина, вышедшие из моды вещи’, *σαπι-ία* /sapiila/ ‘гнилье’, *φτωχία* /ftokhila/ ‘засилье бедности, убогость’, *Blackία* /blakila/ ‘засилье негров’, *gothία* /goθila/ ‘засилье представителей готт-культуры’, *porία* /porila/ ‘попса’ и пр. Как и в предыдущей группе, здесь отмечается наличие исходных основ греческого и иноязычного происхождения. Стоит отметить, что в случае если основа прилагательного оканчивается на -ι-, производное имя существительное будет писаться с внутренним дефисом, ср., напр., *σαπι-ία* < *σάπιος+ία* /sapios/ ‘гнилой’.

3.3.3. [[x]_{Phr} (-ίλα)]

В основе выявленных 11 лексем лежат словосочетания/фразы как греческого, так и иноязычного происхождения, ср., напр., *κουτζουμπία* < *Could you be loved* /kudzubila/ ‘влюбленность’ < ‘Ты мог бы быть любимым’, *νεοδημοκρατία* /neodimokratila/ ‘засилье представителей и сторонников партии «Новая демократия»’ < *Νέα Δημοκρατία* /Nea Dimokratia/ ‘Новая Демократия’, *νεορθοδοξία* /neorθodoksila/ ‘засилье молодых христиан’ < *νέος* /neos/ ‘молодой’ + *ορθόδοξος* /orθodoksos/ ‘православный’, *ξερολία* /kserolila/ ‘всезнайство’ < *ξερόλας* /kserolas/ ‘всезнайка’ < *ξέρω όλα* /ksero ola/ ‘я знаю всё’, *Systemshockία* /sistemshokila/ ‘раздражающий затяжной и постоянный системный сбой’ < *System shock* /system shok/ ‘системный сбой’ и пр. Все неологизмы этой категории образованы путем суффиксальной контаминации словосочетаний или целых предложений и, как и в предыдущих категориях, также содержат элементы транслингвизма.

3.3.4. [[x]_{AdjP} (-ίλα)]

В этой категории мы выявили 7 неологизмов, которые в значительной степени являются окказионализмами и встречаются главным образом в текстах блогосферы, посвященных тому или иному временному промежутку, напр., *2000AD-ία* ‘надоевшее упоминание

2000-х годов', 60s-ίλα 'засилье культуры 1960-х годов', 70-ίλα 'засилье культуры 1970-х годов', 80-ίλα 'засилье культуры 1980-х годов', 90-ίλα 'засилье культуры 1990-х годов'. Числительные могут обозначаться как цифрами (ср. вышеприведенные примеры этой категории), так и отображаться прописью с элементами транслингвизма, напр., *εἰ-τίλα/Eight-ίλα /eitila/* 'засилье культуры 1980-х годов', *Ninetίλα /naintila/* 'засилье культуры 1990-х годов'.

3.3.5. [[x]_{Acc} (-ίλα)]

В основе выявленных 6 неологизмов лежат аббревиатуры: *Νοῦ-Δουλίλα /nuðulila/* 'засилье сторонников партии «Новая Демократия» < ΝΔ (аббревиатура, обозначающая партию «Новая Демократия»), *Πασοκίλα/ΠΑΣΟΚίλα /pasokila/* 'засилье сторонников и представителей партии ΠАСΟΚ' < ΠΑΣΟΚ/PASOK/ 'ΠАСΟΚ'⁹, *συριζίλα/ΣΥΡΙΖΑίλα /sirizila/* 'засилье сторонников партии СИРИЗА' < ΣΥΡΙΖΑ /SIRIZA/ 'партия СИРИЗА'¹⁰, *TV-ίλα /tivi-ila/* 'чрезмерное увлечение телевидением', *ΕΡΤ-ίλα /ertila/* 'чрезмерное количество идеологии государственного телевидения' < ΕΡΤ /ert/ 'греческое телерадиовещание'¹¹.

3.3.6. [[x]_{Adv} (-ίλα)]

5 неологизмов-окказионализмов являются производными от наречий, напр., *δηθενίλα /ðiðenila/* 'якобы-ость', *downίλα /daunila/* 'депрессия', *ματσίλα /matchila/* 'преувеличение' < *much*, *τουματσίλα /toomatchila/* 'чрезмерное преувеличение' < *too much* 'слишком', *τσαμπίλα /tsambila/* 'засилье бесплатных товаров или услуг', причем отмечается сильное влияние транслингвизма (например, английское наречное словосочетание *too much* преобразуется в единую лексему и может транслитерироваться греческими буквами или же отображаться в первоначальном виде с присоединением греческого форманта).

3.3.7. [[x]_{Excl} (-ίλα)]

В процессе анализа мы выявили лексему, производную от речевой формулы-восклицания: *γαμωτίλα /gamotila/* 'чертпоберище' < *γαμώ το /γamo to/* 'черт побери', что позволяет говорить о словообразовательном потенциале анализируемого форманта не только применительно к лексемам как к словообразовательной основе, но и к фразеологическим единицам.

⁹ ΠАСΟΚ — Всегреческое социалистическое движение.

¹⁰ СИРИЗА — Коалиция радикальных левых сил.

¹¹ ΕΡΤ используется в качестве аббревиатуры в наименовании всех государственных теле- и радиоканалов греческого государства.

3.4. Семантика анализируемого форманта

А. Ралли и Г. Ксидопулос (2012) считают, что сложные лексемы с элементами транслингвизма (blends) отличаются от обычных сложных лексем, при этом подчиняясь общим правилам словосложения, функционирующим в новогреческом языке, и это связано, прежде всего, с восприятием лексем такого рода со стороны носителя языка. Все это позволяет выдвинуть гипотезу, что словообразовательные элементы сложных лексем с элементами транслингвизма, окказионализмов и неологизмов с семантической точки зрения будут иметь такую же семантику, как и аналогичные элементы в обычных сложных словах.

Действительно, при анализе лексем с формантом *-ίλα*, зафиксированных в толковых словарях новогреческого языка, обычно являются следующие значения: 1) обозначение сильного запаха или вкуса, 2) обозначение цвета, 3) обозначение состояния или качества (см., напр., [Μποῦρη 2015]). В данном случае при анализе выявленных нами окказионализмов в интернет-текстах мы отмечаем, что самый большой процент (56 %) приходится на обозначение какой-то ситуации, 33 % лексем обозначают качество или статус, затем следуют лексемы (11 %), обозначающие резкий запах; при этом стоит отметить, что даже в том случае, когда окказионализм обозначает какую-то ситуацию, статус или качество, он будет связан с глаголом, обозначающим восприятие при помощи обоняния, ср., напр.,

Στα φαγάδικα σήμερα μυρίζει Κυριακίλα. Οικογένειες με παιδάκια, μαμάδες, νταντάδες, πατεράδες μουντρωμένοι /sta faɣadika simera mirizi kiriakila. Ikoɣenies me pedakia, mamaðes, dadaðes, pateraðes mutromeni/ 'В забегаловках сегодня **воняет семейщиной**, сплошные семьи с детьми, мамками и няньками, и отцы с надутыми лицами'

Σε όλες τις παραπάνω περιπτώσεις θεωρώ ότι τα σχόλια βρομάνε κυβερνητική συριζίλα /Se oles tis parapano periptosis theoro oti ta skholia vromane kivernitiki sirizila/ 'Во всем этом я считаю, что комментарии **воняют Сиризевщиной**'

Τώρα αὐτό το mail «deviantART has changed terms of service» γιατί μου βρωμάει phish-ίλα;;;; /Tora afto to meil deviantART has changed terms of service yiati mu vromai fish-ila/ 'Вот почему этот мейл мне **воняет фишингом?**'

В последнем примере присутствует своего рода игра слов: *phish* (*fish*) напоминает *fish* 'рыба', тем самым усиливается семантика глагола, обозначающего запах — *βρωμάει /vromai/* 'воняет'.

4. Продуктивность производных неологизмов и окказионализмов

В результате корпусного анализа мы отметили определенную тенденцию собранных лексем к продуктивности: так, ряд лексем

образуют новые производные, которые в свою очередь обозначают одушевленного агента, производящего действие, обозначаемое неологизмом, ср., напр.,

ο φαδερίλας /faderilas/ ‘дурной, брюзга, зануда’ < η φαδερίλα /faderila/ ‘занудство’ < *father* + *íla* (аналогичная семантика отмечается и у производного окказионализма ο μαδερίλας /maderilas/);

ο κατεστραίλας /katestrailas/ < καίλα /kaila/ ‘жжение’) + κατεστραμμένος (katestramenos пер. разрушенный) — окказионализм-неологизм, обозначающий заядлого геймера, который тратит все свои деньги на игру (ср. рус. *дединсайт*, *задрот*), и, метафорически, любого человека, тратящего все свое время и деньги на какое-то увлечение;

ο καϊλας /kailas/ ‘тот, кто все сжигает’ < η καϊλα /kaila/ ‘жжение’ — окказионализм, обозначающий человека, прожигающего свою жизнь (ср. рус. *гик*).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что формант *-íla* продолжает активно использоваться для образования жаргонизмов новогреческого языка, является очень продуктивным и, сохраняя свою первоначальную семантику (*неприятный запах*, см. более подробно Συμεωνίδης, указ. соч.), создает новые значения (*неприятная ситуация, качество*). Производные лексемы, содержащие этот формант, могут обозначать любое состояние, место или ощущение, вызывающее неприятные эмоции (ср., напр., ξενοδοχήλα /ksenodokhila/ ‘запах гостиницы’, αεροδρομίλα /aerodromila/ ‘запах и большие толпы путешественников в аэропорту’ и пр.), и тем самым создаются неологизмы, более емко выражающие эмоции говорящего (как указывают, например, [Andersson & Trudgill 1990] и пр.). В результате анализа выявлено, что из 140 выявленных лексем чаще всего (76 лексем) они образованы от имен существительных с использованием лексем, отображаемых как греческими, так и латинскими буквами, 34 образованы от имен прилагательных, 11 от словосочетаний, 7 от числительных, 6 от аббревиатур и 5 от наречий, при этом в графическом отображении новых лексем отмечается сильное влияние транслингвизма. Стоит также отметить, что лексемы, содержащие элементы транслингвизма (напр. *phish-íla*) выявляются главным образом в текстах блогосферы или чатах и практически не выявляются в устной речи, при этом производные от словосочетаний иноязычного происхождения (ср., напр. *τουματσίλα*) активно употребляются в языке молодежи (главным образом среди людей в возрасте от 25 до 30 лет).

При семантическом анализе лексем с формантом *-íla* помимо зафиксированных в толковых словарях новогреческого языка значений (обозначение сильного запаха или вкуса, обозначение цвета,

обозначение состояния или качества) мы выявили, что самый большой процент (56 %) приходится на обозначение какой-то ситуации, 33 % лексем обозначают качество или статус, затем следуют лексемы (11 %), обозначающие резкий запах; при этом стоит отметить, что качество, определяемое неологизмом, усиливается за счет глагола, с которым связана конкретная лексема, как это показано выше.

Также стоит отметить, что лексемы, созданные при помощи анализируемого форманта, могут быть продуктивными и создают новые лексемы, как показано выше.

Все это позволяет говорить о продуктивности и активном функционировании анализируемого форманта в новогреческом языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 8. № 1. С. 57–83.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001. 224 с.
3. Гатаулин Р.Г. К проблеме суффиксальной стилистической номинации (на примере немецких суффиксов -ο, -ε, -ι) // Вестник Башкирского университета, 2012. Т.17. № 1. С. 127–132.
4. Годизова З.И., Яньнин Ши Окказионализмы в современном русском языке рубежа веков: семантико-словообразовательный аспект // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 2. С. 192–200.
5. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва, 2008. 232 с. URL: <https://www.chitalkino.ru/ulukhanov-i-s/edinityslovoobrazovatelnoy-sistemy-russkogo-yazyka-i-ikh-leksicheskaya-realizatsiya-2> (Дата обращения: 24.12.2024)
6. Улуханов И.С. О словаре «Окказиональные глаголы русского языка» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 33–41.
7. Юдина А.Д. Окказионализмы, мотивированные именами собственными // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 195. С. 126–134.
8. Χρηστικό Λεξικό της Νέας Ελληνικής. Αθήνα, 2014.
9. Andersson, L. G., Trudgill P. Bad Language. Oxford, UK, 1990. 202 p.
10. Ralli, A., Xydopoulos G. Blend formation in Modern Greek // Renner, V., Maniez, F. & P. Arnaud (eds.) Cross-disciplinary perspectives on lexical blending (Trends in Linguistics). Berlin, 2012. pp. 35–50.
11. Αναστασιάδη-Συμεωνίδη Α. Η νεοελληνική παραγωγή κατά το μοντέλο της D. Corbin // Μελέτες για την ελληνική γλώσσα-Πρακτικά της 13^{ης} ετήσιας συνάντησης του Τομέα Γλωσσολογίας της Φιλοσοφικής Σχολής Α.Π.Θ., 7-9 Μαΐου 1992. Θεσσαλονίκη. Σ. 505–526.
12. Corbin, D. Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique. T. I – II. Presses universitaires du Septentrion, 1991 (<https://books.openedition.org/septentrion/124160> дата последнего обращения 28.06.2025)
13. Μπόγρη Α. Το επίθημα -ίλα στην Κοινή Νέα Ελληνική // Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα № 35. Θεσσαλονίκη, 2017. Σ. 658–668.
14. Ευδόπουλος Γ. Λεξικολογία. Εισαγωγή στην ανάλυση της λέξης και του λεξικού. Αθήνα, 2007. 384 σ.

15. Συμεωνίδης Χ. Το νεοελληνικό επίθημα -ίλα // Μελέτες για την. Ελληνική Γλώσσα 15, Θεσσαλονίκη, 1994. Σ. 147–154.
16. Τσιπλάκου Σ. «Ακίνδυνη» εναλλαγή κωδίκων και διαγλωσσικότητα. It's complicated. // Χατζηδάκη Α. (2015). Κοινωνιογλωσσολογικές και Διαπολιτισμικές Προσεγγίσεις στην Πολιτισμική Ετερότητα στο Σχολείο. Πανεπιστήμιο Κρήτης: Κρήτη. Αθήνα, 2016. Σ. 140–160.
17. Τσοκαλίδου Ρ. SiDaYes. Πέρα από τη διγλωσσία στη διαγλωσσικότητα. Beyond bilingualism to translanguaging. Αθήνα, 2017. 284 σ.
18. Χριστοπούλου Κ. Μια λεξικολογική προσέγγιση στο περιθωριακό λεξιλόγιο της Νέας Ελληνικής. Διδακτορική διατριβή. Πανεπιστήμιο Πατρών, Σχολή Ανθρωπιστικών και Κοινωνικών Σπουδών, Τμήμα Φιλολογίας, 2016. 556 σ.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

19. elTenTen2014 = http://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Feltentent14_tt3&tab (дата последнего обращения: 14.01.2025)
20. elTenTen2019 = http://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Feltentent19_tt8&tab (дата последнего обращения: 10.01.2025)
21. www.slang.gr (дата последнего обращения: 05.01.2025)

REFERENCES

1. Baxtikireeva U.M., Valikova O.A. *Translingvizm i revitalizacija kul'tury* [Translanguaging and revitalization of culture] // Vestnik RUDN. Serija: TEORIJA JAZYKA. SEMIOTIKA. SEMANTIKA. Tom 8, № 1, pp. 57–83 (In Russ.)
2. Vinogradov V. S. *Vvedenie v perevodovedenie (obščie i leksičeskie voprosy)* [Introduction into the translations' studies (general and lexical questions)]. Moscow, Izdatel'stvo obščego I srednego obrazovanija RAO, 2001. 224 p. (In Russ.)
3. Gataulin R.G. *K probleme suffiksальной stilističeskoj nominacii (na primere nemeckix suffixov –o , -e, -i)* [To the problem of suffixal stylistic nomination (using the example of German suffixes –o, –e, –i)] // Vestnik Baškirskogo universiteta, 2012. T. 17. № 1, pp. 127–132. (In Russ.)
4. Godizova Z.I., Jańnin Ši *Okkazionalizmy v sovremennom russkom jazyke rubeža vekov: semantiko-slovoobrazovatel'nyj aspekt* [Occasionalisms in the modern Russian language at the turn of the century: semantic and word-formation aspect] // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. 2023. T. 29, № 2, pp. 192–200. (In Russ.)
5. Uluxanov I.S. *Edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka i ix leksičeskaja realizacija* [Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation.] Izd. 2-e, ispr. i dop. Moskva, 2008. 232 s. URL: <https://www.chitalkino.ru/ulukhanov-i-s/edinityslovoobrazovatelnoy-sistemy-russkogo-yazyka-i-ikh-leksicheskaya-realizatsiya-2> (accessed: 24.12.2024) (In Russ.)
6. Uluxanov I.S. *O slovare «Okkazionalnye glagoly russkogo jazyka»* [About the dictionary “Occasional verbs of Russian language”] // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 2020. T. 79, № 6, pp. 33–41. (In Russ.)
7. Judina A.D. *Okkazionalizmy, motivirovannye imenami sobstvennymi* [Occasionalisms motivated by proper names.] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2020. № 195, pp. 126–134.
8. Khristiko Leksiko tis Enas Ellinikis [Useful Dictionary of Modern Greek Language]. Athens, 2014.
9. Andersson, L. G., Trudgill P. *Bad Language*. Oxford, UK: Cambridge, Mass. 1990. 202 p.
10. Ralli, A., Xydopoulos G. *Blend formation in Modern Greek* // Renner, V., Maniez, F. & P. Arnaud (eds.) *Cross-disciplinary perspectives on lexical blending* (Trends in Linguistics). Berlin, Mouton de Gruyter. 2012, pp. 35–50.

11. Anastasiadi-Simeonidi A. *I Neoelliniki paragogi kata to modelo tis D. Korbin* [Modern Greek derivatives by the model of D. Corbin] // Meletes gia tin elliniki glossa — Praktika tis 13 etisias sinantisis tou Tomea Glossologias tis Filosofikis Skholis A.P.Th., 7–9th, May, 1992. Thessaloniki, IMT, pp. 505–526. (In Greek)
12. Bogri A. *To epithima –ila stin Kini nea Elliniki* [The suffix –ila in the Modern Greek language] // Meletes gia tin elliniki glossa No 35. Thessaloniki, IMT, 2017, pp. 658–668. (In Greek)
13. Corbin D. *Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique*. T. I–II. Presses universitaires du Septentrion, 1991 (<https://books.openedition.org/septentrion/124160> дата последнего обращения 28.06.2025)
14. Ksidopoulos G. *Leksikologia Isagogi stin analisi tis lexis ke tou leksikou* [Lexicology. Introduction to the word's and dictionaries' analysis]. Athens, Patakis, 2007. 384 p. (In Greek)
15. Simeonidis Ch. *To neoelliniko epithima –ila* [Modern Greek suffix - ila] // Meletes gia tin Elliniki Glossa N 15, Thessaloniki, IMT, 1994, pp. 147–154. (In Greek)
16. Tsiplakou S. “Akindini” enallagi kodikon ke diaglossikotita It's complicated [“Undangerous” changing of kodes and translanguaging. It's complicated] // Chatzidaki A. Kinonioglossologikes ke Diapolitismikes Proseggisis stin Politismiki Eterotita sto Scholio. Kriti, Panepistimio Kritis, 2016, pp. 140–160. (In Greek)
17. Tsokalidou R. *SiDaYes. Beyond bilingualism to translanguaging*. Αθήνα. Gutenberg, 2017. 284 p. (In Greek)
18. Christopoulou K. *Mia leksikologiki proseggisi sto perithoriako leksilogio tis Neas Ellinikis* [Lexicological approach to the marginal vocabulary of Modern Greek. Doctoral research]. University of Patras, Faculty of Humanities and Social Studies, Department of Philology, 2016. 556 p. (In Greek)

SOURCES OF EXAMPLES

19. elTenTen2014 = http://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Feltenten14_tt3&tab (accessed: 14.01.2025) (In Greek)
20. elTenTen2019 = http://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Feltenten19_tt8&tab (accessed: 10.01.2025) (In Greek)
21. www.slang.gr (accessed: 05.01.2025) (In Greek)

Поступила в редакцию 07.07.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 07.07.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Ирина Витальевна Тресорукова — кандидат филологических наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; itresir@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Tresorukova — PhD, Associate Professor, Department of Byzantine and Modern Greek Studies, Lomonosov Moscow State University; itresir@mail.ru

РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЧАСТИЙ У ТИТА ЛИВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ XXI КНИГИ ‘AB URBE CONDITA’)

А.О. Захарченко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Московский государственный лингвистический университет
имени Мориса Тореза, Москва, Россия; anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

Аннотация: В настоящей статье представлен анализ употребления латинского причастия как средства художественной выразительности и риторического украшения речи. Ряды из причастий и причастных оборотов, определяющих одно слово, начинает использовать Цицерон в речах «высокого» стиля и в письмах с особой стилистической обработкой. Демонстрируется, что Цицерон употребляет цепочки однородных причастий в тех случаях, когда стремится вызвать эмоциональный отклик у аудитории и достигнуть таким образом большей убедительности. Такой риторический прием он использует чаще всего в особенно эмоциональных речах о себе или своих противниках (таких как Луций Сергий Катилина и Луций Кальпурний Пизон). Тит Ливий, являющийся последователем Цицерона в отношении риторической отделки языка, также вводит этот прием в речи своих персонажей, что прослеживается по XXI книге ‘Ab Urbe condita’, содержащей четыре объемные речи. В трех из них содержатся длинные цепочки однородных причастий. Основное внимание в настоящей статье уделено сопоставлению использования групп причастий в речах Цицерона и в речах персонажей XXI книги ‘Ab Urbe condita’ Тита Ливия. Демонстрируется, что употребление в речах последовательных рядов причастий в одном падеже, определяющих одно и то же слово, является особым риторическим приемом, который используется при описании человека или группы людей. Такое риторическое украшение речи служит приданию большей убедительности, усиливает образность высказывания, а также создает эмоционально окрашенное описание характеров, имеющее своей целью сформировать определенное отношение к ним у аудитории.

Ключевые слова: причастие; Цицерон; фигуры речи; Тит Ливий

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-7

Для цитирования: Захарченко А.О. Риторическая функция причастий у Тита Ливия (на материале XXI книги ‘Ab Urbe condita’) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 84–92.

THE RHETORICAL FUNCTION OF THE PARTICIPLE IN TITUS LIVY (ON THE MATERIAL OF BOOK XXI OF 'AB URBE CONDITA')

Anna O. Zakharchenko

*Lomonosov Moscow State University; Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia; anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

Abstract: This article presents an analysis of the use of the Latin participle as a means of artistic expression and rhetorical embellishment of speech. Cicero begins to use rows of participles and participial constructions defining one word in speeches of "high" style and in letters with special stylistic treatment. It is demonstrated that Cicero uses chains of homogeneous participles when he seeks to evoke an emotional response from his audience and thus achieve greater persuasiveness. He uses this rhetorical device most often in particularly emotional speeches about himself or his opponents (such as Lucius Sergius Catilina and Lucius Calpurnius Pison). Titus Livius, a follower of Cicero in terms of rhetorical trimming of language, also introduces this device into the speeches of his characters, as can be traced in Book XXI of 'Ab Urbe condita', which contains four lengthy speeches. Three of them contain long chains of homogeneous participles. The main focus of this paper is to compare the use of participle groups in the speeches of Cicero and in the speeches of characters in Book XXI of Titus Livy's 'Ab Urbe condita'. It is demonstrated that the use in speeches of consecutive rows of participles in the same case defining the same word is a special rhetorical device, which is used in describing a person or a group of people.

Keywords: participle; Cicero, figures; Titus Livius

For citation: Zakharchenko A.O. (2025) The Rhetorical Function of the Participle in Titus Livy (on the Material of Book XXI of 'Ab Urbe condita'). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 84–92.

Причастие и причастный оборот в латинском языке исследуются главным образом как элемент синтаксической структуры фразы, способный выступать аналогом придаточного предложения. Такие конструкции особенно распространены в жанре исторической прозы, который нуждается в арсенале средств для передачи большого количества сопутствующих основному действию обстоятельств.

Тем не менее причастия, начиная с эпохи Цицерона, могут быть рассмотрены и как стилистическое средство украшения высказывания. Внимание в настоящей статье сосредоточено на риторическом аспекте употребления причастий у Тита Ливия. В качестве материала для исследования была выбрана XXI книга 'Ab Urbe condita', так как она содержит весьма примечательные и объемные речи персонажей. Кроме того, для сравнения привлекаются наиболее яркие примеры использования причастий в речах Цицерона, являвшегося

ся для Тита Ливия ориентиром в отношении стилистической обработки высказывания.

Использование причастий в разговорном латинском языке крайне ограничено, поскольку любая подчинительная связь (а причастия выступают в качестве одного из типов придаточного предложения) мало распространена в повседневной речи. Это видно по небольшому количеству подобных образований в текстах развлекательного характера (например, комедиях) и, напротив, высокой частотности в стилистически обработанных и дидактических произведениях [Pinxter 2021: 5]. По этой причине употребление причастий в речах свидетельствует об особой литературной обработке.

Крайне интересным в этом отношении стало исследование, проведенное Эриком Лаутоном на материале писем Цицерона: в посланиях, выдержанных в деловом стиле, причастий практически нет, в то время как в письмах с претензией на некоторую степень риторической отделки они встречаются гораздо чаще [Laughton 1964: 156]. К тем же выводам можно прийти и при анализе частотности появления причастий в речах Цицерона. Если их тематика не предполагает использования возвышенного стиля или потребности в особой стилистической обработке, причастия практически не встречаются. В речах, которые выходят за рамки «среднего» стиля, причастия появляются гораздо чаще. Наш анализ употребления причастий в речах Цицерона показал, что одним из риторических приемов в них является постановка нескольких однородных причастий и причастных оборотов, служащих определением при одном слове.

Важно отметить, что речь пойдет только об употреблении одиноких причастий и причастных оборотов, которые не входят в аналитические образования, состоящие из глагола (чаще всего *habere* и *invenire*) и причастия и положившие начало использованию аналитических форм перфекта в современных романских языках. Так, выражение *habet factum* (“имеет сделанным”) превратилось в итальянском языке в полноценную видовременную форму *ha fatto* (“сделал”). Предметом интереса настоящей статьи также не являются причастия, выступающие частью глагольной формы пассивного перфекта.

Скопление семантически и синтаксически равных причастий (как и слов любой другой части речи) создает риторическую фигуру перечисления [Lausberg 1960: 337–340]. При рассмотрении мест, где последовательно встречаются цепочки причастий в одном падеже у Цицерона, мы пришли к выводу, что такие ряды употребляются для создания выразительного и эмоционально окрашенного описа-

ния человека. Показательным примером в этом отношении является начало второй речи Цицерона против Катилины:

Tandem aliquando, Quirites, L. Catilinam *furentem* audacia, *scelus anhelantem*, pestem patriae nefarie *molientem*, vobis atque huic urbi ferro flammaque *minitantem* ex urbe vel eiecimus vel emisimus vel ipsum *egredientem* verbis prosecuti sumus (Cic. *Catil.* II 1).

«Наконец, квириты, Луция Катилину, *безумствующего* в своей дерзости, *дышащего* преступлением, нечестиво *замысляющего* гибель отчизны, *угрожающего* вам и этому городу мечом и огнем, мы из города выбросили, или выпустили, или проводили *при его отъезде* напутственными словами».

Несмотря на то, что приведенный контекст является общеизвестным и хрестоматийным, важно отметить, что такая концентрация причастий в рамках одной фразы речам Цицерона не свойственна, и начало второй Катилинарии, несомненно, выделяется на фоне его художественной манеры. Обычно Цицерон употребляет последовательно два однородных причастия при описании (ср. Cic. *Sest.* 88, 144, Cic. *Verr.* II.I 1, Cic. *Catil.* III 17, Cic. *Rosc. Am.* 24, 37) или причастие в паре с прилагательным (ср. Cic. *Sest.* 76, 132, Cic. *Mur.* 59, Cic. *Sest.* 12, Cic. *Catil.* IV 9). В Cic. *Catil.* II 1 цепочка из пяти причастий используется Цицероном для того, чтобы создать образ Катилины как врага государства и подчеркнуть, с одной стороны, чудовищность его замыслов и, с другой стороны, радость избавления от него. Кроме того, в этом контексте содержится ряд из трех глаголов (*eiecimus*, *emisimus*, *prosecuti sumus*), образующий фигуру коррекции, или поправления, которая употребляется для уточнения ранее сказанного посредством более точного выражения [Lausberg 1960: 386–388]. Сочетание причастных оборотов и глаголов должно было создавать эмоционально окрашенное высказывание и, несомненно, находило отклик у аудитории.

Подобные комплексы из нескольких однородных причастий можно встретить и в речи ‘Pro Caelio’, которая причисляется к речам возвышенного стиля [Adams 1971: 5]:

Quaero enim cur Licinium *titubantem*, *haesitantem*, *cedentem*, *fugere conantem* mulieraria manus ista de manibus emiseric, cur non comprehenderit, cur non ipsius confessione, multorum oculis, facinoris denique voce tanti sceleris crimen expresserint (Cic. *Cael.* 66).

«Я спрашиваю, почему Лициния, *колеблющегося*, *медлящего*, *отступающего*, *пытающегося* бежать, выпустил из рук этот женский отряд...»

Цицерон опровергал причастность Целия к попытке отравления главы александрийского посольства. В приведенном контексте с помощью градации из цепочки причастий и анафоры он кратко рису-

ет образ Лициния, чтобы заставить аудиторию усомниться в том, что он собирался передать пузырек с ядом в банях, ведь в противном случае его бы заметили и остановили.

Такое употребление рядов причастий в одном падеже при описании человека можно обнаружить и в других речах Цицерона, относящихся к возвышенному стилю (ср., например, Cic. *Sest.* 64, Cic. *Catil.* I 3, Cic. *Vat.* 21, Cic. *Prov.* 6, Cic. *Rab. Perd.* 43).

Самое большое количество причастий при описании человека было нами обнаружено в речи 'In Pisonem', содержащей эмоциональное обличение Луция Кальпурния Пизона, который приложил усилия для изгнания Цицерона в 58 г. до н. э.:

Numquam ego sanguinem expetivi tuum, numquam illud extremum quod posset esse improbis et probis commune supplicium legis ac iudici, sed abiectum, contemptum, *despectum* a ceteris, a te ipso *desperatum* et *relictum*, *circumspectantem* omnia, quicquid increpisset *pertimescentem*, *diffidentem* tuis rebus, sine voce, sine libertate, sine auctoritate, sine ulla specie consulari, *horrentem*, *trementem*, *adulantem* omnis videre te volui (Cic. *Pis.* 99).

«...но я хотел видеть тебя презренным, ничтожным, *презираемым* остальными, *отчаявшимся* и *оставленным* самим собой, *оглядывающимся* на все, *боящимся* каждого шороха, *разуверившимся* в своих делах, без голоса, без свободы, без авторитета, без ранга консула, *страшащимся*, *трепещущим*, *заискивающим* у всех!»

Важно отметить, что не во всех речах возвышенного стиля Цицерон использует цепочки причастий при описании человека. Например, в речах против Гая Верреса таких конструкций не было обнаружено. Чаще всего Цицерон использует большое количество причастий именно для передачи определенной эмоции или настроения (например, гнева или радости) в риторически украшенных речах, особенно если дело касается или касалось его самого.

Аналогичное использование причастий было найдено нами у Тита Ливия, наследующего особое внимание к стилистической отделке языка [Гаспаров 1983: 455]. При нарративе он часто использует в качестве определений при субъекте пары причастий или причастие в паре с прилагательным, которое конкретизирует образ действия [Kühnast 1872: 265]. Иногда после таких пар встречается и наречие [Riemann 1885: 111]. Например: *maerens* quidem et *gemens*... *oboedienter* tamen faciebat (Liv. XXXIX 53, 11) «*печалась и стонала*, ... всё же *покорно* выполнял». В речах же персонажей повествования причастия либо отсутствуют вовсе, либо встречаются в скоплениях.

В XXI книге 'Ab Urbe condita', охватывающей события 2-й Пунической войны, содержатся четыре речи: речь Ганнона, выступающего перед «сенатом» Карфагена против наделения Ганнибала властью

полководца, речь Аморка, передающего жителям Сагунта условия сдачи города, а также две пространные речи полководцев к войскам перед сражением: Сципиона к римлянам, Ганнибала — к пунийцам. В трех из четырех речей присутствуют пассажи, где обнаруживаются последовательные ряды причастий в одном падеже. Такие цепочки используются при описании характеров для того, чтобы у слушающих сложилось определенное отношение к человеку или группе людей. Например, Ганнон стремится изобразить Ганнибала опасным человеком, которому не следует верить руководство армией пунийцев:

Juvenem *flagrantem* cupidine regni viamque unam ad id *cernentem*, si ex bellis bella serendo *succinctus* armis legionibusque vivat, velut materiam igni *praebentes* ad exercitus misistis (Liv. XXI 10, 4).

«Юношу, *горящего* желанием власти и *видящего* один путь к ней — если он будет жить, сея войну за войной, *окружив себя* оружием и легионами, — вы, будто *подкидывая* дрова в огонь, отправили к войскам».

В этом контексте можно видеть аллюзию на приведенный выше фрагмент из второй Катилинарии, причем даже обстановка произнесения речи в обоих случаях схожа: говорящему нужно обличить человека и заставить аудиторию разделять его взгляды. Однако в этом контексте причастия используются не только для описания Ганнибала (*flagrantem*, *cernentem*), но и для описания других лиц (*praebentes*). Такая концентрация причастий в одной фразе создает напряженную атмосферу, помогая изобразить Ганнибала как воинственного человека, стремящегося к власти, и передать возмущение Ганнона действиями «сената» Карфагена.

Цепочки причастий в одном падеже используются и в речи Сципиона к римскому войску. Полководец старается убедить только что вверенную ему армию в том, что пунийцы слишком измучены переходом через Альпы, а потому не представляют большой опасности:

Fame frigore inlucie squalore *enecti*, *contusi* ac *debilitati* inter saxa rupesque; ad hoc *praeusti* artus, nive *rigentes* nervi, membra torrida gelu, *quassata fractaque* arma, claudi ac debiles equi (Liv. XXI 40, 9).

«Они, измученные голодом, холодом, неопрятностью и грязью, *разбитые* и *ослабленные* среди скал и утесов; к тому же у них *обмороженные* конечности, *окопневшие* от снега мышцы, *заледевшее* от мороза тело, *поврежденное* и *сломанное* оружие, хромы и слабые кони».

Скопление однородных причастий (*enecti*, *contusi*, *debilitati*), а также фигура дистрибуции (*praeusti artus*, *rigentes nervi*, *membra torrida*), предполагающая описание частей одного целого по отдельности для большей выразительности признака [Lausberg 1960: 340–341],

создают образное описание солдат Ганнибала, которое должно было вызвать презрение к ним со стороны римских солдат. Чтобы убедить свое войско в том, что поражение пунийцев неизбежно, Сципион обращается к недавнему прошлому, когда отец Ганнибала вынужденно пошел на условия римлян:

Quem nisi Saguntinum scelus agitaret, respiceret profecto, si non patriam *victam*, domum certe patremque et foedera Hamilcaris *scripta* manu, qui *iussus* ab consule nostro praesidium deduxit ab Eryce, qui graves impositas victis Carthaginiensibus leges *fremens* *maerensque* accepit, qui *decedens* Sicilia stipendium populo Romano dare pactus est (Liv. XXI 41, 8–9).

«Если бы его не преследовало преступление над сагунтийцами, он бы вспомнил если не *побежденную* родину, то точно дом, отца и договоры, *подписанные* рукой Гамилькара, который *по приказу* нашего консула увел гарнизон с Эрика, который, *ропща и скорбя*, принял тяжкие законы, *наложенные* на *побежденных* карфагенян, который, *покидая* Сицилию, согласился платить дань римскому народу».

Приведенная фраза построена на анафоре и синтаксическом параллелизме, позволяющих дать Гамилькару определения, направленные на создание его образа как обреченного и неудачливого полководца. Синонимичные причастия '*fremens*' и '*maerens*' использованы рядом для усиления эмоционального воздействия на аудиторию. Такой прием часто можно встретить в эпосе Вергилия (ср. Verg. *Aen.* XI 150–151, Verg. *Aen.* XI 668–669, Verg. *Georg.* III 421, Verg. *Georg.* IV 501). Кроме того, с помощью причастий даны определения и к существительным '*patriam*' и '*foedera*', чтобы подчеркнуть безвыходность положения полководца пунийцев.

В речи Ганнибала к войску также содержатся цепочки причастий в одном падеже для описания армии противника. Служат такие конструкции той же цели, что и у Сципиона, — создать неприглядный образ стана неприятеля:

Pugnabitis cum exercitu tirone, hac ipsa aestate *caeso*, *victo*, *circumsesso* a Gallis, *ignoto* adhuc duci suo *ignorantique* ducem (Liv. XXI 43, 14).

«Вы будете сражаться с войском новобранцев, этим самым летом *разбитым*, *побежденным* и *осажденным* галлами, *неизвестным* своему предводителю и *не знающим* его».

Эффект от фразы с обилием причастий для описания человека усиливается фигурой анноминации ('*ignoto*', '*ignorantique*'), предполагающей использование однокоренных или близких по значению слов для языковой игры [Lausberg 1960: 323–325].

Та же фигура используется Титом Ливием в речи Ганнибала вторично, наряду с синтаксическим параллелизмом и антитезой:

Cum *laudatis* a me *milliens donatisque*... procedam in aciem adversus *ignotos* inter se *ignorantesque* (Liv. XXI 43, 18).

«Я пойду в бой с многократно *похваленными* и *награжденными* мной против *незнакомых* друг с другом и *не знающих* друг друга».

В речи Алорка, обращенной к жителям Сагунта, подобных скоплений причастий обнаружено не было. Это объясняется тематикой и тональностью речи: Алорк, выступая посредником, лишь передает условия сдачи города, не выказывая своего личного отношения к происходящему и не описывая кого-либо.

Отметим, что сам факт наличия рядов причастий в речах отмечался, например, Эриком Лаутоном применительно к речам Цицерона, однако он связывался им исключительно с необходимостью привести большое количество деталей и сохранить при этом темп речи и не рассматривался как риторическое средство [Laughton 1964: 156].

Таким образом, настоящая статья демонстрирует, что последовательные ряды из нескольких причастий и причастных оборотов в одном падеже, относящихся к одному определяемому слову, Тит Ливий использует в речах своих персонажей для более экспрессивного, эмоционально окрашенного изображения характеров. Такое употребление, заимствованное Ливием у Цицерона и развитое им, выступает в определенных пассажах речей не только маркером высокого стиля, но и эффективным риторическим средством создания яркого и живого образа и усиления впечатления и эмоционального воздействия на аудиторию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М.Л. История всемирной литературы. Т. 1. М.: Наука, 1983.
2. Adams J.N. A Type of Hyperbaton in Latin Prose // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1971. № 17. P. 1-16.
3. Kühnast L. Die Hauptpunkte der livianischen Syntax. Berlin, 1872.
4. Laughton E. The Participle in Cicero. Oxford, 1964.
5. Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. 2 Bde. München, 1960.
6. Pinkster H. The Oxford Latin Syntax. Vol. II. Oxford, 2021.
7. Riemann O. Etudes sur la langue et la grammaire de Tite-Live. Paris, 1885.

REFERENCES

1. Gasparov M.L. *Istoriya vsemirnoy literature* [History of World Literature]. T. 1. Moscow, Nauka Publ., 1983. 584 p. (In Russ.)
2. Adams J.N. A Type of Hyperbaton in Latin Prose // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1971. № 17. pp. 1-16.
3. Kühnast L. *Die Hauptpunkte der livianischen Syntax* [The Main Points of Livian Syntax]. Berlin, 1872.
4. Laughton E. *The Participle in Cicero*. Oxford, 1964. 161 p.

5. Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik* [Handbook of Literary Rhetoric]. 2 Vol. Munich, 1960. 960 p.
6. Pinkster H. *The Oxford Latin Syntax*. Vol. II. Oxford, 2021. 1438 p.
7. Riemann O. *Etudes sur la langue et la grammaire de Tite-Live*. [Studies on the Language and Grammar of Titus Livius] Paris, 1885.

Поступила в редакцию 01.06.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 01.06.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Анна Олеговна Захарченко — аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; преподаватель кафедры классической филологии МГЛУ имени Мориса Тореза; anna.zakharchenko.jim@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anna O. Zakharchenko — PhD Student, teaching assistant, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; teacher, Department of Classics, Moscow State Linguistic University; anna.zakharchenko.jim@gmail.com

«ПРИКЛЮЧЕНИЕ В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД» Э.Т.А. ГОФМАНА КАК ПРЕТЕКСТ «ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ» АННЫ АХМАТОВОЙ

Л.Г. Кихней

*Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия;
lgkihney@yandex.ru*

Аннотация: Выявляется один из прецедентных источников «Поэмы без Героя» — новелла Э.Т.А. Гофмана «Приключение в ночь под Новый год». Выявленные интертекстуальные переклички обусловлены сходными моделями мира, чья общность в первую очередь проявляется на спациональном уровне. Показывается, как романтическое двоемирие гофманианского толка (заданное в указанной новелле) генерирует в ахматовском тексте нарративные стратегии (игра с повествовательными модусами, осложненная любовным конфликтом) и ряд мотивно-образных парадигм, которые «встраиваются» в сюжет (парадигмы пограничности, зеркальности, двойничества). Доказано, что «Поэма без Героя» являет новый способ работы с традицией, когда сюжетно-нарративная схема, соотношенная с глубинно тождественными моделями мира, притягивает соответствующие топосы и авторские образы. В таком контексте интертекстуальность становится подлинным механизмом литературной традиции.

Ключевые слова: Ахматова; Гофман; «Поэма без Героя»; «Приключение в ночь под Новый год»; литературная традиция; интертекст; модель мира; хронотоп; двоемирие; зеркальное отражение, двойничество

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-8

Для цитирования: Кихней Л.Г. «Приключение в ночь под Новый год» Э.Т.А. Гофмана как претекст «Поэмы без Героя» Анны Ахматовой // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 93–109.

E.T.A. HOFFMAN'S ADVENTURE ON NEW YEAR'S EVE AS A PRETEXT OF ANNA AKHMATOVA'S POEM WITHOUT A HERO

Lyubov G. Kikhney

A.S. Griboedov Moscow University, Moscow, Russia; lgkihney@yandex.ru

Abstract: The article identifies one of the precedent sources of the *Poem Without a Hero* — the short story by E.T.A. Hoffman *Adventure on New Year's Eve*. The revealed intertextual overlap is due to similar models of the world, whose commonal-

ity is primarily manifested at the spatial level. It is shown how the romantic duality in the Hoffmannian sense (set in this novel) generates narrative strategies in Akhmatova's text (a game with narrative modes complicated by a love conflict) and a number of motivic-figurative paradigms that are "embedded" in the plot (paradigms of borderline, mirroring, duality). It is proved that the *Poem Without a Hero* is a new way of working with tradition, when the plot-narrative scheme, correlated with profoundly identical models of the world, attracts the corresponding topoi and author's images. In this context, intertextuality becomes a genuine mechanism of literary tradition.

Keywords: Akhmatova; Hoffman; literary tradition; intertext; world model; chronotope; two worlds; mirror image; duality

For citation: Kikhney L. (2025) E.T.A. Hoffman's *Adventure on New Year's Eve* as a Pretext of Anna Akhmatova's *Poem Without a Hero*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 93–109.

К постановке проблемы. Тема «Ахматова и Гофман» в литературоведении была заявлена и обстоятельно рассмотрена В.Н. Топоровым [Топоров 2003]. Ученый нашел в «Поэме без Героя» ряд убедительных семантических параллелей с «Щелкунчиком» и «Дон Жуаном» Гофмана, выявил отсылки к Гофману в других ахматовских произведениях, а также обозначил роль и значение Гофмана в литературе и культуре Серебряного века. Эксплицитные гофмановские рецепции в поэме «Путем вся земля» впоследствии обстоятельно прокомментировали С.В. Бурдина [Бурдина 2002] и О.Е. Рубинчик [Рубинчик 2014].

Однако новелла Гофмана «Приключение в ночь под Новый год» («Die Abenteuer der Sylvester-Nacht») упоминается комментаторами и исследователями «Поэмы без Героя» только мельком и косвенно, в основном в связи с генеалогией имени Дапертутто — одной из «теней из тринадцатого года»¹. Между тем, по нашей версии, именно эта новелла стала одним из первых и важных «гофмановских» источников топики Поэмы. Об этом свидетельствуют прямые отсылки к ней в Главе Первой «Триптиха».

В завязке Поэмы возникает образ «полночной Гофманианы» как обобщенной характеристики ситуации прихода к героине-автору «полночных гостей» под Новый год:

¹ «Я не такой тебя когда-то знала...». Ахматова А.А. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / Изд. подг. Н.И. Крайнева; под ред. Н.И. Крайневой, О.Д. Филатовой. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. С. 875. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте в круглых скобках, с указанием номера страницы.

Откроем собрание
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану...

(877; курсив, кроме специально оговоренных случаев, наш. — Л.К.)

А несколькими стихами ранее упоминается гофмановский персонаж — Дапертутто — одна из масок в шествии:

«...Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!»
Этот Фаустом, тот Дон Жуаном
Дапертутто, Иоканааном,
Самый скромный — северным Гланом
Иль убийцею Дорианом... (877)

Обе рецепции отсылают нас к «Приключению в ночь под Новый год».

Обратим внимание на некоторый парадокс: в «Прозе о Поэме» «петербургская Гофманиана» упоминается не менее восьми раз, в то время как в самой Поэме — только дважды. По нашей гипотезе, это объясняется тем, что в «Триптихе» гофмановский слой существует латентно, подтекстово, его смысловые поля интерферируют с иными источниками. В таком случае эксплицитные отсылки к нему в «Поэме без Героя» — индексы, указывающие на наличие этого глубинного смыслового слоя. А поскольку одна из задач Ахматовой в «Прозе о Поэме» — помочь читателям постичь содержание поэмы, то многочисленные прозаические упоминания «петербургской Гофманианы», по нашей версии, оказываются ключами к интертекстам Гофмана в «Триптихе», особенно в первой его части.

Декларируемая Ахматовой интертекстуальность ставит вопрос о литературной традиции². Интертекстуальность в общем смысле является одним из ее механизмов. Тем не менее, интертекстуальность — частный механизм, он связывается с более глобальными стратегиями.

С.Ю. Неклюдов справедливо полагает, что морфогенетическим механизмом передачи традиции являются «текстопорождающие модели», хранимые в «предшествующих текстовых манифестациях традиции» и задающие новым «сообщениям» гомогенные «сюжетные, композиционные, жанровые параметры», в соответствии с которыми в новых текстах «происходит “сборка” коннотативно нагруженных семантических элементов» [Неклюдов 2016: 19].

² В целом гофмановская традиция в русской литературе на материале прозы XIX века скрупулезно рассмотрена А.Б. Ботниковой [Ботникова 1977].

С.Ю. Неклюдов говорит о сюжетно-композиционных и жанровых моделях как об организующих параметрах традиции. Однако мы полагаем, что при интертекстуальной реализации традиции важно обратить внимание в первую очередь на хронотоп. Ибо традиция — не механическое заимствование, она предполагает «встречное течение» — отдающей и принимающей поэтик. Это «встречное течение» обусловлено *образом мира*. А образ мира реализуется в образе пространства, поэтому пространство (неизбежно включающее в себя хронологические параметры) становится «смысловой матрицей», и начинать надо с него³.

«Хронотоп» создания текстов. Знаменательно, что оба писателя создавали свои произведения в новогодний период. Гофман написал эту новеллу (включенную им впоследствии в цикл «Фантазий в манере Калло») между 1 и 6 января 1815 г. Ахматова отмечает, что «...первый раз она <Поэма — Л.К.> пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г.» (871). Это совпадение представляется важным, поскольку в сравниваемых произведениях ключевую роль играет «новогодний» хронотоп и его семантические вариации, в основном связанные с ночным временем суток («Новогодний вечер», «Новогодняя ночь», «канун Нового года», «Крещенский вечер», «сочельник», «дни Рождества» и т. д.).

Кроме того, оба произведения содержат ряд смысловых хронотопических схождений и пересечений. Рассмотрим их более подробно.

Реальное пространство и семиосфера двоемирия. И «Приключение в ночь под Новый год», и «Поэма без Героя» построены на принципе двоемирия. У Ахматовой, как и в сказочной новелле Гофмана, мы наблюдаем двоеение хронотопов: реального и потустороннего. И у Гофмана, и у Ахматовой присутствует реальный, узнаваемый городской топос, и это важно, ибо обычно романтики пренебрегали реальным миром.

Оба писателя весьма точно описывают место действия: у Ахматовой — Ленинград (предвоенный и блокадный) и Петербург 1913 года: Фонтанный Дом с Белым (зеркальным) залом, Исаакиевская площадь, Нева, Летний сад, мост через Неву, арка на Галерной улице, университет («Коридор Петровских Коллегий»), Мальтийская капелла, Эрмитаж, Волково кладбище и мн. др.

У Гофмана — Берлин 1810-х гг.: улица Унтер-ден-Линден, отель «Золотой Орел» (где Гофман жил в то время, когда писал «Приключение...»), Замок, Шпрее, Оперный мост, Шлюзовый (Дворцовый) мост, Монетный двор, Егерштрассе, ботанический сад, лавка братьев

³ См. об этом на другом материале: [Темиршина 2024: 24–37].

Буше, кондитерские магазины Фукса, Вайде Шоха, в которых в канун Рождества в витринах выставлялись кондитерские шедевры по мотивам религиозных и фольклорных историй.

Бросятся в глаза сходжения пейзажных деталей: и у Гофмана, и у Ахматовой упоминаются главные столичные реки — Шпрее и Нева, мосты через эти реки, Ботанический сад / Летний сад, замок / дворец.

Оба автора упоминают реально существующий погребок: у Гофмана это пивной подвальчик рядом с Егерштрассе, где автор бывал. Там же титульный герой, путешествующий энтузиаст, знакомится с необычными посетителями, один из которых лишился своей тени, другой — отражения в зеркале.

У Ахматовой это знаменитое артистическое кабаре «Бродячая собака», где она также бывала и куда направляются персонажи интермедии «Через площадку»: «Уверяю, это не ново... / Вы дитя, сеньор Казанова...» / «На Исаكيةвской ровно в шесть...» / «Как-нибудь побредем по мраку, / Мы отсюда еще в «Собаку»...» / «Вы отсюда куда? — Бог весть!» (880).

Примечательно, что в ахматовской поэме, как и в гофмановской новелле, знаковую роль играет итальянский текст: у Гофмана это Флоренция (как место удивительных приключений Эразмуса Шпикера), а у Ахматовой — «Венеция дождей» и «римская полночь» (как карнавальные топосы).

В ахматовском тексте находятся и другие пейзажные детали, совпадающие с гофмановскими, в частности, образ *флюгера*, который в контексте обоих произведений становится индикатором движения большого времени, смены эпох. Ср. у Гофмана:

«Прорезные *флюгера* на железных флагштоках отчаянно скреже-тали, будто само время во всеуслышание двигало свою вечную устрашающую зубчатую передачу, и казалось, что не пройдет и не-скольких мгновений, как старый год сорвется, словно тяжелая гиря, и с глухим ударом канет в темную бездну»⁴.

У Ахматовой:

В Летнем тонко пела *флюгарка*,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком styl. <...>
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век. (885)

⁴ Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1991. С. 264. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы. Мы сочли возможным цитировать перевод Л. Лунгиной как более точный; Ахматова, возможно, была знакома с переводом М.А. Бекетовой.

Ирреальное пространство. Ирреальное пространство связывается с границей миров и ритуальным временем — кануном Нового года. В гофмановской новелле действие начинается в новогоднюю ночь, в гостях у советника юстиции. Мы видим большое скопление гостей, среди которых возлюбленная титульного Героя — Юлия.

Завязка Поэмы Ахматовой, казалось бы, иная, хотя хронотоп тот же: героиня — в канун Нового года — ждет у себя дома гостя (в Фонтанном Доме), вместо которого приходят «тени из тринадцатого года».

Несмотря на выраженность реального пространства, оно является вторичным, своего рода декорацией, сквозь которую проглядывает иной мир. И именно этот иной мир и задает целую мотивно-образную парадигму. Инфернальные акценты происходящего порождают гомологию повествовательных деталей. Так, титульная героиня (*alter ego* автора) пребывает в ожидании чего-то ужасного: «Нет меры моей *тревоге*» (875), и странствующий энтузиаст после слов советника юстиции об ожидающем его сюрпризе ощутил, что его «душа... преисполнилась *тревогой* и смятением!» (265).

ВИНО как аттрактор искушения и точка бифуркации топосов.

Надо сказать, что моментом переключения реального нарратива в инфернальный у Ахматовой, как и у Гофмана, является сюжетная ситуация искушения героев неким *магическим напитком* (вином) как знаком приобщения души к демонским силам. И удивительнее всего то, что в ахматовском тексте повторяются мельчайшие детали: вино, как и у Гофмана, подается в хрустале, и над ним также поднимается язычок пламени. Причем у обоих авторов эта нарративная ситуация становится лейтмотивом.

В завязке новеллы Юлия угощает этим магическим напитком влюбленного в нее героя: «Посреди стаканов с дымящимся пуншем стоял изящный хрустальный бокал <...>. Вот именно этот, тонко граненный и сверкающий бокал Юлия взяла с подноса и протянула мне. <...> Я отпивал из бокала глоток за глотком и мне казалось, что маленькие голубые огоньки, вспыхивая, лижут его граненый край и мои губы» (267). Второй раз та же ситуация повторяется во сне: «Юлия <...> протягивала мне хрустальный бокал, из-за краев которого вырывались голубые язычки пламени».

Именно во сне герой понимает, что этот напиток — некое отравное зелье, а сама Юлия — инфернальная героиня. Третий раз напиток появляется в рассказе в рассказе — в «Истории об утраченном зеркальном отражении». Им искушается уже Эразмус Шпикер, причем в роли искусительницы выступает двойник Юлии (что отражено также в гомологии имен) — Джульетта: «Джульетта взяла со стола бокал вина и приветливо протянула его Эразмусу, и он

принял его из ее рук, слегка прикоснувшись к ее нежным пальчикам. Он залпом выпил вино, и огонь разлился по его жилам. <...> Эразм, словно безумный, бросился перед ней на колени...» (280). Мы видим, что это любовный напиток, дающий Джульетте власть над влюбленным в нее юношей. Впоследствии она жестоко воспользуется этой властью и отымет его зеркальное отражение.

Но если первое вкушение Шпикером «запретного» вина заставляет его забыть жену и пожертвовать своим отражением, то позже он устоит перед искушением и гневно отвергнет склянку со снадобьем, уже не любовным, а смертельным. Теперь в роли искушителя выступает доктор Дапертутто, мужская ипостась inferнальных сущностей: «Еще во Флоренции вам должно быть известно, что я умею весьма ловко готовить удивительные снадобья. Вот и сейчас у меня в руке есть пузырек с таким домашним средством, и люди, стоящие на пути вашей с Джульеттой любви, мгновенно и тихо уйдут в мир иной, причем без всяких мучений» (289).

В «Поэме без Героя» *вино / магический напиток* упоминается пять (!) раз и четырежды напрямую ассоциируется с губительной отравой. Первое упоминание о «новомодном вине» содержится в «Третьем и последнем» посвящении и связывается с мотивом «невстречи»: «Я его приняла случайно / за того, кто дарован тайной... / Он ко мне во Дворец Фонтанный / опоздает ночью туманной / *новомоднее пить вино*» (873).

В завязке самой Поэмы *новомодное вино* меняет свою природу, обретая токсические коннотации. Образ появляется в контексте ожидания автором-героиней гостя, причем стих со сравнением вина с отравой заключен в кавычки: «В хрустале утонуло пламя, / “И вино, как отравка, жжет”»* (875).

Тот же стих повторен в авторской сноске как автоцитата со ссылкой на стихотворение 1923 г.: «“Отчего мои пальцы словно в крови / И вино, как отравка, жжет?” (“Новогодняя баллада”, 1923)» (875).

Третье упоминание магического напитка выступает в функции характеристики имморальной и пряной атмосферы Серебряного века, когда чувственным соблазнам уступали даже лучшие представители эпохи, метафорически отображенные в архетипических образах мировой культуры: «Санчо Пансы и Дон Кихоты / И, увы, содомские Лоты / Смертоносный пробуют сок» (880).

Четвертое упоминание в «Решке»: «И над тем флаконом надбитым / *Языком кривым и сердитым / Яд неведомый пламенел*» (889). Этот ахматовский образ перекликается, едва ли не совпадает в опорных деталях с описанием, данным Гофманом. Ср. в Поэме: «*языком... яд... пламенел*» (889); и у Гофмана: «...голубые язычки пламени... яд» (276, 280).

И наконец, в пятый раз Ахматова упоминает «отравленное вино» в «Эпilogе», уподобляя ему «изгнания воздух горький» (896).

Таким образом, мотив отравленного напитка, заданный в новелле Гофмана (и впоследствии развернутый в романе «Эликсиры дьявола»), у Ахматовой собирает воедино семантику соблазна, искушения, греха и становится аттрактором в смысловом пространстве Поэмы.

ЗЕРКАЛО как граница миров. Другим образным аттрактором «Поэмы без Героя» становится паттерн зеркала. Его нарративные и семантико-тропеические функции совпадают с аналогичными функциями в гофмановской новелле, что дает основание предположить, что последняя стала одним из истоков «Поэмы без Героя».

Ведь именно в «Приключении в ночь под Новый год» тоpos *зеркального отражения* играет ключевую сюжетно-образную роль. Там мы находим те же семантические комплексы, что и в Части первой «Поэмы без Героя». Ахматова как бы «зазеркаливает» любовный сценарий гофмановской новеллы. В лирическом повествовании «Девятьсот тринадцатого года» страсть драгуна-Пьеро к Коломбине, осложненная, как и у гофмановских героев, ревностью и воспоминанием о былом любовном блаженстве, является центральным нарративом. Но ведь исходная сюжетная коллизия гофмановского «Приключения...» та же самая: героиня испытывает мучительную любовь к Юлии. И затем эта ситуация зеркально повторяется в «Истории об утраченном зеркальном отражении» — в неутолимом и губительном влечении Эразмуса Шпикера к Джульетте.

Причем гофмановский персонаж, уступая роковой страсти, отдает свое зеркальное отражение возлюбленной и вместе с отражением теряет часть себя, становится причастным инфернальной сфере, открытым для дьявольских манипуляций: «Глядите, он не отражается в зеркале», — загудели все разом. <...> “Этот тип продал свое отражение дьяволу!...” — неслось ему вслед» (287). И действительно, Эразмус, лишенный отражения, поддается демоническому внушению и едва не губит своих близких.

И у Гофмана, и у Ахматовой отражение отличается от оригинала, выявляя в последнем скрытую суть или, напротив, искажающие его подлинную природу напластования. Ср. у Гофмана: «Поглядывая в зеркало, я едва узнал себя, таким я был бледным и осунувшимся, на мне, как говорится, лица не было» (274), у Ахматовой:

Словно в зеркале страшной ночи

И беснуется, и не хочет

Узнавать себя человек... (885)

Конечной стадией процесса несовпадения реального бытия и его зеркальной копии становится обретение отражением отдельного, самостоятельного существования. Ср. у Гофмана: «Она сняла с зеркала занавеску, и Эразмус с восторгом увидел в нем себя, однако ни одного из его движений отражение не повторяло. И снова ужас охватил Эразмуса» (290), у Ахматовой:

Звук шагов, тех, которых нету <...>
И во всех зеркалах отразился
Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог. (877)

Зазеркаленным в итоге оказывается и художественное пространство, и время обоих произведений. У Гофмана этот прием реализуется на уровне нарратива, приема рассказа в рассказе, построенном, как мы упоминали выше, на одной и той же фабульной схеме.

У Ахматовой повторы образуют нечто вроде зеркального лабиринта («Только зеркало зеркалу снится» (890)), где пространственно-временные реалии начинают двоиться и взаимоотражаться. Прошлое оказывается слепком будущего, а будущее — воспоминанием о прошедшем.

Отсюда «гость из будущего», отраженный «во всех зеркалах»; отсюда и зеркальность дат: канун 1941-го оборачивается кануном 1914-го. Это зазеркаливание Ахматова отразила в формуле: «Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет» (877).

Корреляция зеркальной образности и провиденциальных видений особенно рельефно проступает в «Прозе о Поэме»: «Но в глубине “мертвых” зеркал, которые оживают и начинают светиться каким-то подозрительно мутным блеском, и в их глубине одноногий старик-шарманщик (так наряжена Судьба) показывает всем собравшимся их будущее — их конец» (1145).

ДВОЙНИЧЕСТВО как отражение двоemiрия. И, наконец, семантика отражения порождает феномен двойничества, которое затрагивает как персонажей, так и все смысловое пространство произведения.

«Зеркальный» генезис двойничества наглядно показан Гофманом. Инфернальный двойник Юлии является во сне титульному герою прямо из зеркала: «Мне вдруг почудилось, что в самой глубине зеркала стала проявляться какая-то темная фигура; по мере того, как я все более сосредоточенно вглядывался в нее, отчетливее стали вырисовываться сквозь магическую мглу черты прелестного женского лица — это была Юлия...» (274).

Тут же герой-рассказчик слышит, как его сосед по комнате во сне повторяет имя: «Джульетта, Джульетта» (274). Далее наши герои,

равно как и читатели, начинают понимать, что Юлия и Джульетта — двойники.

Нарративными двойниками выступают герой-рассказчик и Эразмус, ключевой персонаж «Истории об утраченном зеркальном отражении». Кроме того, семиотическим двойником Эразмуса Шпикера выступает Петер Шлемель (с прозрачной отсылкой к герою Шамиссо), из-за демонических козней утративший свою тень.

Герои-двойники присутствуют и в «Поэме без героя». Прежде всего, это героиня-рассказчица и Коломбина:

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов! <...>
Ты — один из моих двойников. (883)

Кроме того, у героини, ведущей повествование, в «Эпилоге» появляется еще один двойник:

А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей,
Я не знаю, который год,
Ставший горстью «лагерной пыли»,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.
(894–895. Курсив Ахматовой — Л.К.)

В «Прозе о Поэме» Ахматова поясняет: «...там в Поэме у меня два двойника. В Первой Части — “петербургская кукла, актерка”, в третьей — некто “в самой чаще тайги дремучей”, во второй части (т. е. в “Решке”) у меня двойника нет» (1131).

Двойниками в Поэме выступают также inferнальные персонажи: «Дапертутто», «Владыка Мрака», «Калиостро — Сам изящнейший сатана». При этом хромота и изящество Владыки Мрака («Как он хром и изящен» (876)) отсылает к гофмановскому доктору Дапертутто (которому также была присуща хромота, архетипическая черта дьявола). С Дапертутто Владыку Мрака роднит и переходящая все пределы греховность:

Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать. (876)

Далее почти те же внешние и внутренние черты зеркально повторяются в характеристике Калиостро:

Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,

Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она. (889)

Заметим, что соотносить этот двоящийся персонаж с Всеволодом Мейерхольдом (на которого указывают «Примечания редактора»: «Дапертутто — псевдоним Всеволода Мейерхольда», 897) или с Михаилом Кузминым, автором романа о графе Калиостро, — слишком прямолинейный и неоправданный ход, правда, не исключающий косвенной соотнесенности, на которую Ахматова намекает в «Прозе о Поэме» (1130).

А вот с гофмановским доктором Дапертутто, воплощающим сатанинское зло, ассоциации самый прямые. Напомним, что этот персонаж в «Приключении в ночь под Новый год» не только способствует падению героя, не только цинично издевается над его пагубной страстью и провинностями, но и толкает его на страшное преступление, предлагая отравить собственную жену и сына.

Если проецировать интертекстуальные образы носителей зла в Поэме на описываемую Ахматовой эпоху, то они соотносятся не только с апологетами ницшеанской «свободы духа» и имморализма 1910-х гг., но и с «посланцами Девки Безносой» 1930–1940-х гг., когда многие моральные установки уродливо исказились, и сын мог донести на отца, а муж — на жену...

Следует отметить, что зеркальный генезис двойников Ахматовой буквально манифестируется — в «Решке» героиня-автор прямо заявляет: «Я зеркальным письмом пишу» (892).

Отсюда, как и в гофмановской новелле, в Поэме появляются дериваты зеркального отражения — тени, ожившие портреты, всевозможные звуковые «слепки»: эхо голоса, звук шагов и пр. Прочитированная выше строка об отделившемся от героини и оставшемся в блокадном Ленинграде отражении входит в парадигму других его дериватов, также обретших самостоятельное бытие:

Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах... (895).

В «Эпиллоге» этот образный ряд дополнит и мотив ауканья «с дальним эхом» (894).

Образ тени играет в Поэме, как и в гофмановской новелле, амбивалентную роль. Так, «тени из тринадцатого года под видом ряженых» (877) явно имеют демоническую природу, что подтверждается появлением среди них некой инфернальной «лишней тени»:

С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них « б е з л и ц а и н а з в а н ь я »
Затесалась... (877)

Здесь *лишняя тень*, безусловно, — воплощение инфернального зла, его бесплотное и, казалось бы, неуловимое отражение. Этот образ также отсылает читателя к «Приключению в ночь под Новый год», где доктор Дапертутто может внезапно появляться и также неуловимо исчезать, подобно тени: «...он <...> схватил за грудки незнакомца в красном, но тот ловко увернулся и исчез, словно его здесь и не было, так стремительно, что Эразмус и опомниться не успел» (281).

В ту же парадигму попадают портреты. Так, Юлия, возлюбленная героя-рассказчика, предстает перед ним сошедшей с портретов старых мастеров «манящей девой». Его предостерегает Эразмус: «... Разве ты не видел ее уже на полотнах Брейгеля, Калло и Рембрандта?» (276).

В преамбуле к Главе Второй «Девятьсот тринадцатого года» описываются целых три портретных отражения героини-Коломбины:

«Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она — Козлоногая, посредине — Путаница, слева — портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина, другим — Донна Анна (из “Шагов Командора”). <...> Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета...» (881).

Если Коломбина — «один из... двойников» героини-рассказчика, то ее портреты представляют собой двойники двойников, ассоциирующиеся — через имя «Анна» — с самой Ахматовой и отсылающие к целому ряду текстов — от театра дель арте до лирики Блока. Далее эта тема продолжается:

Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать. (882)

И завершается этот нарратив пожеланием героине возвращаться в портрет:

На щеках твоих алые пятна,
Шла бы ты в полотно обратно,
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету... <...>
Что глядишь ты так смутно и зорко:
Петербургская кукла, актерка... (883)

Почему автор столь жесток со своей героиней? Обычно последнюю соотносят с Ольгой Глебовой-Судейкиной. Однако Ахматова в «Прозе о Поэме» поясняла, что это не портрет Судейкиной, а «скорее портрет эпохи — это 1910-е гг., петербургские и артистические, а так как О.А. <Ольга Афанасьевна — Л.К.> была до конца женщиной своего времени, то, вероятно, она всего ближе к Коломбине. Говоря языком поэмы, это тень, получившая отдельное бытие <...> Внешне она предельно похожа на Ольгу» (1137).

Мы полагаем, что Ахматовой в пространстве Поэмы важно было выявить внутренний демонизм женской красоты, показать роковую подоплеку невероятной притягательности красавиц 1910-х гг., их потенциальную способность «убивать», о чем так тонко написал Блок в послании «Анне Ахматовой» (1913).

Вот почему героиня-автор не снимает вину и с самой себя, и сама готова «платить по счету», пряча в подтекст автобиографическую драму начала 1910-х... А претекстом здесь опять-таки оказывается новелла Гофмана, главная героиня которой, Юлия/Джувьетта, — прототип ахматовской Коломбины.

Почему «красота страшна»? И Гофман, и Ахматова дают тождественные ответы. Красота, женская прелесть, полагают оба художника, дает почти неограниченную власть. И Гофман, и Ахматова не жалеют красок показать неотразимую притягательность своих героинь и одновременно (а, возможно, и потому) их inferнальную природу. Ср. у Гофмана: «Никогда еще Джувьетта не была такой пленительной. Она была одета в то же платье, что и при первой встрече в саду, она была ослепительно хороша и так сияла юной прелестью. <...> Сверкающие искры посыпались из глаз Джувьетты, лицо ее уродливо исказилось, а тело запылало» (282–283, 292). У Ахматовой:

А смиренница и красотка,
Ты, что козью пляшешь чечетку,
Снова гулишь томно и кротко:
«Que me veut mon Prince Carnaval?»

И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена появляется Она же (а может быть — ее тень):

Как копытца, топчут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,
В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна... (880)

Красота героини Ахматовой, как и героини Гофмана, отсылает к полотнам старых мастеров (а у Ахматовой и к новейшей живописи).

си). Причем оба писателя акцентируют в портретах своих героинь детали известных, узнаваемых полотен: Гофман изображает героиню в старинном платье «с множеством складок» (276), «на запястьях искусной работы браслеты» (266), все эти детали отсылают к портретам красавиц Мириса, Рембрандта и Калло.

Ахматова одевает героиню, называя ее именами исполняемых ею ролей, в «атласную шубку», отсылающую к портрету С. Судейкина, на котором запечатлена Ольга Глебова-Судейкина в роли Путаницы. Другой портрет героини — «Вся в цветах, как “Весна” Боттичелли» (884) — прозрачная проекция на знаменитое полотно.

И у Гофмана, и у Ахматовой мотив живописных ассоциаций повторяется несколько раз, причем каждый раз он подчеркнуто антинормичен и сопровождается эксплицитной или имплицитной коннотацией «ожившего портрета». У Гофмана этот многослойный образ включен в «Постскрипtum путешествующего энтузиаста» и завершает новеллу: «Прелестная Юлия была влекущим к себе живописным образом, сошедшим с полотна Рембрандта или Калло, и она обвела вокруг пальца несчастного Эразмуса Шпикера» (293).

У Ахматовой живописные проекции героини также подчеркивают амбивалентность ее ангельской и одновременно демонической красоты:

Золотого ль века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней? (883)

В тот же семиотический кластер — зеркальных отражений, двойников, теней, оживших портретов — включаются *призраки* и *фантомы*, благодаря которым сюжеты обоих произведений обретают мистико-готический колорит.

Рассмотренные аттракторы не исчерпывают мотивных перекличек обоих произведений. Семантическим «эхом» новеллы Гофмана в ахматовском «Триптихе» оказывается и мотив игры живого/неживого, воплощающийся в трансформации персонажа в куклу. Повторяется у Ахматовой и гофмановский мотив полночного боя часов, и музыкально-оркестровые мотивы, становящиеся подчас скрытым камертоном происходящего.

Техники повествования. Двоящийся хронотоп обуславливает не только смысловые схождения, но и техники повествования. У Ахматовой, как и у Гофмана, стерта грань между реальным и ирреальным: в повседневное течение жизни проникают инфернальные сущности. Отсюда и ряд нарративных перекличек.

Потусторонний хронотоп вводится с помощью рекурсивной техники «повествования в повествовании». У Ахматовой мотива-

цией двоемирия служит семантика бреда («Когда все воскресают бреды...», 875), прием «сна во сне», о котором говорится во «Втором посвящении» («Сплю — мне снится молодость наша...», 873) и в «Решке» («А во сне все казалось, что это / Я пишу для кого-то либретто <...> А ведь сон — это тоже вещьца...», 889).

У Гофмана рекурсивная техника реализуется также в приеме сна (путешествующему энтузиасту снится Юлия, которая снова, как и ранее наяву, предлагает ему бокал с пуншем), а затем в повествование вводится вставная история — записки Эразмуса, человека, потерявшего свое отражение.

К выводам. На примере взаимодействия конкретного гофмановского претекста и «Поэмы без Героя» мы можем сделать более общие выводы об интертекстуальной стратегии Ахматовой.

Итак, в «Поэме без Героя» содержатся а) опорные образы и мотивы (интертекстуальные рецепции), варьируемые в наличном тексте и служащие точкой входа для тех или иных интертекстуальных ассоциаций; б) реминисцентные комплексы, прямо или косвенно отсылающие к литературным прецедентам; в) аттракторные модели, которые притягивают схожие ситуации из культуры и реальной сферы, встраивая их в то или иное архетипическое клише или сюжетно-нарративную схему.

Основой интертекстуального соположения является более общая структурная модель, связанная с картиной мира. Механизмы традиции нам видятся следующим образом. «Встречное» течение обусловливается сходными моделями мира, чья общность в первую очередь проявляется на спациональном уровне. В этом пункте задается ряд сопоставимых образов и мотивов, а также техник поэтического письма. Так, романтическое двоемирие гофманианского толка обуславливает парадигмы пограничности, зеркальности, двойничества. При этом у Ахматовой, как и у Гофмана, эти миры не разделены непроходимой пропастью: подчеркивается реальность потустороннего бытия, что в целом создает ощущение сюрреальности. «Двойной» топос «работает» и на уровне техники, задавая ряд специфических нарративных приемов, связанных с «повествованием в повествовании».

Соединительными звеньями ключевых мотивов нередко становятся, казалось бы, второстепенные, в том числе пространственные, динамические, портретные и вещные мотивы, также несущие в себе огромную смысловую нагрузку и безмерно расширяющие семантические горизонты Поэмы. Среди особо отметим кластер, включающий в себя образы *зеркала, отражения, тени*, связанные с приходом Призрака, с семантикой гибели, идеей возмездия и пр.

Не случайно этот кластер проецируется не только на новеллу Гофмана, но и на ряд других его же произведений, а также притягивает к себе семантические поля «Гамлета», «Макбета», «Фауста», блоковских «Шагов Командора» и т. д.

«Поэма без Героя» являет такой способ работы автора с интертекстом, при котором «чужое слово», «чужой текст» становится смыслопорождающей моделью, собирающей вокруг себя — в силу сохранившихся у него семиотических «валентностей» — целую сеть связанных между собой ассоциативных значений, встраиваемых в определенную повествовательную схему. В силу этого «чужое слово» в силовом поле ахматовской Поэмы становится генератором, хранителем и передатчиком культурной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература: первая половина XIX века: к проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977.
2. Бурдина С.В. «Полночная гофманиана» поэмы А.А. Ахматовой «Путем всея земли» // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2002. № 3. С. 121–128.
3. Неклюдов С.Ю. Литература как традиция. 1. Темы и вариации. М., 2016.
4. Рубинчик О.Е. «Пусть Гофман со мною дойдет до угла...»: Гофман и Шагал — спутники Ахматовой // Известия ВГПУ. 2014. № 4 (265). С. 137–141.
5. Темиришина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. СПб.: Скифия, 2024. 608 с.
6. Топоров В.Н. Приложение 2. Ахматова и Гофман. К постановке вопроса // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избр. труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. С. 457–480.

REFERENCES

1. Botnikova A.B. E.T.A. Gofman i russkaia literatura: pervaiia polovina XIX veka: k probleme russko-nemetskikh literaturnykh sviazei [E.T.A. Hoffman and Russian literature: the first half of the 19th century: on the problem of Russian-German literary relations]. Voronezh: Publishing House of Voronezh University, 1977. 204 p.
2. Burdina S.V. «Polnochnaia gofmaniana» poemu A.A. Akhmatovoi «Putem vseia zemli» [“Midnight Hoffmaniana” of A.A. Akhmatova’s poem “The Way of the Whole Earth”]. Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiia [Bulletin of the Moscow University, Ser. 9. Philology]. 2002. № 3. P. 121–128.
3. Nekliudov S.Iu. Literatura kak traditsiia. 1. Temy i variatsii. [Literature as tradition. 1. Themes and variations] Moscow, Indrik Publ., 2016. 520 p.
4. Rubinchik O.E. «Pust’ Gofman so mnoiu doidet do ugla...»: Gofman i Shagal — sputnikii Akhmatovoi [“Let Hoffmann walk with me to the corner...”: Hoffman and Chagall are Akhmatova’s companions]. Izvestiia VGPU. 2014. № 4 (265). P. 137–141.
5. Temirshina O.R. Egor Letov: iazyk i mir. Opyt psikholingvisticheskogo podkhoda k poezii [Egor Letov: language and the world. The experience of a psycholinguistic approach to poetry]. Saint-Petersburg, Skifiia Publ., 2024. 608 p.
6. Toporov V.N. Prilozhenie 2. Akhmatova i Gofman. K postanovke voprosa [Appendix 2. Akhmatova and Hoffmann. On the formulation of the problem]. In: Topo-

rov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbr. trudy* [The Petersburg text of Russian literature. Selected works]. Saint-Petersburg, *Iskusstvo-SPb Publ.*, 2003. P. 457–480.

Поступила в редакцию 19.02.2025

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 19.02.2025

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Любовь Геннадьевна Кихней — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Московского университета имени А.С. Грибоедова; lgkihney@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lyubov G. Kihney — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Griboyedov Moscow University; lgkihney@yandex.ru

**«ЗВЕРЕК ХОТЬ НЕКАЗИСТ,
ДА СОВЕСТЬ В НЕМ ЧИСТА...»:
КОТ В БАСЕННОМ БЕСТИАРИИ И.А. КРЫЛОВА**

Т.А. Алпатова

*Государственный университет просвещения, Москва, Россия;
alpatova2005@rambler.ru*

Аннотация: Цель статьи — проанализировать особенности аллегорического и изобразительного потенциала образа Кота в баснях И.А. Крылова, с учетом общего вектора их развития от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания. Задачами работы было: выявить в девяти книгах басен Крылова указанные образы; определить соотношение традиционной аллегорической трактовки образов Кота и новации поэта, связанные со спецификой их иносказательного осмысления и непосредственного художественного представления; наконец, реконструировать историко-литературный контекст, в котором существует образ Кота крыловской басни. Выводы работы связаны с тем, что установлен один из принципов, определяющих структуру художественного образа в баснях Крылова: непосредственная изобразительность и аллегорическое истолкование не только обуславливают друг друга, но и сталкиваются в тексте, в результате чего актуализируется сам жанрообразующий принцип басни. Таким образом он становится объектом поэтологического осмысления, теряя свою безусловность, не подвергавшуюся сомнениям в рамках нормативно-традиционалистской поэтики. Образ Кота оказывается у Крылова одним из центров поэтологических изысканий баснописца — что в последующем будет развито в творчестве многих русских писателей, обращавшихся к нему, и в первую очередь Пушкина.

Ключевые слова: басня; художественный образ; поэтический бестиарий; сюжет; поэтология; «школа гармонической точности»; И. Крылов; И. Дмитриев

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-9

Для цитирования: Алпатова Т.А. «Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста...»: кот в басенном бестиарии И.А. Крылова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 110–121.

“THE LITTLE BEAST MAY BE PLAIN, BUT HIS CONSCIENCE IS CLEAR...”: THE CAT IN I.A. KRYLOV’S FABLE BESTIARY

Tatiana A. Alpatova

Federal State University of Education, Moscow, Russia; alpatova2005@rambler.ru

Abstract: The purpose of the article is to analyze the features of the allegorical and pictorial potential of the image of the Cat in the fables of I.A. Krylov, taking into account the general vector of their development from the normative-traditionalist to the individually creative type of artistic consciousness. The objectives of the work were: to display these images in nine books of Krylov’s fables; to determine the relationship between the traditional allegorical interpretation of the Cat’s images and the poet’s innovations related to the specifics of their allegorical interpretation and direct artistic representation; finally, to reconstruct the historical and literary context in which the image of the Krylov fable Cat exists. The conclusions of the work are related to the fact that one of the principles that determine the structure of the artistic image in Krylov’s fables is established: direct depiction and allegorical interpretation not only determine each other, but also collide in the text, as a result of which the genre-forming principle of the fable itself is actualized. Thus, it becomes an object of poetical comprehension, losing its unconditionality, which was not questioned within the framework of normative-traditionalist poetics. Krylov’s image of the Cat turns out to be one of the centers of the fabulist’s poetical research, which would later be developed in the works of many Russian writers who addressed it, and first of all Pushkin.

Keywords: fable; artistic image; poetic bestiary; plot; poetology; “the school of harmonic precision”; I. Krylov; I. Dmitriev

For citation: Alpatova T. (2025) “The Little Beast May Be Plain, but His Conscience Is Clear...” The Cat in I.A. Krylov’s Fable Bestiary. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 110–121.

Поэтический бестиарий в последние десятилетия стал одной из перспективных, ярких, динамично развивающихся и невероятно привлекательных сфер исследования. Ожидаемо выделяется в этом ряду и образ Кота — словно наконец исследовательская мысль нашла в себе решимость признаться в безусловном психологическом и культурном факте, обозначенном Бодлером: «Коты — друзья наук...» ([Брусиловская 2022] и др.). Таким образом, обозначая их место в тексте, исследователь оказывается перед вопросом о методологии истолкования этого феномена — которая существенно зависит от художественно-эстетических предпочтений литературной эпохи, жанровой структуры текста, специфики авторской картины мира, концентрирующейся в отдельном бестиарном образе, чтобы через

него вновь вернуться к системному единству. В связи с этим цель данной статьи — проанализировать образ Кота в баснях Крылова и как часть поэтической философии их автора, и в то же время — как один из специфических конструкторов их структуры. Безусловной методологической опорой данной статьи стали бестиарные конференции А.В. Махова и О.Л. Довгий и сборники, выходящие по их итогам, в совокупности предлагающие многомерный и продуктивный подход к изучению образов животных в литературе с учетом их значения как в свете мифокультурных ассоциаций, так и в структуре текста как художественного целого (см.: [Бестиарий 2020; Бестиарий 2021] и др.).

Исследование басенного бестиария по традиции предполагает в первую очередь истолкование аллегорического смысла обращенности к тем или иным животным образам, а также их генезиса, выявление своеобразного «механизма» того или иного иносказания. Помимо этого, применительно к басенному бестиарию Крылова ожидаемым направлением толкования оказывается также «обратный» механизм возвращения от аллегорического иносказания к жизнеподобию, «узнаваемости» персонажа не только в опосредованно-рациональном контексте («животное — человеческое качество, им представляемое»), но и в контексте непосредственного опыта жизненных наблюдений, раскрывающих внешний вид, повадки, — иными словами, собственную уникальность животного. Его поэтическое представление и создает дополнительную эстетическую «задачу» крыловской басни, которая, переплетаясь с более традиционными рационалистическими образно-смысловыми конструктами, оставляет впечатление особой непредсказуемости развертывания крыловского образа, названной Л.С. Выготским «тонким ядом» [Выготский 1986: 149–182], в итоге ставшим залогом исчерпанности возможностей жанра басни на русской почве. Практически для каждого автора, начиная с Жуковского и Белинского, писавшего о баснях Крылова, они были «не только басни» — признание, с одной стороны, предполагающее ограниченность возможностей этого жанра, одного из самых устойчивых в мировой литературе, с другой — намечающее универсальный путь ее преодоления. Чтобы выйти «за предел», ограничивающий возможности сложившейся литературной формы, необходимо осознать ее природу, сделав это осознание частью самого текста.

Специфический путь решения этой задачи предлагала и басня Крылова. В ней присутствует особая внутренняя напряженность текста, балансирующего между рационалистической аллегорией, с одной стороны, и поэтическим познанием реального мира во всем его непредсказуемом многообразии, — с другой. Построенный таким

образом басенный текст сочетает в себе разнонаправленные, едва ли не противоположные механизмы истолкования — как изображаемого «мира», так и самого себя. Все это обуславливает особое значение в подобного рода баснях поэтологического, метапоэтического компонента, благодаря которому многие из них получают возможность рассматриваться как своеобразные «реплики» Крылова-поэта в эстетических спорах эпохи, как авторские поэтологические «декларации», более или менее непосредственно выявляющие внутренние закономерности басенного жанра — что, вероятно, также обуславливало в конечном итоге его «исчерпанность» с точки зрения возможностей нормативно-традиционалистской поэтики и открытие неограниченного горизонта индивидуально-авторских представлений.

Предметом статьи избрана специфическая роль Кота в поэтическом бестиарии басен Крылова в первую очередь в контексте поэтологических функций, которые с ним связаны; иные пути — выявление аллегорического, оценочного компонента, связанного с этим образом, скрытые за ним в басенных сюжетах культурно-исторические, политические аллюзии представляются более изученными. Попробуем взглянуть на крыловских котов и кошек с учетом этого аспекта — образно-смыслового напряжения между механизмом иносказательного толкования «животное — человек» и противоположно направленным механизмом, предполагающим «открытие природы» (в данном случае животного) в поэтическом образе с учетом тех поэтологических возможностей конкретной басни, благодаря которым она превращалась в своего рода «басню о басне», «басню о возможности/невозможности написать басню» (если перефразировать известную фразу о «Тристраме Шенди» Стерна — «роман о невозможности написать роман»).

Подобные поэтологические возможности дополнительного истолкования сюжетных мотивов и стилевых формул басни закладывались в структуру жанра достаточно привычно. Не случайно среди проблемно-тематических групп, выделяемых в басенном наследии различных поэтов, довольно часто встречаются басни, объединенные задачей литературной полемики авторов («Жуки и Пчелы», «Сова и Рифмач», «Обезьяна-стихотворец» Сумарокова, «Лебедь и Гагары» Дмитриева и др.); литературная полемика становится отдельной функциональной задачей и в целом ряде басен Крылова. Традиционно подход к ее исследованию ограничивается выявлением конкретных прототипов и ситуаций, аллегорически представленных в басенном сюжете (как намеки на Хвостова в «Демьяновой ухе» или же насмешки над журналистскими принципами Булгарина и Греча в басне «Кукушка и Петух»). В данном случае представ-

ляется более интересным выявить в структуре крыловских сюжетов, объединенных обращением к образу Кота, несколько более сложную структуру — построение «двойной» (или даже еще более сложной) сюжетно-композиционной спирали, усложнение «перспективы» стихотворного повествования (эффект, который может быть истолкован и в традициях «противочувствия» Л.С. Выготского, и с точки зрения усложнения крыловской художественной философии, несводимой ни к одной предсказуемо-нравоучительной «схеме»).

Наиболее известным и, по-видимому, наиболее очевидным проявлением такой структуры была басня Крылова «Кот и Повар», в которой именно богатейшие нюансы звуковой инструментовки и динамика картины, передаваемая поэтическим синтаксисом, в итоге потенциально «выводит» Кота как персонажа за пределы рационального осуждения. Комичность ситуации при этом превращается в самоцель, ибо даже «употребив власть» по отношению к Коту, Повар не в силах восстановить нарушенный порядок — очевидно, не пристрастие к высокопарным речам, но упомянутая в самом начале басни ироничная характеристика его «набожных правил» намекает на истинную направленность осуждения. Так возникает специфическое впечатление авторской игры с читательскими ожиданиями: в мире крыловской басни Кот оказывается прав, потому что он Кот, и тягаться с ним человеку, в сущности, не имеет смысла.

Сюжет басни разворачивается на нескольких взаимопроникающих уровнях. Прежде всего, это ироничное «разоблачение» Повара, в характеристиках которого объединяется несоединимое: «грамотей» побегал «в кабак» (отметим это стоящее в начале третьего стиха «уточнение», разбивающее надежды на некоторую характеристику его именно как «грамотея») — при этом данное в скобках уточнение позволяет как представить собственно мотивы Повара («он набожных был правил»), так и авторскую ироническую игру с ними.

Следующая далее «короткая» строка басенного разноstopного ямба (двустопный ямб, окруженный шестистопными стихами) — тот переход к иному сюжетному плану, центром которого и оказывается Кот:

А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.

И что же, возвратясь, он видит? На полу...

Заметим сразу, что подобное построение образа — также связанное с ситуацией появления Кота и со сходным зрительно-семантическим эффектом «барьера», остановки, резкого переключения

сюжетных планов — присутствовало в более поздней басне «Волк и Кот» (где одностопный стих был окружен «длинными» пяти- и шестистопными строками):

Вот видит Волк мой на заборе

Кота

И молвит: «Васенька, мой друг! скажи скорее...»

«Простая» номинация в этом случае получает дополнительный метрико-ритмический импульс, обретает в итоге изобразительный потенциал — что и способствует более органичному «безусловному» с точки зрения потенциального жизнеподобия разворачиванию вводимого сюжетного плана.

Получивший неограниченные возможности распоряжаться в покинутом Поваром мире «его» поварни (вспомним предварившую картину авторскую ремарку «с поварни побежал своей / В кабак...»), Васька в полной мере раскрывает свои собственные качества — становится «собой», со всеми присущими ему органически повадками — что и воспроизводит знаменитая аллитерация:

Припав за укусным бочонком,

Мурлыча и ворча трудится над курчонком...

Заданное ею потенциальное «переключение» планов (точка зрения Повара: «Но что же возвратясь, он видит...» сталкивается с безусловной реальностью поедающего свою добычу Кота) в дальнейшем поддерживается контрастным взаимодействием риторически обусловленного (пылкий осуждающий монолог Повара) и опять-таки безусловного в своей житейской «правдивости» поведения Васьки:

«Ах ты, обжора! ах, злодей! —

Тут Ваську Повар укоряет. —

Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?

(А Васька все-таки курчонка убирает.)

Как! Быв честным Котом до этих пор,

Бывало, за пример тебя смиренства кажут, —

А ты... ахти, какой позор!

Теперь все соседи скажут:

Кот Васька плут! Кот Васька вор!

И Ваську-де не только что в поварню —

Пускать не надо и на двор,

Как волка жадного в овчарню:

Он порча, он чума, он язва здешних мест!»

(А Васька слушает да ест)...

Подобно ситуации в проанализированной некогда Выготским басне «Волк и Ягненок», риторическая убедительность персонажа неизбежно разрушается вторжением совершенно иной, более «убе-

дательной» логики: там — логики силы, здесь — логики самой жизни, которая существует словно вне всяких выводов, оставляя лишь принять свершившееся как данность: съеденное жаркое не вернуть, употребляй или не употребляй власть Повар, ему неизбежно придется заново готовить уничтоженные Васькой блюда.

Примечательна в этом контексте связанная с сатирико-политическими намеками Крылова басня «Щука и Кот», в которой за пределы привычного выходят оба персонажа, однако если действия Щуки на суше терпят ожидаемое фиаско, то Кот, столкнувшись с не очень свойственной для него задачей, блестяще справляется с нею:

«Так, в добрый час, пойдем!». Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать от идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели...

Таким образом в своей функции «резонера» Кот не только делает своеобразную «заявку» на то, чтобы сформулировать моральный урок басни («Смотри, кума, чтобы не осрамиться, / Недаром говорится, / Что дело мастера боится...»), но в конечном итоге вполне имеет право действительно завершить басенную «историю», — притом убедительность этого завершения всецело отвечает дидактической безусловности авторского вывода:

Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дело! Это, Щука,
Тебе наука
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

Голос Кота уверенно занимает место авторского и формулирует «урок» в басне «Волк и Кот». Она представляет интерес и потому, что в данном случае реплики Кота как участника сценки-диалога полностью обуславливают возможности развертывания «сюжета»: Кот последовательно называет Волку имена мужиков, во дворах которых он мог бы укрыться от охотников, — однако Волк ранее уже сталкивался с каждым из них, тем или иным образом каждого из них обидел — поэтому открывающиеся сюжетные возможности для него неизбежно отпадают одна за другой:

Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молвит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?»

Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Все это ведь за мной». — «Прости скорей Степана:
Мужик предобрый он», — Кот Васька говорит.
«То так, да у него я ободрал барана»...

Столь же невозможным оказывается и обращение за помощью к другим жителям деревни: у Демьяна Волк убил поросенка, у Трофима — ягненка, у Клима — теленка... Сюжетная цепочка в данном случае разворачивается весьма причудливо. Один ее уровень — собственно «изображаемый» сюжет, который исчерпывается диалогом Волка, пытающегося спастись, и Кота, пребывающего в спокойной уверенности своего жизненного превосходства. Параллельно движется цепочка «возможных сюжетов» (термин С.Г. Бочарова [Бочаров 1990]), формируемых в данном случае именно Котом — и опровержений этих возможностей, отсылающих к ранее совершенным действиям Волка. Это составляет третий, подразумеваемый сюжетный план, выстраивающийся в сознании читателя; одним из указаний на него становится изобилие глагольных форм в признаниях персонажа: «ободрал барана» — «унес козленка» — «грозится за ягненка» — «зарезал теленка». При этом перекрещиваются еще как минимум две логические цепочки, по-своему раскрывающие в данном тексте более общий, характерный для рационалистической поэтики принцип «исчерпывающего деления» (Л.В. Пумпянский), потенциально предполагаемый во всякой параллельной композиции, поддерживаемой перечневым перечислением однородных деталей: «Степан», «Демьян», «Трофим», «Клим» — в речи Кота Васьки, «баран», «козленок», «ягненок», «теленка» — в признаниях Волка. Это в совокупности неизбежно приводит к ощущению всеобъемлемости, рационально-логически предопределенной и житейски неизбежной исчерпанности неиспользованных возможностей: у всех мужиков есть за что питать злобу к Волку — и, таким образом, нет человека, который бы укрыл его. Кот как резонер и «бестиарный поэтолог» [Махов 2018: 176] данного сюжета и делает этот вывод:

Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил <...>
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы — сам себя вини:
Что ты посеял — то и жни.

Несколько особняком в «котовьем» бестиарном сюжете Крылова стоит басня «Котенок и Скворец», безусловно, представляющаяся важной «репликой» поэта в заочном споре со скептической философией XVIII столетия (ср. басни «Сочинитель и Разбойник», «Без-

божники» и др.). Именно здесь «тонкий яд» искусительных речей изображается наиболее развернуто, а сила их воздействия на юный неокрепший ум — безусловно разоблачительно.

Котенок в данном сюжете — пожалуй, наиболее «объектен» в сравнении с другими крыловскими котами и кошками (ср. басню «Лев и Барс», где Кот, на первый взгляд, тоже раскрывается лишь в словах Барса как возможный переговорщик, однако внутреннее напряжение иронической характеристики («Зверек хоть неказист, / Да совесть в нем чиста...») и тем более сравнение с возможными «партнерами» по переговорам — ослом и лисой — вносит в подтекст басни необходимую динамику; так Кот все же оказывается вполне субъектен как хитрый, ловкий и опасный противник). Котенок же для Скворца — именно объект разрушительного, развращающего убеждения, — не случайно, несмотря на свои внушительные размеры, этот «котик преизрядный», в авторской характеристике «и тих, и вежлив, и смирён». В довольно редком у Крылова случае «дублирования» рифмующейся строки, когда к схеме кольцевой рифмовки добавляется еще один, «лишний» стих, «философ»-Скворец поучает Котенка, не предполагая возможных следствий своей философии:

Вот как-то был в столе Котенок обделен.
Бедняжку голод мучит:
Задумчив бродит он, скучаячи постом,
Поводит ласково хвостом
И жалобно мяучит.
А философ Котенка учит...

Скворец, ставший «философом», здесь старается сделать еще и некоей «рукой судьбы», обрести влияние на сам порядок вещей в том маленьком мирке, интеллектуальным центром которого он нечаянно стал. Кичась своим философским превосходством, он обращается к Котенку как идеальному слушателю, готовому внимать предлагаемой истине, видит в нем ученика, наслаждаясь возможностью определить сам ход сложившейся ситуации. Его стремление «просветить» чрезмерно «простого», т. е. глупого с точки зрения просветительской философии Котенка («Мой друг, ты очень прост, / Что добровольно терпишь пост...») реализуется в последовательном опровержении практически всех устоявшихся моральных оснований бытия («“Но совесть...” — Как ты мало знаешь свет!...»). Сам ход доказательства Скворцом принципов скептической философии, ставящий в основу всего личное своеволие и беспринципное стремление заполучить желаемое («На свете кто силен, / Тот делать всё волен...»), — в басне опущен; он представлен читателю лишь в ав-

торском обозначении («Он философию всю вычерпал до дна...»), а также восстанавливается из культурно-исторического контекста эпохи. Контекст подсказывает и следствия ситуации как для ее невольного участника (Щегленок, судьба которого стала отправной точкой в философской апологии своеволия, раскрывшейся в рассуждениях Скворца), так в конечном итоге и самого философа, павшего жертвой собственной убедительности и риторического мастерства:

Разлакомил кусок такой Котенка,
Хотя им голода он утолить не мог,
Однако же второй урок
С большим успехом слушал
И говорит Скворцу: «Спасибо, милый кум!
Наставил ты меня на ум».
И, клетку разломав, учителя он скушал.

Широкие возможности читательского «достраивания» ассоциативного ряда басни оказывались в данном случае связаны не только с собственно философским, но и литературным контекстом: сюжетная схема, в которой юный герой сталкивается со зрелым наставником-«искусителем», что впоследствии заставляет этого наставника пожалеть о своих «уроках», слишком хорошо усвоенных «учеником», видится одним из устойчивых «общих мест» нравоописательной литературы XVIII столетия, сохраняя авторский и читательский интерес в дальнейшем. В подобной литературе довольно часто встречаются печальные размышления о сложном, несправедливом жизненном устройстве, о развращающем опыте, с которым чистая душа сталкивается в социуме, надеясь, напротив, найти мудрость и полезный жизненный урок.

Крыловские Котенок и Скворец, оказавшись в этом ряду, вновь привносят в раскрытие данного сюжетного мотива дополнительные возможности, связанные с их «безусловной» животной природой (которая так сильна в первую очередь в изображении Котенка, ср. уже встречаемые в подобных образах аллитерации — «ласково», «мучит», «жалобно мяучит» — и образно-ритмические перебои), что вновь отсылает к неявному, дополнительному моральному истолкованию сюжета: не только убедительная риторика, но сама природа этой живой самоуверенной силы возьмет свое — что, в конечном итоге, и случается в последнем стихе басни, заменяющем авторский моральный вывод.

Таким образом, в басенном бестиарии Крылова Кот — носитель изначально заложенной в мире силы, которая может пугать, может доставлять неудобства, с которой опасно играть — но она есть, и, не признавая этого, невозможно верно ориентироваться в этом мире.

Кот может задавать вектор этого «верного» поведения — авторской оценки как сюжетного плана басни, так и ее словесного развертывания. Однако заложенное в этом образе стихийно-природное начало, уловленное в баснях Крылова и ярко переданное в пластике их изобразительно-выразительных возможностей, способно вывести Кота за пределы ожидаемых рационально предсказуемых смысловых контекстов и включить этот образ в гораздо более изощренную и увлекательную игру. В таких баснях, как «Кот и Повар», «Щука и Кот», «Волк и Кот», «Котенок и Скворец», она ведется как с читателем, так и с возможностями самого жанра, «отменяя» кажущееся непобедимым морализаторство, расширяя возможности истолкования вторжением самой энергии бытия, воплощением которой и видится Кот в поэтическом бестиарии Крылова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бестиарий как *Ars Combinatoria*: сборник статей / Сост. А. Львова. Сер. 8. *Res et verba*. Тула, 2020.
2. Бестиарий ненависти: коллективная монография / Сост. А. Львова. Тула, 2021.
3. Бочаров С.Г. О реальном и возможном сюжете («Евгений Онегин») // Динамическая поэтика: От замысла к воплощению. М., 1990. С. 14–38.
4. Брусиловская Л.Б. Образ кота как Другого в русской поэзии: от классики XIX в. к «Оттепели» XX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 238–243.
5. Выготский Л.С. Психология искусства / Общ. ред. В.В. Иванова, коммент. Л.С. Выготского и В.В. Иванова, вступит. ст. А.Н. Леонтьева. 3-е изд. М., 1986.
6. Махов А.В. *Lepus in fabula*: Движение зверя как метафора поэтической речи (разрозненные заметки к возможной теме) // Бестиарий движений. Материалы международной научной конференции. *Res et verba*. М.: Аквариус, 2018. С. 167–176.
7. Ржавитина А.А. Кот как культурный код: вариативность репрезентаций образа // Вестник культуры и искусства. 2022. № 3 (71). С. 111–121.

REFERENCES

1. *Bestiarij kak Ars Combinatoria* [Bestiary as *Ars Combinatorics*]: sbornik statej / Sost. A. L'vova. Ser. 8. *Res et verba*. Tula: *Akvarius Publ.*, 2020. 270 p. (In Russ.)
2. *Bestiarij nenavisti* [Bestiary of Hatred]: kolektivnaja monografija / Sost. A. L'vova. Tula: *Akvarius Publ.*, 2021. 270 p. (In Russ.)
3. Bocharov S.G. O real'nom i vozmozhnom sjuzhete ("Evgenij Onegin") [About the real and possible plot ("Eugene Onegin")]. *Dinamicheskaja pojetika: Ot zamysla k voploshheniju* [Dynamic Poetics: From Conception to Realization]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1990. P. 14–38. (In Russ.)
4. Brusilovskaja L.B. Obraz kota kak Drugogo v russkoj poezii: ot klassiki XIX v. k «Ottepeli» XX v. [The Image of the Cat as the Other in Russian Poetry: From the Classics of the 19th Century to the "Thaw" of the 20th Century]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2022. № 2 (29). P. 238–243. (In Russ.)

5. Vygotskij L.S. Psihologija iskusstva [Art's Psychology] / Obshh. red. V.V. Ivanova, komment. L. S. Vygotskogo i V.V. Ivanova, vstupit. st. A.N. Leont'eva. 3-e izd. Moscow, *Iskusstvo Publ.*, 1986. 573 p. (In Russ.)
6. Mahov A.V. Lepus in fabula: Dvizhenie zverja kak metafora pojeticheskoy rechi (razroznennye zametki k vozmozhnoj teme) // Bestiarij dvizhenij. Materialy mezh-dunarodnoj nauchnoj konferencii. Res et verba. M.: Akvarius, 2018. P. 167– 176. (In Russ.)
7. Rzhavitina A.A. Kot kak kul'turnyj kod: variativnost' reprezentacij obraza [Cat as a cultural code: variability of image representations]. *Vestnik kul'tury i iskusstva*. 2022. № 3 (71). P. 111–121. (In Russ.)

Поступила в редакцию 16.06.2023

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 24.06.2025

Received 16.06.2023

Accepted 17.06.2025

Revised 24.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Александровна Алпатова — д. ф. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения; Москва, Россия; alpatova2005@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Alpatova — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education; alpatova2005@rambler.ru

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ КАК ПРОЕКЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО СУБЪЕКТА: «ПРИЗРАКИ» И. ТУРГЕНЕВА И «НЕБЫВАЛАЯ» П. СОЛОВЬЕВОЙ

Е.В. Кузнецова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН;
Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Москва, Россия;
katkuz1@mail.ru*

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ «фантазии» И.С. Тургенева «Призраки» и повести П.С. Соловьевой «Небывалая» с точки зрения функций категории фемининного. Данные произведения обнаруживают как глубинные переключки в сюжете, так и пересечения на мотивно-образном уровне (мотивы небывалой любви и дежавю). Оба текста повествуют о встрече героя-творца с собственным подсознанием, объективированным в образе возлюбленной-призрака, который можно также интерпретировать как музу, вдохновительницу, медиума, проводника в подсознание или Другого в терминологии Ж. Лакана. В результате этой встречи происходит раскрытие творческих сил рассказчика (полет воображения) или создается новый креативный продукт (философский трактат). После завершения процесса видение исчезает, хотя и стремится к реализации во внешнем мире. Это доказывает, что фемининное в культуре является конструктом, порождением сознания маскулинного творца. Обе повести можно рассматривать как попытку исследования творческого процесса, авторефлексию. «Призраки» демонстрируют близость поздних «таинственных» произведений Тургенева литературе модернизма.

Ключевые слова: И. Тургенев; П. Соловьева; призрак; муза; фемининное; творческий субъект; подсознание

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-10

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Возлюбленная как проекция творческого субъекта: «Призраки» И. Тургенева и «Небывалая» П. Соловьевой // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 122–137.

THE BELOVED AS THE PROJECTION OF A CREATIVE SUBJECT: I. TURGENEV'S *GHOSTS* AND P. SOLOVIOVA'S *UNPRECEDENTED*

Ekaterina V. Kuznetsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
Moscow Financial Law University, Moscow, Russia; katkuz1@mail.ru*

Abstract: The article provides a comparative analysis of I.S. Turgenev's "fantasy" *Ghosts* and P.S. Soloviova's novel *Unprecedented* from the point of view of the functions of the category of the feminine. These works reveal both deep echoes in the plot and intersections at the motif-figurative level (motives of unprecedented love and déjà vu). Both texts tell about the meeting of the hero-creator with his own subconscious, objectified in the image of a beloved ghost, which can also be interpreted as a *muse*, *inspirer*, *medium*, *guide* to the subconscious or *Another* in the terminology of J. Lacan. As a result of this meeting, the creative powers of the narrator are revealed (a flight of imagination) or a new creative product is brought to life (a philosophical treatise). After the completion of the process, the vision disappeared, although it strives for embodiment, for realization in the outside world. This proves the statement that the feminine in culture is a construct, a product of the consciousness of the masculine creator. Both stories can be considered as an attempt to explore the creative process, a kind of self-reflection. It is based on the material of works of Russian Symbolism. The novel *Ghosts* demonstrates the proximity of Turgenev's late "mysterious" works to the literature of modernism.

Keywords: I. Turgenev; P. Soloviova; ghost; muse; feminine; creative subject; subconscious

For citation: Kuznetsova E.V. (2025) The Beloved as the Projection of a Creative Subject: I. Turgenev's *Ghosts* and P. Soloviova's *Unprecedented*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 122–137.

Повесть И. Тургенева «Призраки» (1864) относится к циклу так называемых «таинственных повестей» — группе произведений, созданных им в последние годы жизни (начиная с «Довольно!» 1862 г. и заканчивая последней повестью «Клара Милич», 1883). Одним из первых их выделил и постарался обозначить их особенности Л.В. Пумпянский, назвав всего 11 произведений. При этом «Призраки» он поместил в число четырех текстов, «в которых сверхъестественное явление стоит в центре всего развивающегося действия» [Пумпянский 2000: 448–449]. В дальнейшем состав «таинственных повестей» исследователи определяли по-разному, но «Призраки» всегда входили в ядро этого неофициального цикла.

Современники были в недоумении по поводу этого произведения. Так, В.П. Боткин писал Тургеневу: «Я не говорю о прелести описаний

и картин, о воздушности колорита, — но эта летающая Эллис, — что она? Тут кроется какая-то аллегория... <...> Очевидно, что эта аллегория чего-то внутреннего, личного, тяжкого, глухого и неразрешенного <курсив мой. — Е.К.>» [Тургенев 1988: 64]. В отклике литературного критика П.В. Анненкова наиболее важным для нас является верно почувствованный личный смысл этого произведения: «Не фантазией следовало бы назвать вашу статью, а “Элегией”. Нет никакого сомнения, что в теперешнее время никто не даст себе труда уразуметь этого *автобиографического очерка*. Вряд ли даже найдет признание достоподобное и поэтическая его сторона, которая так меня “старого грешника” умилила в нем, а чтобы распознать тут историю художнической души с собственной своей творческой силой, и не ждите <курсив мой. — Е.К.>» [Тургенев 1988: 523–524].

Метафорический сюжет повести и странная природа центрального женского персонажа породили множество интерпретаций. В Эллис видели фольклорную фею (виллис) [Данилевский 2000: 68–73], образ певицы Полины Виардо, возлюбленной Тургенева [Топоров 1998; Зорин 2023], персонифицированный страх смерти [Батюто 1990] и т. д.

Высказывались также предположения, что Тургенев изобразил таким образом свою музу, а ее постепенная материализация по ходу развития сюжета отражает процесс жертвования реальной жизнью в пользу литературы: чем более нереальной становится жизнь автора, погруженного в выдуманный мир, тем более материальной — его муза [Ветринский 1920: 152–167]. Следовательно, все произведение следует рассматривать как попытку исследования творческого процесса, авторефлексию [Андреева 1904: 17–22]. Превалирование авторского сознания в наррации повести, по мнению Е.Г. Новиковой, выразилось «в своеобразной “редукции” героев “Призраков”» [Новикова 1986: 192]: все персонажи являются проекциями Автора, т. е. не обладают субъектностью в полной мере, но и не превращаются при этом в сугубо в риторические приемы, связующие повествование.

Данная трактовка представляется нам наиболее интересной и соответствующей признаниям Тургенева, отмечавшего в частной переписке, что в Эллис воплотились черты его собственной души: «Тут нет решительно никакой аллегории, я так же сам мало понимаю Эллис, как и ты. Это ряд каких-то душевных dissolving views — вызванных переходным и действительно тяжелым и темным состоянием моего Я» [Тургенев 1988: 232]. Автобиографизм не сводится к картинам внешних впечатлений от Европы и России. Речь идет о самопознании и условиях протекания творческого процесса. И важнейшей категорией для этого самопостижения является ка-

тегория фемининного, представленная в образе Эллис-призрака, мистической возлюбленной.

По мнению К. Эконен, художественные воплощения категории фемининного в модернистских текстах, то есть женские образы, как правило, являются *конструктами, символически выражающими подсознание творческого субъекта и процесс его взаимодействия с ним*. Фемининное, реализуясь в художественных произведениях в ряде метафор и образов (мифическая Эхо, женщина-призрак, Прекрасная Дама, царевна и т. д.), выполняет важные *функции зеркала и музы* для созидającego субъекта, связанные со сферой его подсознания [Эконен 2011: 61–104]. При этом сам творец (фигура автора-повествователя), как правило, маскулинен. Контакт с подсознанием в подобных текстах метафорически реализуется через любовную связь героя (рассказчика) с носительницей женского начала, и без этого взаимодействия творческий субъект не может состояться, поверить в себя и создать что-либо. Но отношения с фемининным опасны, хтонические (танатические) силы подсознания могут погубить творца, лишитъ рассудка или жизни. В данном утверждении мы можем видеть развитие романтического мотива безумия гения: «Сфера подсознания обладает многими гендерно-фемининными признаками: кроме воды, ее символизируют, например, *ночь, темнота или глубина*. С темнотой связана символика *луны, с глубиной — феномены смерти, рождения и (женской) сексуальности*. С сексуальностью ассоциируются инстинктивность, чувствительность и особенно характерное для символистов понятие стихийности. В глубинах души сознающему себя субъекту угрожают *демоны, вихри* и другие пугающие неизвестностью явления <курсив мой. — Е.К.>» [Эконен 2011: 66].

Эти положения финской исследовательницы можно применить к анализу не только модернистских произведений. Сюжет повести «Призраки» укладывается в подобную интерпретацию функций таинственной возлюбленной: сначала герой трижды слышит призыв прийти к старому дубу, а затем «отдается» загадочной и смутно знакомой ему Эллис, женщине-призраку, с которой он встречается лунной ночью на опушке леса. Отметим, что *ночь, луна, природа* — символы женского начала и метафорические образы сферы подсознания. Контакт с фемининностью осуществляется через сублимированный любовный акт, причем происходит гендерная инверсия: отдается женщине герой-повествователь, а не она ему. Прочитируем этот необычный для русской прозы диалог:

— *Отдайся мне*, — снова прошелестело мне в ответ.

— *Отдаться тебе!* Но ты призрак — у тебя и тела нет. — Странное одушевление овладело мною. — Что, ты такое, дым, воздух, пар?

Отдаться тебе! Отвечай мне сперва, кто ты? Жила ли ты на земле? Откуда ты явилась?

— *Отдайся мне.* Я тебе зла не сделаю. Скажи только, два слова: *возьми меня.*

Я посмотрел на нее. «Что это она говорит? — подумал я. — Что это все значит? И как же *она возьмет меня?* Или попытаться?»

— Ну, хорошо, — произнес я вслух и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнул. — *Возьми меня!* <(курсив мой. — Е.К.)> [Тургенев 1962а: 7–8].

Мы не будем касаться связей сюжета «Призраков» с европейской романтической и фольклорной традицией, в частности, с сюжетом о мертвой невесте или вампирическим мифом, которые, безусловно, очевидны. Предметом нашего внимания является глубинная схема взаимоотношений мужского и женского, облеченная в фантастический антураж с элементами как сказочного, так и реалистического повествования. С психоаналитической точки зрения уступка героя настойчивым просьбам Эллис означает его *отказ от контроля сознания над подсознанием*: только так он может обрести свободу творчества. За это призрак дарит упоение полета и открытий, возможность увидеть разные места и эпохи, что можно трактовать как радость созидания (воображения), но затем Эллис исчезает под воздействием некой страшной силы, не успев обрести плоть.

«Темную тучу», которая напугала ее и прервала процесс превращения в живую женщину, некоторые исследователи рассматривают как персонификацию авторского страха небытия, одиночества, а также как образ судьбы и неминуемой смерти, которой подвластно всё и все [Муратов 1985]. Однако другие литературоведы справедливо отмечают связь самой Эллис с «темной тучей» и со смертью, которую она также олицетворяет [Полякова 2008: 214–225; Золотарев 2014: 185–186]. Но вполне допустимо интерпретировать данный образ и как темную сторону подсознания самого героя-повествователя, то есть еще одну ипостась его «Я». Если прекрасная женщина-Эллис олицетворяет творческую сторону его личности, то бесформенная «темная туча» является воплощением танатоса, разрушительной силы подсознания и влечения к смерти. Подобное расщепление в восприятии глубинных психических основ личности описывает также О.А. Ханзен-Лёве: иррациональный, пугающий подсознательный топос оценивается в художественных текстах и позитивно как «креативно-эротический», и негативно как деструктивный, «танатический» [Ханзен-Лёве 2003: 364].

Иными словами, погибает Эллис по воле самого повествователя, объективизированной в виде «изжелта-черной тучи», так как ее материализация грозит смертью уже ему самому. Процесс посте-

пенного поглощения рассказчика призраком описывается посредством мотива вампиризма — Эллис пьет жизненные силы своего визави, как «незлая пиявка» [Тургенев 1962а: 10], и утрачивает прозрачность, ей «нужна кровь героя, чтобы обрести телесность, а ему нужны ее объятия, чтобы избавиться от своей телесности и взлететь» [Полякова 2008: 224]. Л.В. Пумпянский верно отметил, что вампиризм у Тургенева всегда женский, и поместил Эллис в галерею вампиров европейской литературы, но упрекнул автора в легитимизации «позитивной таинственности» и «мистико-религиозных реликтов» [Пумпянский 2000: 456, 461], однако эти черты в его прозе можно рассматривать и как способ говорить о сложных психологических явлениях, которые позднее получили объяснение в терминах сознания и подсознания. Исчезновение призрака не спасает героя, и три ночи погружения в подсознание не проходят даром — его здоровье подорвано, и финал повествования намекает на его вероятную смерть.

Род деятельности рассказчика четко не обозначен, но изначально он представлялся Тургеневу художником, а все повествование должно было сводиться к описанию разных живописных полотен, увиденных в картинной галерее [Азадовский 1939: 123–154]. Таким образом, мы можем предполагать, что в главном герое воплощен образ *творческой личности*, а в Эллис — сложный, противоречивый образ *музы и созидательно-разрушительной стороны подсознания*.

На то, что фантастический элемент в повести Тургенева «связан с вторжением в подсознание человека», указывает Е.В. Скуднякова, однако полагает, что сознание это болезненное, перевозбужденное, расстроенное болезнью и нервами: «Введение фантастического — образа Эллис — дает проникнуть в болезненное сознание героя» [Скуднякова 2007: 213–214]. Но на наш взгляд, Тургенев стремился изобразить не героя с неустойчивой психикой, а творческую личность. Мотив дежавю, смутного ощущения того, что Эллис ему знакома, также говорит о том, что по сути, призрак — это сам рассказчик, его сила воображения, а вся повесть — художественное описание процесса погружения творца в свой внутренний мир: «Это была женщина с маленьким нерусским лицом. Иссера-беловатое, полупрозрачное, с едва означенными тенями, оно напоминало фигуры на алебастровой, изнутри освещенной вазе — и опять показалось мне знакомым <курсив мой. — Е.К.>» [Тургенев 1962а: 10].

Другая повесть Тургенева, «Довольно!», создававшаяся практически одновременно с «Призраками» в 1862 г., также свидетельствует в пользу подобной трактовки: ее автор-повествователь — художник, творческий субъект, обращающий свои предсмертные записки к некому адресату в женском лице. Размышления об искусстве

и максимально размытый женский образ в этих отрывках позволяют рассматривать этот текст как автоматарефлексивный, а адресата записок — как музу и еще одно воплощение фемининной части сознания рассказчика, близкого к личности биографического автора.

Приведем отрывок из «Довольно!», развивающий мысль о теснейшей, до неразличения, связи между художником и фемининностью в функции музы, зеркала и подсознания творческого субъекта:

<...> я чувствую, как бьется тонкая жилка в твоём нежном виске, я слышу, как ты живёшь, ты слышишь, как я живу, твоё улыбка рождается у меня на лице прежде, чем у тебя, ты отвечаешь безмолвно на мой безмолвный вопрос, твои мысли, мои мысли — как оба крыла одной и той же в лазури потонувшей птицы... <курсив мой. — Е.К.> [Тургенев 1962а: 32–33].

Повествователь Тургенева как бы постепенно осознаёт, что фемининное («возлюбленная») всегда рядом, всегда вместе с ним, так как является частью его самого.

Гипнотическую власть Эллис над рассказчиком можно рассценивать как объективацию двух противонаправленных стремлений его собственной психики: расширить границы доступной ему действительности и проникнуть в непознаваемое (фаустовский мотив) или умереть, прервать тусклое существование (бегство рассказчика от реальности в экспозиции повести заявлено как его увлечение спиритизмом). Победа над призраком и его исчезновение на самом деле оказываются победой мнимой, так как вместе с Эллис исчезает и вся прелесть жизни и творчества.

«Таинственные повести» Тургенева не были по достоинству оценены его современниками. Однако сам писатель считал свои поздние произведения скорее аллегорическими и философскими. Он «именовал их “странными”, “фантастическими”, “полуфантастическими”, “полуфизиологическими”, но не для того, чтобы указать на своеобразный смысл, а для того, чтобы указать на своеобразие их содержания в сравнении с другими своими произведениями» [Цзян Минью 2016: 40]. К началу 1880-х гг. Тургенев ясно ощущал исчерпанность литературы прежней поры, что выразилось в необычной манере его поздних произведений и предшествовало возникновению модернистских веяний. Его художественные открытия нашли отражение в мистических новеллах начала XX в.

Созидательная сторона фемининности была исследована в повести П.С. Соловьевой «Небывалая» (1912), в которой рассматриваются отношения творческого маскулинного субъекта с собственным подсознанием в облике женщины. Главный герой, философ и публицист, автор популярных просветительских статей Александр Границын, в процессе работы над большим трактатом «О любви»

переживает «настоящий» роман с утонченной красавицей Софьей Кунде, которая помогает его работе, вдохновляет, создает нужный настрой, а потом неожиданно бесследно исчезает, как только статья завершена.

Начинается повесть Соловьевой как вполне реалистическое произведение: отношения героев развиваются с момента их случайной встречи в метель, следуют свидания дома у Софьи, поездка в Москву, посещение концерта, ссора. Постепенно автор намекает читателю, что с возлюбленной героя что-то не так, точнее, что-то не в порядке с самим Границыным. В результате Софья оказывается так же, как и в «Призраках», видением, галлюцинацией философа, воплощением его собственного творческого подсознания, без контакта с которым творец не может совершить креативное усилие. Он не способен перемещаться по воле воображения во времени и пространстве, как у Тургенева, или произвести интеллектуальный продукт, как у Соловьевой. Но как только фемининное выполнило свою роль — оно перестает существовать: «Когда Границын через несколько дней привез рукопись и сказал, что статья “О любви” окончена, Софья Александровна слегка побледнела. Александру Петровичу показалось, что она скорее испугалась, чем обрадовалась, и это смутило его» [Соловьева 1912: 124].

По мнению К. Эконен, «испуг Софии Кунде вызван тем, что с завершением статьи прекращается ее существование, зависящее от творческого субъекта и от творческого процесса» [Эконен 2011: 249]. Вскоре исчезают все следы материального существования Софии: ее дом в Петербурге, могила ее дочери в Москве, подаренная ей Границыну золотая цепочка. К финалу повести философ начинает прозревать, что «силою своей мечты вызвал ее к жизни» [Соловьева 1912: 147], и реалистическое повествование заменяется на «модернистское описание сознания Границына» [Эконен 2011: 250]. Отметим, что отчество Софьи — Александровна — говорит как бы о ее «принадлежности» главному герою — Александру Петровичу.

Соловьева, следуя за лирикой А. Блока, прежде всего, за символикой его цикла «Снежная маска», связывает образ фемининности в своей повести не с цветущей ночью юга или зеленой лесной опушкой, как Тургенев, а со снежной стихией северной России, с метелью, зимой. Ее Софья/София появляется в жизни Границына в декабре и исчезает примерно в начале марта, с наступлением весны.

В главном герое, очевидно, просматриваются черты знаменитого брата Соловьевой, философа Вл. Соловьева, автора философско-религиозной теории о Софии, Премудрости Божьей и Душе Мира, и трактата «Смысл любви» (1892–1894), раскрывающего высокое, религиозно-преображающее значение этого чувства. Как заметила

К. Эконен, «видение Софии Кунде философу Границыну» повторяет «некоторые моменты явления Вечной Женственности философу В. Соловьеву», запечатленные им в мистической поэме «Три свидания» (1898). И там, и там Софья/София описывается как реальная эмпирическая женщина, но в конце концов она оказывается «отражением “собственной души” творческого субъекта» [Эконен 2011: 250–251]. Можно сказать, что в облике прекрасной божественной Софии Соловьев воплотил свое понимание общения с музой и с собственным творческим подсознанием: «В его рукописях (особенно относящихся к 1870-м годам, до и после его поездки в египетскую пустыню) присутствует спиритическое автоматическое письмо. Это послания от его мистической возлюбленной Софии, написанные в основном по-французски (!) и измененным почерком» [Матич 2008: 78].

Однако в отличие от своего брата, Поликсена Соловьева никак не обозначает высший религиозный смысл своей Софьи, не наделяет ее какими-либо исключительными чертами и не указывает на ее связь с женской ипостасью Божественного начала. Можно сказать, что она усиливает *психоаналитический аспект женского образа-призрака*, раскрывая процесс взаимодействия творца со своей музой, а не смысловое содержание самой музыки.

В реалистическом облике Софьи Кунде можно увидеть черты важнейшей женщины в жизни Вл. Соловьева — Софьи Петровны Хитрово, его вдохновительницы и земной возлюбленной. О. Матич указывает также на важную роль в судьбе философа Софьи Мартыновой: «Отношения с Мартыновой были страстными и краткими (1891–1892), по времени они совпали с написанием “Смысла любви”» [Матич 2008: 82]. Возможно, в основу сюжета своей повести Соловьева положила именно эту романтическую историю, вдохновившую ее брата на создание своей «эротической утопии». Но она переосмысляет ее не в религиозно-утопическом русле, а в аспекте функций фемининного.

Конечно, в образе Софьи/Софии у Соловьевой заключается свой символический смысл, в нем «находит отражение тот философско-художественный комплекс идей, в центре которого, с одной стороны, онтологическая “обманчивость” “реального” мира и, с другой стороны, роль субъекта в создании такой обманчивости» [Эконен 2011: 251]. В этом плане «Небывалую» продуктивно сравнить с «Призраками» Тургенева, где реализуется тот же двойственный художественный механизм: автор оставляет на усмотрение читателя ответ на вопрос, насколько жизненны картины Рима, Парижа, Петербурга или Шварцвальда, увиденные его героем при помощи Эллис, а в какой мере они являются продуктом его творческой фантазии. Обманчивость предложенных описаний реального мира (то ли сон, то ли явь)

составляет ведущий художественный принцип поздних «мистических» произведений Тургенева, присущий также романтикам и подхваченный символистами.

И рассказчик Тургенева, и Границын встречаются с фемининностью в образе прекрасной женщины, находясь в измененном состоянии сознания: во сне (полусне) в момент душевного кризиса или в процессе напряженного размышления, творческого поиска. Появление в этой ситуации женского персонажа совершенно закономерно, так как «возлюбленная» в культуре является не только музой-вдохновительницей, но и *медиумом, проводником* в потустороннее и глубины подсознания субъекта, не обретая при этом сама субъектной позиции: «Для символистского дискурса характерно, что женщина/фемининное имеет медиумическое значение для творческого процесса, причем позиция творческого субъекта имплицитно содержит “объектность” музыки» [Эконен 2011: 255]. Вся повесть Соловьевой пронизана грустью, ощущением невозможности соединиться с Софьей, несмотря на остро переживаемое состояние любви, так как полноценной личностью она не обладает, являясь проекцией подсознания Границына.

Эллис и Софья — синтетические образы. Это и «другой» как объект идеальной, возвышенной, божественной любви, на что указывает символика имени Софьи/Софии, и темное, угрожающее, саморазрушительное начало, вытесняемое из сознания, и созидательная сторона личности художника-творца. Можно также интерпретировать эти образы как *малого другого* в терминологии Ж. Лакана — образы того, с кем субъект на стадии зеркала себя идентифицирует, чтобы осознать собственную целостность, то, что можно назвать воображаемой идентификацией с другим¹. Но можно сказать, что Эллис/Софья — это и Другой с большой буквы, или *большой Другой (Autre)* — тот, с кем субъект ведет постоянный под-сознательный диалог, адресат его речи, письма и желания².

¹ Расщепление «Я» на субъекта и воображаемого объекта Ж. Лакан описывает следующим образом: «Мое Я, — говорит Лакан, — ...это особый объект, внутри опыта данного субъекта присутствующий. Да, буквально так: мое Я представляет собой объект — объект, выполняющий определенную функцию, которую мы назовем здесь функцией воображаемой» [Лакан 1999: 68].

² «Стадия зеркала характеризует самосознание как результат первоначального отчуждения: структура “Я” формируется в тот момент, когда происходит присвоение внешнего (зеркального) образа в качестве гештальта, основы синтеза разрозненных психических переживаний. “Я”, “субъект”, впервые возникающий в момент “узнавания”, указывает не на себя, а вовне — с тех пор самостождественность находит свою опору во внешнем образе. <...> Таким образом, Другой является местом бессознательной речи, тем адресатом, к которому обращено желание» [Фатнева 2007: 58–59].

Весь текст Тургенева рождается под воздействием импульса от встречи с Эллис, обращен к ней и тем самым к самому себе. В случае с Соловьевой мы имеем дело с более сложной конструкцией: будучи женщиной-автором (не вполне полноценным творческим субъектом в культуре модерна), она не решается описать процесс взаимодействия с творческим подсознанием напрямую, от женского лица. Она создает фигуру посредника, маскулинный и традиционный образ философа Границына, и на него проецирует отношения «творец — муза». С точки зрения конструирования женского авторства повесть «Небывалая» интересна тем, что она создавалась в эпоху, когда вопрос о женской саморепрезентации в тексте был уже возможен, но Соловьева повторяет ту же схему, что и у Тургенева, — описывает мужчину-творца и процесс его взаимодействия с собственным подсознанием посредством «странной» любовной истории. Она не идет на эксперимент по переписыванию сюжета со сменой ролей: у молодой талантливой писательницы или художницы завязывается роман с красивым молодым человеком (или ей по ночам является таинственный лунный юноша), который оказывается плодом ее собственного воображения, но в результате этого романа рождается прекрасное произведение искусства. Фигуру женщины-творца Соловьева не создает, выступая в собственной лирике под маской маскулинного лирического субъекта, а в прозе как безличный повествователь.

Несмотря на различие места действия, времени и сюжетных ходов, две повести объединены общей матрицей: мужское начало конструирует идеальное женское, с помощью которого воплощает задуманное, а подойдя к опасной грани в этих отношениях, уничтожает свою музу. У обоих рассмотренных авторов женский персонаж стремится к обретению плоти и субъектности, но дематериализуется, исчезает, так как самостоятельной онтологической сущностью фемининное в традиционной культуре и художественно-философском дискурсе модерна не обладает: «Субъектной женской позиции данный дискурс не знает» [Эконен 2011: 255]. Женское начало непременно выступает как *комплементарное по отношению к мужскому началу и пассивное*, т. е. вдохновляющее на творение, но не имеющее собственных креативных сил: «В интересе творческого субъекта к женщине и к изображению женского тела соединяются *авторerefлексивное внимание к творческому процессу и сублимированное сексуальное желание* — влечение к женскому телу как к таковому. В обоих случаях “женщина” — объект творческого субъекта — остается только *пассивным объектом* рассмотрения, изображения или философствования» <курсив мой. — Е.К.> [Эконен 2011: 99]. Из этих представлений вытекают и ведущие архетипические объектные

образы фемининности, востребованные в культуре русского Серебряного века: муза, Галатея, Офелия, Беатриче, Лаура и т. д.

С одной стороны, возлюбленная как проекция подсознания абсолютно зависит от творящего субъекта, *конструируется им*, но с другой стороны, она же обладает гипнотической властью над своим создателем, пленяет его свободой и радостью созидания, а если он оказывается не способен совладать с собственной креативной силой, то он может умереть или сойти с ума. В повести Соловьевой содержится недвусмысленный намек на психическое расстройство Границына, усиливающееся после завершения его труда³. Обратим внимание на символику фамилии «Границын»: человек, находящийся в пограничном состоянии, или способный пересекать границы реального и ирреального.

Помимо глубинной общности смыслового содержания в «Небывалой» присутствуют два мотивно-тематических пересечения, имеющие прямые переклички с лейтмотивами тургеневских «Призраков». Во-первых, в момент знакомства Софья, особенно ее голос, кажется Границыну смутно знакомой, у него возникает ощущение, что он где-то ее видел [Соловьева 1912: 89, 90]. Это можно расценить как подсказку читателю, что герой встретился с самим собой, с креативной частью своего «Я» в женском облике. У Тургенева данный мотив дежавю выражен следующим образом: «Иногда мне опять казалось, что Эллис — *женщина, которую я когда-то знал*, — и я делал страшные усилия, чтобы припомнить, *где я ее видел...* <курсив мой — Е.К.>» [Тургенев 1962а: 28].

Во-вторых, Соловьева также стремится к разработке мотива небывалой, таинственной, исключительной, мистической любви, который воплощен в выборе многозначного заглавия повести («Небывалая»). Можно сказать, что это произведение о необычной страсти или о нереальной возлюбленной. По мнению Е.А. Калло, на протяжении всего творчества Соловьевой развивался мотив романтической любви, принадлежащей «сфере идеала» [Калло 1999: 52]. К. Эконен полагает, что «само название “Небывалая” дает ответ на вопрос об онтологическом статусе Софии Кунде, фемининной вдохновительницы гениального создания» [Эконен 2011: 251].

Соловьева также заимствует узнаваемую художественную деталь из другой фантастической повести Тургенева «Клара Милич» (1883) — подробное описание поцелуя с призраком, построенное на контрасте горячего и холодного. В финале тургеневского текста

³ Психическими расстройствами в большей или меньшей степени страдали многие значимые для П. Соловьевой творческие личности: Э. По, В. Гаршин, М. Врубель, Ф. Ницше, поэтому тема безумия гения была в начале XX века особенно актуальна в кругу символистов.

Аратов обменивается с призраком Клары страстным поцелуем и чувствует при этом ее горячие губы и «влажный холодок ее зубов» [Тургенев 1962б: 344]. В повести Соловьевой на последнем свидании Границын также осмеливается поцеловать Софью Александровну и при этом ощущает горячими губами «прикосновение ровных зубов, как будто целовал жемчуг» [Соловьева 1912: 140].

Соловьева наглядно демонстрирует то, что у Тургенева закодировано в метафорических и фантастических образах, а именно, представление о том, что категория фемининного, будучи важнейшей для творческого субъекта, сама по себе не существует, а является лишь его конструктом. Фемининность как сверхценность символического порядка порождается сознанием маскулинного субъекта, удовлетворяет его творческие чаяния или влечение к смерти, стремится к материализации, но неизбежно исчезает. Призрачная возлюбленная не может выйти из своего объектного положения и встать в субъектную позицию без уничтожения своего визави. Двух равноправных субъектов в дискурсе модернизма быть не может (как и в предшествующей ему традиционной патриархатной культуре).

Поздние фантастические повести Тургенева, посвященные исследованию «небывалой» любви (особенно «Призраки» и «Клара Милич»), за счет актуализации неоромантических мотивов и погружения в таинственные сферы психической жизни творческого субъекта перекинули мостик от литературы XIX в. к литературе русского символизма, к мистическим новеллам начала XX в., и были внимательно прочитаны следующим поколением писателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М.К. Три редакции «Призраков» // Ученые записки ЛГУ. Сер. филолог. наук. 1939. № 20. вып. 1. С. 123–154.
2. Андреева А.А. «Призраки» как исповедь Ив.С. Тургенева // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 17–22.
3. Батюто А.И. Творчество И.С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990.
4. Ветринский Ч. Муза-вампир // Творчество Тургенева: сб. ст. М., 1920. С. 152–167.
5. Данилевский Р.Ю. Что такое Эллис в самом деле? // Спасский вестник. 2000. № 6. С. 68–73.
6. Золотарев И.Л. Концепция фантастического в реализме русских писателей (30-е–90-е годы XIX века). Орел, 2014.
7. Зорин А. Женское пение, эрос и насилие в мире Л.Н. Толстого. Статья вторая. Полеты над миром // Новое литературное обозрение. 2023. № 3. С. 139–167.
8. Калло Е.А. Вступительная статья // «Sub rosa»: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьева, Черубина де Габриак. М., 1999. С. 3–61.
9. Лакан Ж. Семинары. Кн. II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М., 1999.

10. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.
11. Муратов А.Б. Тургенев-новеллист (1870–1880-е годы). Л., 1985.
12. Новикова Е.Г. Лирические повести И.С. Тургенева. «Призраки» и «Довольно» (К проблеме жанра) // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского университета, 1986. Вып. 12. С. 186–206.
13. Полякова А.А. Синтез философской сатиры и готики в «Призраках» // Готическая традиция в русской литературе. Под. ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008. С. 214–225.
14. Пумпянский Л.В. Группа «таинственных повестей» // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 448–463.
15. Скуднякова Е.В. Роль фантастического и реального в сюжетно-композиционной организации повести И.С. Тургенева «Призраки» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 53. С. 211–215.
16. Соловьёва П. Тайная правда. СПб., 1912.
17. Топоров В.Н. Станный Тургенев (Четыре главы). М., 1998.
18. Тургенев И.С.(а) Собрание сочинений: в 10 т., Т. 7. М.: Художественная литература, 1962.
19. Тургенев И.С.(б) Собрание сочинений: в 10 т., Т. 8. М.: Художественная литература, 1962.
20. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах: Письма в 18 т., Т. 5. М., 1988.
21. Фатнева О.В. О категории «Другой» в структурном психоанализе // Вестник Томского университета. 2007, № 302. С. 58–61.
22. Ханзен-Лёве О.А. Русский символизм: система поэтических мотивов: мифопоэтический символизм начала века. СПб., 2003.
23. Цзян Минъю. Мотивы «таинственных» повестей И.С. Тургенева // Науки о человеке: гуманитарные исследования. 2016. №4 (26). С. 36–40.
24. Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011.

REFERENCES

1. Azadovskiy M.K. Tri redaktsii “Prizrakov” [Three versions of “Ghosts”]. *Uchenye zapiski LGU. Ser. filolog. nauk.* 1939, no 20. Issue 1. P. 123–154. (In Russ.)
2. Andreeva A.A. “Prizraki” kak ispoved’ Iv.S. Turgeneva [“Ghosts” as a confession by Ivan S. Turgenev]. *Vestnik Evropy.* 1904, no 9. P. 17–22. (In Russ.)
3. Batyuto A.I. *Tvorchestvo I.S. Turgeneva i kritiko-esteticheskaya mysl’ ego vremeni* [The work of I.S. Turgenev and the critical and aesthetic thought of his time]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 297 p. (In Russ.)
4. Vetrinskiy Ch. Muza-vampir [The Vampire Muse]. *Tvorchestvo Turgeneva: sb. st. [I.S. Turgenev’ Work: Collection of Articles]*. Moscow, Zadruga Publ., 1920. P. 152–167. (In Russ.)
5. Danilevskiy R.Yu. Chto takoe Ellis v samom dele? [What is Ellis really?]. *Spasskiy vestnik.* 2000. No 6. P. 68–73.
6. Zolotarev I.L. *Kontseptsiya fantasticheskogo v realizme russkikh pisateley (30-e–90-e gody XIX veka)* [The concept of the fantastic in the realism of Russian writers (30s–90s of the XIX century)]. Orel, PF “Kartush” Publ., 2014. 269 p. (In Russ.)
7. Zorin A. Zhenskoe penie, eros i nasilie v mire L.N. Tolstogo. Stat’ya vtoraya. Polety nad mirom [Female singing, eros and violence in the world of Leo Tolstoy. Article

- two. Flying over the world]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2023, no 3. P. 139–167. (In Russ.)
8. Kallo E.A. Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. "Sub rosa": Adelaida Gertsyuk, Sofiya Parnok, Poliksena Solov'eva, Cherubina de Gabriak ["Sub rosa": Adelaida Gertsyuk, Sofiya Parnok, Poliksena Solov'eva, Cherubina de Gabriak]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1999. P. 3–61. (In Russ.)
 9. Lakan Zh. *Seminary. Kn. II: "Ya" v teorii Freyda i v tekhnike psikhooanaliza* [Seminars. Book II: "I" in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis]. Moscow, Gnozis; Logos Publ., 1999. 520 p. (In Russ.)
 10. Matich O. *Eroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic utopia: the decadent imagination in Russia's fin de Siècle]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 396 p. (In Russ.)
 11. Muratov A.B. Turgenev-novellist (1870–1880-e gody) [Turgenev-short story writer (1870–1880s)]. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1985. 119 p. (In Russ.)
 12. Novikova E.G. Liricheskie povesti I.S. Turgeneva. "Prizraki" i "Dovol'no" (K probleme zhanra) [Lyrical stories by I.S. Turgenev. "Ghosts" and "Enough!" (On genre problem)], *Problemy metoda i zhanra*. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 1986. Issue 12. P. 186–206. (In Russ.)
 13. Polyakova A.A. Sintez filosofskoy satiry i gotiki v "Prizrakakh" [Synthesis of philosophical satire and Gothic in "Ghosts"]. *Goticheskaya traditsiya v russkoy literature* [The Gothic Tradition in Russian Literature]. Pod. red. N.D. Tamarchenko. Moscow, RGGU Publ., 2008. P. 214–225. (In Russ.)
 14. Pumpianskii L.V. Gruppa "tainstvennykh povestei" [The "Mysterious Tales" Group]. Pumpianskii L.V. *Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical Tradition: Collected Works on the History of Russian Literature]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. P. 448–463. (In Russ.)
 15. Skudnyakova E.V. Rol' fantasticheskogo i real'nogo v syuzhetno-kompozitsionnoy organizatsii povesti I.S. Turgeneva "Prizraki" [The Role of the Fantastic and the Real in the Plot and Composition of I.S. Turgenev's story "Ghosts"]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2007. No 53. P. 211–215. (In Russ.)
 16. Solov'eva P. *Taynaya Pravda* [The Secret Truth]. St. Petersburg, Tv-vo M.O. Vol'f Publ., 1912. 147 p. (In Russ.)
 17. Toporov V.N. *Strannyi Turgenev (Chetyre glavy)* [Strange Turgenev (Four chapters)]. Moscow, PGGU Publ., 1998. 188 p. (In Russ.)
 18. Turgenev I.S.(a) *Sobranie sochineniy v 10 t., T. 7.* [Complete works in 10 vol., Vol. 7]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1962. (In Russ.)
 19. Turgenev I.S.(b) *Sobranie sochineniy v 10 t., T. 8.* [Complete works in 10 vol., Vol. 8]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1962. (In Russ.)
 20. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomakh: Pis'ma v 18 t.* [Complete works and letters in thirty volumes: Letters in 18 vols.], Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1988. 640 p. (In Russ.)
 21. Fatneva O.V. O kategorii "Drugoy" v strukturnom psikhooanalize [On the Category of "Another" in Structural Psychoanalysis]. *Vestnik Tomskogo universiteta*. 2007. No 302. P. 58–61. (In Russ.)
 22. Hansen-Loeve O.A. *Russkiy simvolizm: sistema poeticheskikh motivov: mifopoeticheskiy simvolizm nachala veka* [Russian Symbolism: A System of Poetic Motifs: Mythopoetic Symbolism of the Beginning of the Century]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 813 p. (In Russ.)
 23. Tszyan. Minyuy. Motivy "tainstvennykh" povestey I.S. Turgeneva [Motifs in I.S. Turgenev's "Mysterious" Novels]. *Nauki o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 2016. No 4 (26). P. 36–40. (In Russ.)

24. Ekonen K. *Tvoret's, sub'ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simbolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 2011. 304 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 11.11.2023

Принята к публикации 28.08.2024

Отредактирована 24.06.2025

Received 11.11.2023

Accepted 28.08.2024

Revised 24.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Валентиновна Кузнецова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, преподаватель Московской финансово-юридической академии; katkuz1@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Kuznetsova — PhD, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow Financial Law University; katkuz1@mail.ru

ПОРТРЕТЫ ФИЛОСОФОВ В МЕМУАРНОЙ ТРИЛОГИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Н. Ли

Нанкинский педагогический университет, Нанкин, Китай; ln970814@126.com

Аннотация: Словесный портрет — важный способ изображения персонажей как в романах, так и в документальных текстах, при этом в зависимости от жанра произведения такие портреты могут существенно различаться. Предполагается, что портреты, создаваемые в мемуарах, должны основываться на фактах, давать характерные черты человека, сообразовываясь с его реальным поведением. Однако мемуарная трилогия Андрея Белого — особый вид литературных мемуаров, который выделяется своей жанровой спецификой в том числе за счет портретных описаний. Белый изображает людей разных социальных и интеллектуальных групп, среди которых выделяются философы как люди, оказавшие на автора влияние и поэтому особенно интересные ему. Можно выделить два основных приема, используемые Белым для изображения философов: анималистические сравнения и повышенное внимание к обстановке, жилищу. Использование анималистических сравнений делается с целью возратить философов «на землю», вернуть с позиции «небожителей» к роли обычных людей, а описание обстановки, в которой они живут, позволяет ярче и объемнее показать их индивидуальные свойства. Однако использование этих приемов усиливает субъективность восприятия, переносит центр тяжести на «домысливание», что дало возможность современникам Белого упрекать его в субъективности и небрежном обращении с фактами. Тем не менее, можно высказать мнение, что преувеличения и даже искажения в портретах философов свидетельствуют о выработке особой творческой манеры Андрея Белого при обращении к документальному материалу. А использование иронии и «потока сознания» при написании мемуаров являет собой попытку поставить во главу угла субъективное видение, что сближает мемуары с художественным текстом. Писателю удалось создать произведение, в котором факты, являясь основой, преобразуются и деформируются, давая представление о методах работы Белого с действительностью.

Ключевые слова: Андрей Белый; мемуарная трилогия; портретирование; философы; анималистические сравнения; поток сознания

Финансирование: Данная статья является частью проекта государственного Фонда общественных наук Китая «Исследования литературной теории и критики Андрея Белого» (20AWW005). Она подготовлена при поддержке Китайского совета по стипендиям.

Для цитирования: Ли Н. Портреты философов в мемуарной трилогии Андрея Белого // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 138–146.

PORTRAITS OF PHILOSOPHERS IN ANDREI BELY'S MEMOIR TRILOGY

Nan Li

Nanjing Normal University, Nanjing, China; ln970814@126.com

Abstract: Portraiture is an integral way of describing characters in novels and biographies, but the expression of portraiture in these two genres is different. Compared to novels, portraits in biographies should be based on relevant facts, emphasizing the characteristic features of the character by his real behavior and words. However, Andrei Bely's memoir trilogy has its own genre specifics, this memoir not only has pronounced personal characteristics, but also a special kind of literary memoirs. An important factor due to which the memoir trilogy acquires genre specificity is the portrait description: in his memoirs, Bely depicts people of different social and intellectual groups, among whom philosophers stand out as people who influenced the author and are especially interesting to him. It turned out that we can distinguish two main techniques used by Bely to depict philosophers: animalistic comparisons and increased attention to the environment. However, the use of these techniques increases the subjectivity of perception, shifts the center of gravity to "speculation," which gave Bely's contemporaries the opportunity to reproach him for his subjectivity and careless handling of facts. Nevertheless, it is possible to express the opinion that exaggerations and even distortions in the portraits of philosophers testify to the development of a special creative manner of Andrei Bely when organizing the documentary material. And the use of irony and "stream of consciousness" in writing his memoirs is an attempt to put the subjective vision at the center, which brings the memoirs extremely close to the artistic text. As a result, the writer managed to create a work in which the facts, being the basis, are transformed and deformed, giving an opportunity to learn about Bely's methods of working on reality.

Keywords: Andrei Bely; memoir; portraits of philosophers; animalistic comparison; "stream of consciousness"

Funding: This research is supported by project of The National Social Science Fund of China "A Study of Andrei Bely's Literary Theory and Criticism" (20AWW005). It is also supported by the China Scholarship Council (CSC).

For citation: Li N. (2025) Portraits of Philosophers in Andrei Bely's Memoir Trilogy. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 138–146.

Русские философы, а также литераторы, для которых философский базис имел первостепенное значение, занимают особое место в мемуарной трилогии Андрея Белого: они показаны как авторитет-

ные персонажи, и с ними в какой-то степени ассоциирует себя сам автор. Большинство из них в той или иной мере причастны к символизму.

Необходимо уточнить, кого же Андрей Белый причисляет к философам. Помимо религиозных философов, таких как Д. Мережковский, В. Розанов, В. Соловьев, В. Иванов, для него философами оказываются писатели и поэты в традиционном понимании, такие, например, как Г. Чулков и В. Брюсов (восприятие Чулкова как философа объясняется тем, что он считался в то время создателем мистического анархизма; Вяч. Иванов сознательно увел себя в тень). Это отражало осознание Белым размытости границ между литературной теорией и философией. Как известно, теоретические построения символизма были очень сложны и многоплановы, и символисты не были последовательны, разрабатывая их, часто усваивая идеи оппонентов. Сам Андрей Белый считал себя не только писателем, но и философом, и в трилогии он не проводит границы между философией и литературой. В предисловии к «Началу века» Белый пишет: «Я рисую себя обуреваемым предвзятой идеей, что я философ, миссия которого — обосновать художественные стремления и кружка друзей, и тогдашних символистов» [Белый 2015: 11].

Однако как мыслитель теоретик Белый не был признан своими современниками, профессионально занимавшимися философией: они «горячо приняли “поэта” Борю и холодно-отнеслись к “Бориным теориям”» [Белый 2017: 476]. В ответ на такое отношение Белый начинал полемизировать с ними. Эта напряженность в какой-то мере объясняет, почему образы философов в мемуарной трилогии Белого сильно отличаются от модели, сложившейся в массовом сознании, и от реальных фигур, которые можно в данном случае даже назвать прототипами. Мы действительно можем говорить об *образах* реальных людей, настолько то, что «действует» и «говорит» на страницах трилогии, отличается от портретов этих людей в мемуарах их современников.

Фиксация наружности и среды обитания — это две главные составляющие портретов у Белого. Бросающаяся в глаза особенность подхода Белого при создании портретов философов — это анималистические сравнения. Прибегая к этому яркому приему, Белый умело сочетает явное сравнение и скрытую метафору: сравнивая философов с животными, он одновременно показывает и внешность своих героев, и их глубинные качества, черты характера, привычки. Например, Мережковского Белый дважды сравнивает с бляшкой, т. е. барашком, ягненком:

«Став пасмурным “бляшкой”, Мережковский похаживал по ковру, в карих штанишках, руки закинув за спину, как палка, прямой:

двумя темными всосами почти до скул зарастающих щек, пометался вдоль коврика из синей тени...»

«...[А] бледный “барашек”, глаза уронив в свою рукопись, бледно оскалась с искусственным рыком, под “левика”, чуть ли не плача, не может все кончить коленчатой фразы» [Белый 2017: 171–172].

Используя слово «башка», Белый намекает на зависимость Мережковского от жены, Зинаиды Гиппиус; притворно-сладкий, дрожащий голос философа напоминает Белому бляенье. Хотя Мережковский ко времени знакомства с Белым был уже немолодым человеком, Белый сравнивает его с ягненком, который в культурной традиции символизирует чистоту и кротость, что мало сочетается с обликом и характером немолодого философа; в народном сознании барашек воплощает заведомую глупость¹. В сочетании же с искусственным львиным рыком сравнение с «барашком» имеет еще дополнительную коннотацию: баран хочет быть грозным, что производит комический эффект. Однако подобное сравнение в данном случае может иметь и другой смысл. Парнокопытные также часто ассоциируются со злом, например, в древнегреческой мифологии бог Пан (получеловек, полукозел) — одновременно и озорной, и злой. С помощью тропа Белый, таким образом, передает сложные чувства, которые он испытывал к Мережковскому, выражая свое отношение и к темным сторонам его личности, и к его философским идеям.

Вячеслав Иванов похож на волка, Владимир Иванович Танеев² — «обтянутый индейский петух», Розанов — рысь. Такие сравнения порой весьма точно передают черты внешности или поведения человека, но читатель извлекает из них определенный подтекст. Петух — это всегда нечто хвастливое и пустое. Рысь — опасное. Волк — хищное. Так индивидуализированная деталь, закрепляясь за тем или иным персонажем, может становиться его постоянным признаком, по которому он опознается. Портрет у Белого включает в себя жесты, мимику, тон голоса. И сравнение с животным как бы объединяет все эти данные. Петух ходит важно, рысь может затаиться и выжидать, волк как «символ злости, агрессии, свирепости» [Вовк 2006: 176] тащит добычу в свое логово. Белый явно хочет внушить читателю, что за бытовой уязвимостью поэта-философа Вяч. Иванова скрываются агрессивность и навязчивость его теоретических построений.

Описания окружающего пространства — еще одно важное выразительное средство, к которому прибегает Белый: обстановка

¹ Ср. распространенное присловие: «Уставиться как баран на новые ворота».

² В.И. Танеев (1840–1921) — вульгарный материалист, создатель ейтихиологии — «науки о счастье».

из нейтрального фона превращается в символ, который дополняет и развивает анималистические сравнения.

Возьмем, к примеру, описание быта Мережковского. Этот быт одинаков что в гостинице, что дома:

«Комната в “Славянском базаре” — в кирпично-коричневом тоне: в таком, как обертки всех книг Мережковского; мебель — коричневая; Мережковский связался с коричневым цветом — обой, пиджака, бороды и обертки томов <...> очень часто я в ней ощущал сладковатые припахи, точно корицы, подобные запахам пряных бумажек» [Белый 2017: 182].

Коричневый цвет символически связывается со старостью, увяданием и даже смертью. Кажется, что его символическое значение идет вразрез со сравнением Мережковского с ягненком, но оно указывает на соединение инфантильности, детскости (зависимость от жены) и увядания. Все это дает абсолютно непривычную трактовку личности Мережковского. И совершенно очевидно, что это сделано не для того, чтобы «запечатлеть» Мережковского таким, каким он был в 1900-е годы, а чтобы у читателя составилось о нем то представление, к которому склоняется Белый. Казалось бы, о «Башне» Вяч. Иванова как центре петербургской богемно-культурной жизни уже составилось определенное мнение. Но Белый вводит в ее описание детали, демонстрирующие опасность, грозящую посетителям:

«со старыми витиевато глядящими креслами, скрашенными деревянною черной резьбой, в оранжево-теплых обоях, с коврами, с пылицами, с маскою мраморной, с невероятных размеров бутылью вина» [Белый 2017: 304].

В зависимости от отношения Белого к тем или иным философам меняется соотношение упоминаний о внешности и обстановке, но это соединение, которое можно назвать постоянной парадигмой, так или иначе воспроизводится в разных частях текста.

Общеизвестно значение Владимира Соловьева для формирования личности и мировоззрения Андрея Белого. Соловьев воспринимался Белым как человек, который определил вектор его развития. Близко знаком с ним Белый не был, но включил Соловьева, выступающего символом русской религиозной философии, в галерею персонажей мемуаров вместе со всей его семьей (братьями Михаилом, племянником Сергеем, сестрой Ольгой и другими), все члены которой воспринимаются Белым сквозь призму отношения к Владимиру Соловьеву. Брат и единомышленник философа, издатель его сочинений, за глубину мысли и элегантность облика сравнивается с кошкой (что по-своему неожиданно и потому задерживает вни-

мание!), а в его кабинете — уютном царстве «морского царя» — художественный «беспорядок» [Белый 2017: 277].

Субъективность мемуаров Андрея Белого для современного исследователя определяет их художественный облик. Однако при появлении текста в печати многие не приняли этой субъективации, обвинив автора в домыслах и недостоверном изложении фактов. Эти упреки исходили в основном от писателей-эмигрантов, современников Белого, которые тоже были свидетелями событий, описанных в мемуарах. Они утверждали, что «Андрей Белый — не историк, а поэт и фантазер» [Мочульский 1955: 269]. Например, Владислав Ходасевич не был рад своему изображению и прямо заявил: «Сказанное обо мне характерно для всей книги» [Андрей Белый: *pro et contra* 2004: 868]. Взаимное неприятие Белого и большинства писателей-эмигрантов объясняется тем, что его подозревали в капитуляции перед советской властью, что его, в свою очередь, возмущало. Однако исторический контекст, на наш взгляд, все же не является главной причиной обращения к указанным приемам, основывающимся на вымысле и утрированности.

Во-первых, вымысел и отклонение от фактов неизбежно присутствуют в той или иной степени в любых воспоминаниях. Однако правдивость истории не может быть абсолютно статичной. Согласно Э.Х. Карру, история — это вовсе не факты, а ряд социальных консенсусов [Carr 1916: 14]. Эта точка зрения ставит под сомнение традиционное представление об объективности исторических фактов и рассматривает исторические нарративы как отражение определенных социальных и классовых позиций. На исторические исследования неизбежно влияет субъективный взгляд рассказчика.

Мемуарист, казалось бы, должен уважать установленные факты и не обращаться с ними произвольно; однако интерпретация фактов неизбежна. Даже выдвижение одних и затушевывание других фактов меняет общую картину, делает ее сугубо личностной. Так что, как ни старайся быть объективным, перед нами всегда личное понимание автора и его интерпретация событий. Кроме того, мемуары — жанр гораздо более свободный, чем просто автобиография, где автор опирается на факты своей собственной жизни. Белый, вспоминая этапы своего духовного созревания, стремится показать не то, какие идеи владели умами философов, а то, как они воспринимались им. Поэтому портреты, основанные на субъективных ощущениях автора, с неизбежностью несут на себе отпечаток его мировоззрения. И мы больше узнаем из трилогии о самом поэте, чем об окружающих людях и обстоятельствах.

Во-вторых, домысливание и даже переименование определенных моментов в мемуарной трилогии не подрывает ее биографической

основы. Андре Моруа, создатель многих биографий литераторов прошлых эпох, считал, что квалифицированный биограф не должен поддаваться общественной оценке персонажа. Он должен «скорректировать персонажей в свете новых фактов, которые я (биограф) открыл» [Maurois 1929: 14]. Одно из ценных качеств биографа — способность нарисовать не портрет легенды, но портрет живого человека, даже если это снимет ореол величия, выстроенный вокруг этого человека.

В своих мемуарах Белый стремится представить читателю философов как реальных людей, а не как воплощение тех или иных идей и теорий. Анималистические сравнения символизируют биологическую часть природы человека, и в этом смысле сравнение философов с животными можно рассматривать как способ отделить мыслителей от их философских взглядов, от рациональности, показать их в роли обычных людей, подчеркнуть иррациональную, нефилософскую часть их личностей. Подробное описание их жилищ, домов, квартир (как пространства действия персонажей) также отражает личностные характеристики философов, делая акцент на чертах их характера и привычках, не связанных с философией.

Предлагать новую трактовку той или иной личности, не согласующуюся с общественным консенсусом, — непростой и достаточно смелый поступок для писателя. Создание нетривиальных образов философов у Белого могло иметь целью изменение общественного мнения, сложившегося вокруг них в кругу символистов. А это требует большого мужества. То, что философы показаны в мемуарах как обычные люди, входит в конфронтацию с образами небожителей, укоренившимися в сознании читателей. Подход Белого позволил ему раскрыть сложность и многомерность, присущую им как живым людям. Но в то же время он оказывался «в струе» советской интерпретации их наследия, которое предлагалось не принимать во внимание как противоречащее марксизму и материализму. Какая цель была более важна для Белого — определить трудно.

Тем не менее вымысел, своеобразное «искажение», дорисовка — это желание Белого произвести революцию в биографической литературе. Для создания образов Белый прибегает к чертам модернистской поэтики. Именно это позволило критикам мемуарной трилогии утверждать, что воспоминания Белого не имеют достоинств историографического материала; все написанное в них «следует скорее отнести на счет его [Андрея Белого] иронического воображения» [Андрей Белый: *pro et contra* 2004: 879]. Однако именно с помощью художественных приемов, таких как гипербола, ирония и смещение фокуса повествования, Белый делает образы философов незабываемыми, буквально «окрашенными». Белый намеренно ис-

пользует личностный взгляд для достижения эстетического эффекта, для него это — акт сознательного творческого выбора. Белый не отвергает идею правдивости биографии, но усиливает выразительность и глубину текста с помощью художественной обработки, одновременно проявляя уважение к фактам (достоверность запомнившихся событий не вызывает сомнений).

Использование «потока сознания» — еще одна новаторская черта мемуарной трилогии. Неслучайно имя Андрея Белого часто фигурирует в одном ряду с Джеймсом Джойсом: между их творческими усилиями прослеживается типологическая связь. Внедрение метода потока сознания в мемуары, безусловно, нарушало сложившийся к тому времени «канон» создания биографий.

Словесный портрет персонажа во многом определяет жанровую специфику трилогии мемуаров Андрея Белого. А. Лавров утверждает, что, когда Белый создает мемуарную трилогию, «возникает новая художественно-документальная реальность, выстроенная по законам образного мышления и управляемая фантазией» [Белый 2015: 377]. Субъективный подход, предложенный Белым при написании портретов, не позволяет рассматривать его мемуары как надежный исторический источник. Однако мемуарная трилогия, уходя от фактической правды в сторону правды-чувства, демонстрирует эстетические возможности правдивости и искренности автора. Можно сказать, что, создавая трилогию мемуаров, Белый хотел остаться писателем, а не «летописцем эпохи», хотя и посылал сигналы о том, что он уже тогда чувствовал и крах старой культуры, и кризис идеалистического мышления в целом. Портреты, основанные на творческой интуиции писателя, усиливают художественный характер мемуаров, делая их, по сути, «равноположными» романам Белого «Петербург» и «Москва». Можно сказать, что мемуары Белого отразили его символистскую эстетику. Неудовлетворенность атмосферой Серебряного века, проявившаяся, в частности, в портретах философов, компенсировалась в трилогии утверждением символизма как единственно приемлемой для Белого эстетико-философской системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый А.* Собрание сочинений. Т. 11. На рубеже двух столетий / Под ред. А.В. Лаврова. М., 2015.
2. *Белый А.* Собрание сочинений. Т. 12. Начало Века / Под ред. А.В. Лаврова. М., 2017.
3. Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / Сост. Д.К. Бурлака, А.В. Лавров. СПб., 2004.
4. *Вовк О.В.* Энциклопедия знаков и символов. М., 2006.
5. *Мочульский К.* Андрей Белый. Париж, 1955.

6. Carr E.H. What is History. Ed. by R.W. Davies. New York, 1916.
7. Maurois A. Aspects of Biography. New York, 1929.

REFERENCES

1. Andrei Bely. *Sobranie sochinenii. Tom 11. Na rubezhe dvukh stoletii* [Collected Works. Vol. 11. At the Turn of Two Centuries] / Ed. by A.V. Lavrov. Moscow: Dmitry Sechin Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
2. Andrei Bely. *Sobranie sochinenii. Tom 12. Nachalo Veka* [Collected Works. Vol. 12. The Beginning of the Century] / Ed. by A.V. Lavrov. Moscow, Dmitry Sechin Publ., 2017. 694 p. (In Russ.)
3. Andrei Bely: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Andreyana Belogo v otsenkakh i tolkovaniyakh sovremennikov* [Andrei Bely: Pro et Contra. The Personality and Work of Andrei Bely in the Assessments and Interpretations of His Contemporaries]. Ed. by D.K. Burlaka, A.V. Lavrov. St Petersburg: RHGI Publ., 2004. 1046 p. (In Russ.)
4. Vovk O.V. *Ehntsiklopediya znakov i simvolov* [Encyclopedia of Signs and Symbols]. Moscow: Veche Publ., 2006. 521 p. (In Russ.)
5. Mochul'skii K. *Andrei Bely*. Paris: YMCA-press, 1955. 293 p. (In Russ.)
6. Carr E.H. *What is History?* Ed. by R.W. Davies. N. Y&: Viking Penguin Inc., 1916. 188 p.
7. Maurois A. *Aspects of Biography*. N. Y.: D. Appleton & Company, 1929. 206 p.

Поступила в редакцию 23.07.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 24.06.2025

Received 23.07.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 24.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Ли Нань — аспирантка Нанкинского педагогического университета, Нанкин, Китай; ln970814@126.com

ABOUT THE AUTHOR

Li Nan — PhD Student of Nanjing Normal University, Nanjing, China; ln970814@126.com

ПЕРЕВОДЫ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С.В. Машкевич

Независимый исследователь, Нью-Йорк, США; mash@mashke.org

Аннотация: Рассматривается история и дается сравнительная характеристика четырех переводов романа «Белая гвардия» на итальянский язык, выполненных тремя переводчиками (Этторе Ло Гатто, Анной Ганчиковой, Сереной Приной), с 1930 по 2011 г. Все эти переводы сделаны с разных редакций оригинала, однако этим различие между самими переводами и тем более между их изданиями не ограничивается.

Различные издания переводов снабжены разным количеством метатекста. В итальянском переводоведении метатекст трактуется как важный элемент «адаптирования читателя к тексту». Роль такового в иноязычных изданиях «Белой гвардии» представляется весьма важной, поскольку, во-первых, роман в значительной мере основан на реальных событиях, так что знание исторического контекста важно для понимания многих фрагментов романа; во-вторых, текст романа изобилует реалиями, многие из которых, даже будучи переведенными, нуждаются в дополнительных пояснениях. Почти все современные издания итальянских переводов «Белой гвардии» снабжены справочным аппаратом (в частности, биографией Булгакова и библиографией), что свидетельствует о тщательном подходе издателей и, по-видимому, понимании того, что многих итальянских читателей может заинтересовать не только сам текст романа, но и дополнительные сведения об авторе и его творчестве.

Проведен краткий сравнительный анализ передачи реалий (в итальянском переводоведении — «адаптирования текста к читателю») в четырех переводах, на примере двух групп реалий: 1) предметов одежды и обуви; 2) единиц измерения и денежных единиц. В основу положена классификация способов перевода слов-реалий, данная В.С. Виноградовым. Переводчики прибегли к большинству этих способов: транскрипции, гипо-гиперонимическому переводу, уподоблению, перифрастическому переводу. В ряде случаев один и тот же термин перевели разными способами не только разные переводчики, но и один и тот же переводчик в разных фрагментах текста — что в некоторых случаях представляется оправданным, но в большей части — скорее нет. Имеет место также конвергенция (разные термины переведены одинаково) и несколько случаев неадекватного перевода реалий, вызванных, видимо, незнанием переводчиков со значением терминов.

Ключевые слова: Михаил Булгаков; «Белая гвардия»; перевод; итальянский язык; метатекст; реалии

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-12

Для цитирования: Маишкевич С.В. Переводы романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» на итальянский язык: история и сравнительная характеристика // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 147–162.

TRANSLATIONS OF *THE WHITE GUARD* BY MIKHAIL BULGAKOV INTO ITALIAN: HISTORY AND COMPARATIVE DESCRIPTION

Stefan V. Mashkevich

Independent researcher, New York, USA; mash@mashke.org

Abstract: The article examines the history and provides a comparative description of four translations of the novel *The White Guard* into Italian by three translators (Ettore Lo Gatto, Anjuta Gančikov, Serena Prina), published between 1930 and 2011. All these translations were made from different versions of the source, but that is not the only difference between the translations themselves and, especially, between their editions.

Different editions of the translations are furnished with different amounts of metatext. In Italian translation studies, metatext is understood as an important element of “adaptation of the reader to the text.” Its role in foreign-language editions of *The White Guard* is quite important, because, firstly, the novel is largely based on real events, which is why knowing the historical context is important for understanding many fragments of the novel; secondly, the text of the novel is full of realia, many of which, even after being translated, require additional explanation. Almost all modern Italian editions of *The White Guard* are supplied, to some extent, with reference apparatus (in particular, Bulgakov’s biography and a bibliography), which is an evidence of the publishers’ meticulous approach to the publication of these translations and, apparently, a realization of the fact that many Italian readers may be interested not just in the text of the novel itself, but also in some extra information about the author and his work.

A brief comparative analysis of the rendering of realia (“adapting the text to the reader”, in Italian translation studies) in the four translations at hand has been carried out, on a sample of two groups of realia: 1) items of clothing and footwear; 2) units of measurement and monetary units. The basis is the classification of methods of translating realia words according to V.S. Vinogradov. The translators have resorted to most of these methods: transcription, hypo-hyperonymic translation, assimilation, periphrastic translation. In a number of cases, the same term has been translated differently not only by different translators, but also by the same translator in different fragments of the text — which in some cases appears to be justified, but in most cases, rather not. There is also convergence (different terms translated

the same way). A few cases of inadequate translation of realities have been discovered, apparently caused by the translators' unfamiliarity with the meaning of the terms.

Keywords: Mikhail Bulgakov; *The White Guard*; translation; Italian language; metatext; realia

For citation: Mashkevich S.V. (2025) Translations of *The White Guard* by Mikhail Bulgakov into Italian: History and Comparative Characteristics. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 147–162.

Введение

Творчество Михаила Булгакова весьма популярно и востребовано в Италии [Николеску 1993], о чем свидетельствует количество переводов его произведений на итальянский язык. В частности, роман «Мастер и Маргарита» переведен на итальянский (не менее) 14 раз, «Собачье сердце» — более 10 раз, «Белая гвардия» — 4 раза.

Первый итальянский перевод «Белой гвардии», увидевший свет в 1930 г., стал, согласно всем известным библиографиям, первым изданием Булгакова на итальянском языке (хотя и не первым, как утверждает Т. Николеску [Николеску 1993: 356], а третьим переводом «Белой гвардии» на иностранный язык). Последний на данный момент перевод вышел в 2011 г. В 2023 г. был переиздан отдельной книгой перевод 1967 г. с исправлениями 2000 г.

Цель настоящей работы — описать все переводы «Белой гвардии» на итальянский язык и дать их сравнительную характеристику, уделив внимание истории их создания и эволюции, метатексту, присутствующему в изданиях в качестве «адаптации читателя к тексту» [Bertazzoli 2015: 94], особенностям перевода реалий как «адаптации текста к читателю» и различным подходам переводчиков к этой задаче.

1. Эволюция текста оригинала

Различные переводы «Белой гвардии» — и на итальянский, и на другие языки — сделаны с разных версий романа. Для корректной оценки переводов следует обратиться к истории публикации самого романа [Мишуровская 2016].

Первые тринадцать глав были опубликованы в журнале «Россия» двумя частями, в № 4–5 за 1925 г.; третья, заключительная часть готовилась к публикации там же, но не была опубликована.

В книжном формате «Белая гвардия» впервые вышла в 1927 г. в Париже [Булгаков 1927А], в том же виде (с небольшими изменениями), что и в журнале, т. е. без последней части. Почти одновременно в Риге вышло другое книжное издание, анонсированное как

«полное» [Булгаков 1927В]. Однако в нем, во-первых, был сделан целый ряд купюр по сравнению с журнальной редакцией; во-вторых, что существеннее, третья часть представляла собой не булгаковский текст, а апокриф, написанный на основе заключительного акта второй редакции пьесы «Дни Турбиных». На наш взгляд, автором подделки скорее всего является Петр Пильский, написавший вступительную статью к этому же изданию [Машкевич 2022]. Именно с этого пиратского издания были сделаны первые два перевода, на польский и чешский, в 1928 г.

Лишь в 1929 г. в Париже [Булгаков 1929А] и Риге [Булгаков 1929В] вышло отдельными книгами подлинное окончание. С этого момента конкатенация текстов парижских изданий [Булгаков 1927А] и [Булгаков 1929А] (с некоторыми исправлениями) считалась каноническим текстом [Булгаков 1998: 268]. Текст первого советского книжного издания, вышедшего в 1966 г. [Булгаков 1966], восходит к парижскому изданию, но в нем имеются цензурные сокращения. Именно этот текст 1966 г. публиковался в СССР последующие почти четверть века, и с него же сделаны переводы, вышедшие в этот период.

В 1989 г. увидели свет два разных издания, подготовленные Л.М. Яновской [Булгаков 1989] и М.О. Чудаковой [Булгаков 1989–1990], в которых изъятые цензурой фрагменты были восстановлены. Задолго до этих публикаций была обнаружена корректура третьей части романа, предназначавшаяся для журнала «Россия». 19-я глава в этой редакции существенно отличается от парижского текста; ее опубликовала Чудакова в 1987 г. [Чудакова 1987: 150–163]. И.Ф. Владимиров в 1998 г. опубликовал иную редакцию заключительной, 21-й, главы [Булгаков 1998: 240–261]; аутентичность этого текста, однако, ставится под серьезное сомнение [Булгаков 2015: 407–410, 469].

Наконец, в 2015 г. в серии «Литературные памятники» вышло научное издание «Белой гвардии» [Булгаков 2015], подготовленное Е.А. Яблоковым. В него вошел парижский текст, с исправлениями, и, в качестве приложения, вышеупомянутая журнальная редакция 19-й главы, но не вошла опубликованная Владимировым редакция 21-й главы.

2. Переводы Ло Гатто

«Первооткрывателем» Булгакова для итальянского читателя стал известный итальянский славист, исследователь русской, болгарской, польской, чешской литератур, переводчик Этторе Ло Гатто (1890–1983).

В 1929 г. Ло Гатто опубликовал статью «Советский необуржуазный писатель», которая открывалась сильным утверждением: «Феномен Булгакова — один из наиболее интересных и оригинальных в сегодняшней русской советской литературе»¹ [Lo Gatto 1929: 270]. Главным основанием для такого вывода послужила именно «Белая гвардия». Статья посвящена главным образом анализу этого романа; в ней кратко описана историческая подоплека сюжета и сказано: «Немного из книг в советской литературе показывают с такой очевидностью, как “Белая гвардия” Булгакова, сколь трудна объективная оценка произведений, очень тесно привязанных к событиям, еще живым не просто в памяти, но и в самой текущей реальности, которая стала их следствием» [Lo Gatto 1929: 270–271].

Неудивительно, что Ло Гатто взялся перевести «Белую гвардию» на итальянский язык. Его перевод вышел в Риме в 1930 г. Вышеупомянутая статья, без заголовка и ссылки, с незначительными изменениями, послужила предисловием к переводу. Вслед за статьей помещена короткая заметка, ставшая первой (известной нам) характеристикой творчества Булгакова как объекта перевода:

«Несколько слов о переводе: стиль Булгакова, в своей простоте, очень труден, особенно в силу его попыток колоритных и импрессионистических описаний <...> Важно общее впечатление, которое происходит от внутреннего единства и которого переводчику, как он надеется, удалось достичь без произвольных изменений в колорите, которого желал сам автор» [Bulgakov 1930: XVI].

Хотя к 1930 г. настоящее окончание «Белой гвардии» уже было опубликовано, перевод Ло Гатто был, как и более ранние польский и чешский, сделан с рижского издания 1927 г., с апокрифической третьей частью. Возможно, Ло Гатто не знал о парижском издании; одной из причин тому могла быть демпинговая политика рижских издателей, которые насытили рынок своей пиратской продукцией [Мишуровская 2016: 94–96]. В 1931 г. Ло Гатто приехал в Россию, познакомился с Булгаковым, подарил ему экземпляр своего перевода — и услышал от него, «что третья часть была написана не им, а была выдумана кем-то, кто извлек первые две части из журнала и пофантазировал немного о приключениях главных героев» [Lo Gatto 1976: 106]².

¹ Здесь и далее перевод с языка оригинала мой, если иное не оговорено. — С.М.

² В отечественной литературе обычно цитируется перевод этого пассажа, помещенный в русском издании книги Ло Гатто (перевод К. Гладыш и И. Дергачевой): «что третья часть якобы написана вовсе не им, а выдумана тем, кого касались первые две части, после чего Булгаков пофантазировал немного о приключениях главных героев» [Ло Гатто 1992: 71]; этот перевод неадекватен («пофантазировал» не Булгаков, а автор апокрифа!).

В 1944 г. Ло Гатто опубликовал этот же (а не новый, как ошибочно утверждает Николеску [Николеску 1993: 357]) перевод «Белой гвардии» в альманахе «Narratori Sovietici» [Narratori Sovietici: 209–368], опустив поддельную третью часть и снабдив публикацию послесловием: «На этом месте заканчивается часть романа “Белая гвардия”, которую точно написал Булгаков. Роман был изначально переведен мною по рижскому изданию, в котором за предшествующими двумя частями следует третья, представляющаяся мне сегодня апокрифической» [Narratori Sovietici: 367].

Новый перевод «Белой гвардии», сделанный Ло Гатто, увидел свет в 1967 г. [Bulgakov 1967]. Переводчик вспоминал, что получил недостающую третью часть от Союза писателей СССР, «когда <...> было принято решение опубликовать роман полностью <...> и полное итальянское издание вышло <...> почти одновременно с советским» [Lo Gatto 1976: 106]. В библиографиях, приведенных в последующих итальянских изданиях, этот перевод, как правило, считают переизданием перевода 1930 г. [Bulgakov 2000: 1716; Bulgakov 2011: 28]. Однако, на наш взгляд, его следует считать отдельным переводом (как в библиографии в [Bulgakov 1990: 63]), поскольку в нем присутствует настоящая третья часть вместо апокрифической, а также фрагменты, отсутствовавшие в [Булгаков 1927В] и соответственно в [Bulgakov 1930], и, с другой стороны, отсутствуют фрагменты, вырезанные советской цензурой в издании 1966 г. (хотя в распоряжении Ло Гатто они были).

Наконец, в 2000 г., уже после смерти Ло Гатто, Маргарита Карбонаро отредактировала его второй перевод, основываясь на [Булгаков 1989–1990], восстановив вырезанные цензурой фрагменты и сделав некоторые уточнения. Считать эту редакцию новым переводом, на наш взгляд, нет оснований. Она была включена в собрание «Романы и рассказы» [Bulgakov 2000], а недавно вышла отдельной книгой [Bulgakov 2023].

3. Позднейшие итальянские переводы

В 1990 году появился третий по счету итальянский перевод «Белой гвардии», выполненный Анной Ганчиковой [Bulgakov 1990], который с тех пор несколько раз переиздавался. В «Примечании к переводу», сопровождающему издание 2019 г., указано, что перевод сделан с киевского издания [Булгаков 1989], «тщательно пересмотренного и исправленного» [Bulgakov 1990: 67]. Однако, как легко убедиться, фрагменты, изъятые цензурой и отсутствующие в [Булгаков 1966], отсутствуют и в [Bulgakov 1990]. Таким образом, на самом деле текст перевода Ганчиковой (даже в его пятом издании, 2019 г.) соответствует советскому изданию 1966 г. Странно также то, что

переводчица изменила авторское посвящение — с «Любови Евгеньевне Белозерской» на «Любови Евгеньевне Булгаковой» [Bulgakov 1990: 69].

Четвертый и последний на данный момент итальянский перевод, принадлежащий Серене Прине, увидел свет в 2011 году [Bulgakov 2011]. Этот перевод содержит главы 1–20 по [Булгаков 1989] и, в качестве дополнения, главы 19 и 21 по [Булгаков 1998].

Любопытным свидетельством востребованности «Белой гвардии» среди итальянских читателей является факт появления пиратского издания ее перевода [Bulgakov 2015], выпущенного издательством «Fermento» в мае 2015 г. В качестве переводчика заявлен некто Чезаре Больсони, однако текст перевода полностью идентичен тексту перевода Прины [Bulgakov 2011]. При этом, в отличие от перевода Прины, данное издание не содержит никакого метатекста — поэтому, в частности, порядок следования глав (1–18, 19, 20, 19, 21) остается для читателя непонятным. Подделка была вскрыта [eLEGGO 2020], и пиратское издание, по всей видимости, изъято из продажи.

4. Сравнительная характеристика: метатекст

Метатекст для переводов «Белой гвардии» весьма важен. В уже упомянутом послесловии к изданию 1944 г. Ло Гатто развил собственную мысль пятнадцатилетней давности о ценности «Белой гвардии» для иностранного читателя: «[С]траницы романа Булгакова представляют огромный документальный интерес в том числе для иностранца, которому любопытно узнать о различных этапах, через которые прошла победившая революция» [Narratori Sovietici: 368].

В итальянском переводоведении снабжение перевода метатекстом, или паратекстуальным аппаратом (примечания, предисловие и т. п.), трактуется как «адаптация читателя к тексту» [Bertazzoli 2015: 94]. Сам Булгаков, несомненно, рассчитывал на читателя, хотя бы в общих чертах знакомого с реальными событиями 1918–1919 гг. в Киеве. От иностранного же читателя ожидать такого знакомства не приходится. Поэтому во всех изданиях итальянских переводов «Белой гвардии» (исключая вышеупомянутое пиратское) присутствует хотя бы минимальный объем метатекста, знакомящего читателя прежде всего с историческим контекстом.

Часть уже упомянутой вступительной статьи к первому переводу Ло Гатто — это краткий рассказ о борьбе между гетманом Скоропадским (который в самом романе по фамилии не назван), Петлюрой и большевиками [Bulgakov 1930: IX–XII]. В издании его второго перевода, 1967 г., нет ни предисловия, ни послесловия; есть лишь краткая заметка на задней стороне обложки. Нехватка инфор-

мации в некоторой мере компенсируется подстрочными примечаниями самого Ло Гатто к обоим переводам, содержащими сведения о некоторых реалиях, фигурирующих в романе. К примеру, объясняется, кто такой Скоропадский [Bulgakov 1930: 17; Bulgakov 1967: 19] и что такое аршин [Bulgakov 1930: 49; Bulgakov 1967: 38]. В переводе 1967 г. примечаний больше: например, там разъясняется, кто такой Евгений Онегин [Bulgakov 1967: 128] и что такое «день Бородина» [Bulgakov 1967: 92].

В издании 2000 г. метаинформации гораздо больше. Имеющаяся здесь вступительная статья Чудаковой [Bulgakov 2000: XI–XLVIII] посвящена биографии и творчеству Булгакова в целом, а в разделе «Заметки и примечания к текстам» имеется подраздел, полностью посвященный «Белой гвардии», состоящий из сопроводительной статьи Чудаковой [Bulgakov 2000: 1611–1617] и 163 примечаний авторства Адриано Делл’Аста [Bulgakov 2000: 1617–1629].

В издании 2023 г. есть вступительная статья Делл’Аста «Только любовь остается. Борьба за жизнь в “Белой гвардии” Михаила Булгакова» [Bulgakov 2023: VII–XIX], интересная, как и статьи Ло Гатто, тем, что она предлагает взгляд на творчество писателя из Италии. Послесловие Чудаковой и примечания Делл’Аста здесь те же, что в предыдущем издании.

Перевод Ганчиковой сопровождается введением Милли Мартинелли [Bulgakov 1990: 5–46], где анализируются как общие аспекты творчества Булгакова, так и фабула «Белой гвардии», опять-таки в историческом контексте. Примечателен включенный в это же издание небольшой раздел «Критические суждения», составленный той же Мартинелли и состоящий из восьми отрывков из работ Л. Пачини Савой, Д. Пайпера, В. Лакшина, Л. Яновской и др. [Bulgakov 1990: 55–60]. Метаинформация в этом издании содержится также в подстрочных примечаниях, которые по количеству и охвату сопоставимы с примечаниями в переводе Ло Гатто 1967 г.

Перевод Прины сопровождается вступительной статьей самой Прины [Bulgakov 2011: 4–18], где дается как исторический контекст романа, так и общая характеристика творчества Булгакова. Рассуждая о последнем, автор, в частности, проводит параллель с «Доктором Живаго». В части описания событий 1917–1919 гг. статья содержит досадные фактические ошибки. Так, утверждается, будто бы председателем Центральной рады был Владимир Винниченко [Bulgakov 2011: 13] (на самом деле — Михаил Грушевский) и что Скоропадский якобы правил Украиной до ноября 1918 г. [Bulgakov 2011: 13] (на самом деле — до 14 декабря, о чем и идет речь в самом романе!). В этом издании 224 примечания (самой Прины) — объем метаинформации в них еще значительнее, чем у Ганчиковой.

Наконец, отметим, что как в издании 2000 г. перевода Ло Гатто, так и в изданиях переводов Ганчиковой и Прины, помимо вступительных статей и примечаний, присутствуют подробная биография Булгакова (в виде таблиц [Bulgakov 2000: LI–XC; Bulgakov 1990: 47–53; Bulgakov 2011: 19–26] — в каждом из изданий своя версия) и библиографические списки [Bulgakov 2000: 1715–1722; Bulgakov 1990: 61–66; Bulgakov 2011: 27–30]. Таким образом, эти три издания хотя и не являются полноценными научными, как [Булгаков 2015], но приближаются к таковым.

5. Сравнительная характеристика: перевод реалий

Процитированное выше утверждение Ло Гатто о том, что стиль Булгакова очень труден для перевода «в силу его попыток колоритных и импрессионистических описаний», представляется, с позиции носителя языка оригинала, абсолютно справедливым.

По мнению чешского теоретика перевода И. Левого, колоритность художественного текста строится на разбросанных по нему реалиях, которые, в свою очередь, часто считают *cruces translatorum* [Левый 1974: 149]. Реалии, по Л.Н. Соболеву, суть «бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а, следовательно, и на языках других стран» [Соболев 1952: 281]. В.С. Виноградов перечисляет пять основных способов перевода слов-реалий: транскрипция (транслитерация); гипо-гиперонимический перевод; уподобление; перифрастический (описательный) перевод; калькирование [Виноградов 2001: 117–119]. В итальянском переводе модификация текста с целью передачи «некоторых культурных характеристик среды, которая дала начало данному тексту» — т. е., в частности, реалий — трактуется как «адаптация текста к читателю» (в противовес созданию метатекста как адаптации читателя к тексту) [Bertazzoli 2015: 94].

Концентрация реалий в романе «Белая гвардия» весьма высока [Сергиенко 2021]. Обусловлено это не только особенностями стиля Булгакова, но и частичной документальностью романа, вобравшего в себя множество понятий своей эпохи. Остановимся на небольшом числе типичных, на наш взгляд, примеров.

Одна из наиболее часто встречающихся в «Белой гвардии» категорий реалий — предметы одежды и обуви [Сергиенко 2021: 229]. В таблице ниже³ даны переводы ряда терминов из этой категории.

³ Здесь и в следующей таблице применяются следующие обозначения: про- черк — фрагмент текста, содержащий этот термин, отсутствует в этом переводе; курсив, многоточие — так в переводе; астериск после термина — переводчик снабдил этот термин примечанием.

Оригинал	Ло Гатто 1930	Ло Гатто 1967/2000	Ганчикова 1990	Прина 2011
папаха	colbak; berretto di pelo; berrettone di pelo	colbacco; colbacco di pelo; berretto di pelo; berrettone di pelo	colbacco; berretto di pelo	colbacco
башлык	cappuccio	cappuccio	cappuccio	cappuccio
треух	—	berretto con paraorecchi	berretto con i paraorecchi abbassati	colbacco
плат	—	striscia; panno; drappo	striscia; panno; lembo	striscia; panno; drappo
френч	giubba; giacca	giubba; casacca	giubba; giubba militare	giubba
тулуп	giacca di pelo	1967: pellicciotto 2000: tulup*	pellicciotto	tulup*
черкеска	«cerkeska»	giacca alla circassa	casacca alla circassa	čerkeska*
жупан	giubba	1967: casacca 2000: župan*	casacca	giubba
тужурка	giacca da lavoro	giubba	giacchettone	lunga giubba
бекеша	—	cappotto a lunghe falde	cappotto con i piegoni	bekeša*
бушлат	—	giubba imbottita da marinai	giubba imbottita	giubba da marinai
плахта	—	gonna a righe	gonna	gonna
галифе	brache	calzoni a sbuglio	calzoni da cavallerizzo	pantaloni
чакчиры	—	...	smerd	braghe*
портянки	strisce di tela	strisce di tela	pezze che avvolgono i piedi	pezze
валенки	stivali di feltro; stivaloni di feltro	stivali di feltro	stivali di feltro	valenki*
лапти	—	ciocce di scorza di tiglio	lapti	lapti
лаптишки	calzature di scorza d'albero	lapti*	lapti*	lapti*

Как видим, Прина более других переводчиков использует транскрипцию (сопровождаемую примечаниями). Остальные переводчики в большей мере применяют перифрастический перевод (портянки, валенки, галифе; заметим, что Ганчиковой для перевода терминов *треух* и *портянки* понадобилось по три значимых и два служебных слова на каждый), уподобление (папах, башлык) и гипогиперонимический перевод (*плахта*, вид юбки, превратилась в *gonna*, юбку).

Интересна эволюция способов передачи терминов в трех редакциях перевода Ло Гатто. При переходе от 1930 г. к 1967-му единственная (среди этой группы терминов) транскрипция в переводе (черкеска) заменена перифразом, зато один из перифразов (лаптишки) — транскрипцией. (Попутно заметим, что уменьшительный суффикс в *лаптишки* везде утерян, что в данном случае представляется неизбежным. В итальянском языке, как и в русском, нет недостатка в эмоционально-экспрессивных суффиксах, однако транскрипция плохо сочеталась бы с итальянским суффиксом). В редакции Карбонаро 2000 г. появились еще две транскрипции (тулуп, жупан), которых у Ло Гатто не было. В результате *тулуп* в трех редакциях оказался передан тремя разными способами: 1930 — перифразом, 1967 — уподоблением, 2000 — транскрипцией.

Применение разных способов перевода привело к конвергенции (так, у Прины *giubba* — это и френч, и жупан, а с уточняющими словами — еще и тужурка, и бушлат), что, по-видимому, убавляет колорит оригинала. С другой стороны, налицо дивергенция (*плат*, *френч* в разных местах одного и того же перевода переданы по-разному; *папах* у Ло Гатто — четырьмя разными терминами!). На наш взгляд, дивергенция полностью оправдана только в случае с термином *плат*: это слово в оригинале встречается в трех разных значениях, и потому есть смысл переводить его тремя разными терминами (что все три переводчика и сделали). В остальных случаях контекст оригинала, как представляется, не требует разных переводов в разных местах, так что речь скорее о некоем произволе, если не небрежности, со стороны переводчиков.

Наконец, перевод *чакчиры* (рейтузы) как *smerd* (дерьмо) у Ганчиковой — явный промах.

Еще одна группа реалий — меры и денежные единицы — оказалась для переводчиков сложнее.

Оригинал	Ло Гатто 1930	Ло Гатто 1967/2000	Ганчикова 1990	Прина 2011
четырёх- вершко- вый	[не переведе- но]	altissimo	inquadrati	quattro a quattro
пятиверш- ковый	grosso	massiccio	alto	massiccio
аршин	arscina	aršin*	aršin*	aršin*
всё кругом на два аршина	per parecchi metri intorno	tutt'intorno	tutt'intorno	dappertutto attorno a sé per un raggio di almeno due aršin
сажень	sažen*	1967: sažen'*; due metri 2000: due metri	sažen*; sažen'	sažen*
трехса- женный	alta quasi tre metri	alta più di sei metri	alta tre sažen'	lunga tre saženi
верста	versta; chilometro	versta; chilometro	versta*	versta*
пуд	pud*	1967: pud* 2000: quindici chili	pud*	pud*
шестипу- довый	—	pesantissimo	pesante	del peso di sei pudy
катеринки, петры, николаи первые	biglietti di banca di Caterina, di Pietro, di Nicola I	1967: monete di Caterina, di Pietro, di Nicola I 2000: banconote di Caterina, di Pietro, di Nicola I	“Caterine”, “Pietri”, “Nicola I”	“Caterine”, “Pietri”, “Nicola I”*
карбован- цы	carabanzi; rubli d'argento	rubli	monete d'oro da dieci; carte da dieci	rubli d'argento; rubli ucraini
Гривны	—	monetine da dieci copeche	monetine da dieci copeche	monetine di rame

Обращает на себя внимание довольно широкое применение транскрипции. Вместе с тем Ло Гатто и Карбонаро сплошь и рядом заменили старые русские меры (аршин, сажень, верста, пуд) метрическими эквивалентами — типичный пример адаптации текста к читателю. Здесь не обошлось без промаха: в первом переводе Ло Гатто *трехсаженный* (крест на памятнике Владимира) превратился в «почти трехметровой высоты», но во втором переводе это исправлено («более чем шестиметровой высоты»).

С денежными единицами у всех переводчиков возникли проблемы. Перевод *карбованцев* как *monete d'oro da dieci* у Ганчиковой — это, похоже, калька с ее же собственного перевода реалии *золотые десятки* в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова; но это абсолютно неверный перевод (как и последующее *carte da dieci* у нее же). Перифрастическое *rubli ucraini* у Прины ближе всего к истине, хотя, на наш взгляд, здесь следовало бы применить транслитерацию с примечанием (только не ошибочную *carabanzi*, как в первом переводе Ло Гатто). *Катеринки* и т. п. Ло Гатто в 1930 г. перевел адекватно, но в 1967-м почему-то заменил банкноты на монеты, что неверно; Карбонаро в 2000 г. это исправила. Гривны у всех превратились в монеты (десятикопеечные, что, надо полагать, восходит к советской реалии *гривенник*; но гривна 1918 года — это половина карбованца, т. е. пятьдесят копеек), хотя из контекста оригинала — *трепаные гривны* — должно быть очевидно, что речь о купюрах.

Наконец, для перевода *пятивершковый* (жеребец) все прибегли к уподоблению (высокий, массивный), что достаточно корректно, но аналогичный термин *четыреверховый* Ганчикова и Прина почему-то истолковали как относящийся к форме конского строя (квадратами, по четыре).

Заключение

История переводов «Белой гвардии» на итальянский язык насчитывает без малого век. Появление второго по счету перевода было вызвано тем, что первый перевод был сделан с издания, содержавшего апокриф; третий и четвертый переводы были сделаны после появления неподцензурной редакции, но, что несколько удивительно, третий перевод, даже в новейших изданиях, соответствует цензурированному тексту оригинала.

Издания переводов различаются объемом метатекста; примечательно, что часть изданий трех из четырех переводов снабжены комментарием (хотя и не лишенным огрехов).

Краткий анализ переводов реалий показывает, что переводчики — вполне ожидаемо — воспользовались практически всеми известными приемами такого перевода, причем и в разных переводах, и даже в разных местах одного и того же перевода одни и те же реалии переведены по-разному. Некоторые из реалий, однако, переведены ошибочно (что при желании можно было бы исправить в последующих изданиях переводов, воспользовавшись научным изданием романа на языке оригинала, в котором смысл всех реалий подробно разъяснен).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков М.А. Дни Турбиных (Белая гвардия). Париж, 1927. [1927A]
2. Булгаков М.А. Белая гвардия (Дни Турбиных). Рига, 1927. [1927B]
3. Булгаков М.А. Дни Турбиных (Белая гвардия). Том второй. Париж, 1929. [1929A]
4. Булгаков М.А. Конец белой гвардии (Дни Турбиных). Рига, 1929. [1929B]
5. Булгаков М.А. Избранная проза. М., 1966.
6. Булгаков М.А. Избранные произведения. В 2 т. Киев, 1989. Т. 1.
7. Булгаков М.А. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1989–1990. Т. 1.
8. Булгаков М.А. Белая гвардия: послесловие И.Ф. Владимиров. М., 1998.
9. Булгаков М.А. Белая гвардия: изд. подгот. Е.А. Яблоков. М., 2015.
10. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.
11. Левый И. Искусство перевода. М., 1974.
12. Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией. М., 1992.
13. Машкевич С.В. Петр Пильский — фальсификатор «Белой гвардии»? // Київський бібліофіл: альманах. Киев, 2022. С. 345–368.
14. Мишуровская М.В. Борьба за роман «Белая Гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М., 2016.
15. Николеску Т. Творчество Булгакова в Италии // Вопросы литературы. 1993. № 5. С. 355–367.
16. Сергиенко О.С., Бабкина Л.Д. Реалии в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» и их отражение в переводе на чешский язык // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 4 (28). С. 228–231.
17. Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М., 1952.
18. Чудакова М.О. Михаил Булгаков: глава из романа и письма // Новый мир. 1987. № 2. С. 138–180.
19. Bertazzoli R. La traduzione: teorie e metodi. Roma, 2015.
20. Bulgakov M. La guardia bianca (trad. Ettore Lo Gatto). Roma, 1930.
21. Bulgakov M. La guardia bianca (trad. Ettore Lo Gatto). Torino, 1967.
22. Bulgakov M. Romanzi e racconti. Milano, 2000.
23. Bulgakov M. La guardia bianca (trad. Anjuta Gančikov). Milano, 1990.
24. Bulgakov M. La guardia bianca (trad. Serena Prina). Milano, 2011.
25. Bulgakov M. La guardia bianca (trad. Ettore Lo Gatto). Milano, 2023.
26. Lo Gatto E. Uno scrittore sovietista neo-borghese // Rivista di letterature slave. 1929. Fasc. 4. P. 270–276.
27. Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia. Milano, 1976.
28. Michail Bulgakov — La guardia bianca // eLEGGO. 18.03.2020. URL: <https://eleggo.net/blog/2020/3/18/la-guardia-bianca-di-michail-bulgakov> (дата обращения: 15.01.2024)
29. Narratori Sovietici (ed. E. Lo Gatto). Roma, 1944.

REFERENCES

1. Bulgakov, M.A. *Dni Turbinykh* (Belaya gvardiya) [The Days of the Turbins (White Guard)]. Paris, *Concorde Publ.*, 1927. 189 p. (In Russ.) [1927A]
2. Bulgakov, M.A. *Belaya gvardiya* (*Dni Turbinykh*) [White Guard (The Days of the Turbins)]. Riga, *Literatura*, 1927. 222 p. (In Russ.) [1927B]
3. Bulgakov, M.A. *Dni Turbinykh* (*Belaya gvardiya*) [The Days of the Turbins (White Guard)]. Vol. 2. Paris, 1929. 159 p. (In Russ.) [1929A]

4. Bulgakov, M.A. *Konets beloi gvardii (Dni Turbinykh)* [The End of the White Guard (The Days of the Turbins)]. Riga, *Kniga dlya vsekh Publ.*, 1929. 164 p. (In Russ.) [1929B]
5. Bulgakov, M.A. *Izbrannaya proza* [Selected Prose]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*, 1966. 644 p. (In Russ.)
6. Bulgakov, M.A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. 2 vol. Kiev, *Dnipro Publ.*, 1989. Vol. 1. 766 p. (In Russ.)
7. Bulgakov, M.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. 5 vol. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*, 1989–1990. Vol. 1. 623 p. (In Russ.)
8. Bulgakov, M.A. *Belaya gvardiya* [White Guard]: afterword by I.F. Vladimirov. Moscow, *Nash Dom — L'Age d'Homme Publ.*, 1998. 278 p. (In Russ.)
9. Bulgakov, M.A. *Belaya gvardiya* [White Guard]: prepared by E.A. Yablokov. Moscow, *Ladomir Publ.*, 2015. 824 p. (In Russ.)
10. Vinogradov, V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Questions)]. Moscow, *IOSO RAO Publ.*, 2001. 224 p. (In Russ.)
11. Levyi, I. *Iskusstvo perevoda* [The Art of Translation]. Moscow, *Progress Publ.*, 1974. 398 p. (In Russ.)
12. Lo Gatto, E. *Moi vstrechi s Rossiei* [My Encounters with Russia]. Moscow, *Krug Publ.*, 1992. 159 p. (In Russ.)
13. Mashkevich, S.V. Petr Pil'skii — fal'sifikator «Beloi gvardii»? [Petr Pilskiy, the Falsifier of «White Guard»?]. *Kievskiy bibliofil: almanac*. Kiev, *Bykhun V.Y. Publ.*, 2022, pp. 345–368. (In Russ.)
14. Mishurovskaya, M.V. *Bor'ba za roman «Belaya Gvardiya» i izdatel'skie intrigi 20-kh godov* [The Struggle for the Novel «White Guard» and Editorial Intrigues of the 1920s]. Moscow, *Muzei M.A. Bulgakova Publ.*, 2016. 116 p. (In Russ.)
15. Nicolescu, T. *Tvorchestvo Bulgakova v Italii* [Works of Bulgakov in Italy]. *Voprosy literatury*, 1993, No. 5, pp. 355–367. (In Russ.)
16. Sergienko, O.S., Babkina, L.D. Realii v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» i ikh otrazhenie v perevode na cheshskii yazyk [Realia in M.A. Bulgakov's Novel «White Guard» and their Reflection in Translation into Czech]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2021, No. 4 (28), pp. 228–231. (In Russ.)
17. Sobolev, L.N. *Posobie po perevodu s russkogo yazyka na frantsuzskii* [A guide to Translation from Russian into French]. Moscow, *Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ.*, 1952. 400 p. (In Russ.)
18. Chudakova, M.O. Mikhail Bulgakov: glava iz romana i pis'ma [Mikhail Bulgakov: A Chapter from a Novel and Letters]. *Novyi mir*, 1987, No. 2, pp. 138–180. (In Russ.)
19. Bertazzoli, R. *La traduzione: teorie e metodi*. Roma, *Carocci*, 2015. 128 p. (In Ital.)
20. Bulgakov, M. *La guardia bianca* (trad. Ettore Lo Gatto). Roma, *Anonima Romana Editoriale*, 1930. xvi + 325 p. (In Ital.)
21. Bulgakov, M. *La guardia bianca* (trad. Ettore Lo Gatto). Torino, *Einaudi*, 1967. 288 p. (In Ital.)
22. Bulgakov, M. *Romanzi e racconti*. Milano, *Mondadori Editore*, 2000. xcii+1732 p. (In Ital.)
23. Bulgakov, M. *La guardia bianca* (trad. Anjuta Gančikov). Milano, *BUR Rizzoli Publ.*, 1990. 432 p. (In Ital.)
24. Bulgakov, M. *La guardia bianca* (trad. Serena Prina). Milano, *Feltrinelli Publ.*, 2011. 432 p. (In Ital.)
25. Bulgakov, M. *La guardia bianca* (trad. Ettore Lo Gatto). Milano, *Mondadori Libri Publ.*, 2023. xx + 328 p. (In Ital.)

26. Lo Gatto, E. Uno scrittore sovietista neo-borghese. *Rivista di letterature slave*, 1929, Fasc. 4, pp. 270–276.
27. Lo Gatto, E. *I miei incontri con la Russia*. Milano, *Mursia Publ.*, 1976. 239 p. (In Ital.)
28. Michail Bulgakov — La guardia bianca. *eLEGGO*. 18.03.2020. URL: <https://eleggo.net/blog/2020/3/18/la-guardia-bianca-di-michail-bulgakov> (accessed: 15.01.2024) (In Ital.)
29. Narratori Sovietici (ed. E. Lo Gatto). Roma, *De Carlo Editore*, 1944. 768 p. (In Ital.)

Поступила в редакцию 29.02.2024

Принята к публикации 12.11.2024

Отредактирована 25.06.2025

Received 29.02.2024

Accepted 12.11.2024

Revised 25.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Стефан Владимирович Машкевич — доктор исторических наук, доктор физико-математических наук, независимый исследователь; mash@mashke.org

ABOUT THE AUTHOR

Stefan V. Mashkevich — Doctor in History, Doctor of Sciences in Physics & Mathematics, independent researcher; mash@mashke.org

ВОЗМОЖНОСТИ МЫСЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ А.Р. БЕЛЯЕВА («ВЛАСТЕЛИН МИРА») И С.М. БЕЛЯЕВА («РАДИО-МОЗГ»)

А.О. Супрякова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ao.supriakova@yandex.ru*

Аннотация: В романе «Властелин мира» А.Р. Беляева (1926) ключевую роль играет открытая одним из главных персонажей, Штирнером, возможность внушения мыслей и чувств на расстоянии другому человеку через воздействие на него электромагнитными волнами. Эта мысль была подсказана фантасту научными исследованиями его современников. В частности, в те годы была известна работа Б.Б. Кажинского на эту тему и опыты, производимые им совместно с коллективом ученых, включавшим даже профессора В.М. Бехтерева, в «уголке Дурова». Беляев использует во «Властелине мира» материалы из сочинений Кажинского и Дурова. Кроме того, он намеренно дает главному герою, немецкому авантюристу, подчиняющему себе мир, фамилию популярного в начале XX века философа, который считается родоначальником анархического индивидуализма. Отталкиваясь от научных гипотез современников, создает вымышленное изобретение для внушения на расстоянии и С.М. Беляев в романе «Радио-мозг» (1928). Со стороны научного сообщества Кажинский особо откликается на это произведение, пишет к нему послесловие, в котором излагает свою научную теорию. В предлагаемой статье мы рассматриваем, что из описанного обоими фантастами соответствовало реальным опытам, а что было выдуманно, как соотносятся между собой события романов, порожденные сходными научно-фантастическими идеями, в какой степени в них представлена социальная проблематика, связанная с внушением против воли человека. Рассмотрение данной темы представляется особо актуальным в связи с популярностью современных разработок, касающихся психотронного оружия и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: А.Р. Беляев; С.М. Беляев; научная фантастика; научно-фантастический роман; внушение; Б.Б. Кажинский; В.Л. Дуров

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-13

Для цитирования: Супрякова А.О. Возможности мысли в художественной интерпретации А.Р. Беляева («Властелин мира») и С.М. Беляева («Радио-мозг») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 163–173.

THE POWER OF THOUGHT IN ARTISTIC INTERPRETATION OF A.R. BELYAEV (*THE RULER OF THE WORLD*) AND S.M. BELYAEV (*THE RADIO-BRAIN*)

Anna O. Supryakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ao.supriakova@yandex.ru

Abstract: The science fiction idea about the potentiality for suggesting thoughts and feelings to another man at a distance, affected by electromagnetic waves, plays a key role in the A.R. Belyaev's novel *The Ruler of the World* (1926). It is associated with scientific research of this period, in particular, the research of B.B. Kazhinskiy on this and the experiments he did with the group of scientists (that included even the V.M. Bekhterev) in the Durov's Corner. Belyaev used Kazhinskiy's and Durov's works in his novel. In addition, he intentionally gave the main hero, who is the German adventurer and subordinates all the world to himself, a name of the popular philosopher known as a father of anarchic individualism, Stirner. S.M. Belyaev also used the scientific hypotheses of his contemporaries as the basis for making a fictional invention from the novel *The Radio-Brain* (1928). For the scientific circles's part, Kazhinskiy gave a special response to that work and wrote an afterword enunciating his own theory in it. It is shown which aspects of the works of both science fiction writers are real and which are fictional, how the episodes of these novels connected with similar science fiction ideas correlate, and to what degree the social problems as a result of suggesting thoughts and feelings against people's will are reflected there. The review of this phenomena seems current due to popularity of some technologies dealing with psychotronic weapon and artificial intelligence.

Keywords: A. Belyaev; S. Belyaev; science fiction; science-fiction novel; power of suggestion; B. Kazhinskiy; V. Durov

For citation: Supriakova A.O. (2025) The Power of Thought in Artistic Interpretation of A.R. Belyaev (*The Ruler of the World*) and S.M. Belyaev (*The Radio-Brain*). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 163–173.

Связь научно-фантастических романов с популярными идеями своего времени в первой половине XX века была явной. Даже очень смелые допущения о возможности манипуляции сознанием людей с помощью техники, показанные в романах А.Р. Беляева «Властелин мира» и С.М. Беляева «Радио-мозг», имели под собой основу, взятую из современной авторам научной литературы. Отдельные научно-фантастические детали в романах разнились, но было и общее.

В романе «Властелин мира» Беляев ставит парадоксальный, но крайне актуальный для XX века вопрос о гуманности в науке. Цивилизационная целесообразность технических открытий очевидна, но писатель сомневается в том, что общество, построенное на огра-

ничении посредством передовых технологий воли человека, будет гармоничным.

Роман «Властелин мира» впервые был напечатан в 1926 г. в газете «Гудок». Позже, в 1928 г., он вышел уже в другой версии: с одной стороны, она была расширена, с другой стороны, окончание романа здесь было другим и исчезли некоторые фрагменты (в частности, связанные с тем, что секты считали Штирнера либо мессией, либо антихристом [Бар-Селла 2013: 209]). В итоге социальных проблем в романе было представлено меньше, зато стала более заметной научная проблематика.

При этом суть научно-фантастической идеи романа осталась неизменной. В основу интриги положена идея подчинения людей (как отдельных индивидов, так и больших социальных групп) воле главного героя. Механизм подавления чужой воли — электромагнитное воздействие на мозг.

Вероятно, Беляева навели на эту идею труды современных ему ученых. Мысль о возможности осуществить передачу мыслей посредством аппарата, излучающего электромагнитные волны, пришла инженеру Б.Б. Кажинскому (1890–1962) и была поддержана и отчасти подтверждена опытами в «уголке Дурова» по внушению животным, на которых Кажинский, хотя и не с начала данных опытов, присутствовал. В романе Беляева есть как прозрачные аллюзии на факты биографии Дурова (1863–1934) и Кажинского и на отдельные случаи передачи мыслей и настроений, описанные в их книгах, так и прямые пересказы фрагментов из работы Кажинского «Передача мыслей: факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу» (1923). Писатель даже присваивает фамилии ученых своим героям, лишь немного изменив их (персонажей зовут Дугов и Качинский).

Скрытость научного метода позволяет главному герою романа Штирнеру долгое время управлять мыслями, желаниями, действиями окружающих его людей, оставаясь незамеченным. Это дает возможность ввести детективную интригу, придать ходу событий напряженность, обратить внимание читателя на научно объяснимые детали, мотивирующие поступки героев.

Когда Штирнер начинает противостоять уже даже не местному правительству, а всему миру, у него появляется антагонист — Качинский, который работает над развитием той же научной идеи в СССР. Его задачей и становится остановить пагубный проект Штирнера. От Качинского читатель впервые узнает о том, как осуществляется электромагнитное воздействие на человеческий мозг.

После ряда приключений, побежденный не фактически, но морально, Штирнер позволяет Качинскому ознакомиться с чертежами и другими важными записями, касающимися его уникальной технологии. Качинский находит дневник, в котором Штирнер рассказывает о последовательности действий, которые привели его к мысли о создании такого механизма.

В связи с тем, что рассказано в дневнике, стоит отметить, что вторым источником мотивировок сюжета могут быть разработки В.Л. Дурова. Штирнер, как и Дуров, занимался дрессировкой. И здесь целесообразно обратиться к книге Дурова «Дрессировка животных» (изданной в серии «Новое в зоопсихологии») (1924). Можно также отметить, что над ее созданием, а именно систематизацией исходного материала, как пишет автор, много потрудился инженер Кажинский.

Рассказывая о начале своих опытов, Дуров упоминает случай невольного внушения собаке мысли о нападении на хозяина [Дуров 1924: 255]. Тот же эпизод, лишь с измененными деталями, описывает в своем дневнике романый Штирнер [Беляев 2018: 151]. Дуров пришел к мысли о возможности внушения животным без слов, при помощи напряжения мысли [Дуров 1924: 260], детализированного мысленного представления того действия, которое должен совершить подопытный, вместе с передачей ему большого желания выполнить это действие. Ту же технологию применяет и Штирнер, экспериментируя на собаке, а затем и на людях [Беляев: 151, 155]. Параллели между двумя текстами можно продолжать.

Есть в мемуарах Дурова и сообщения о достижениях Кажинского, и протоколы совместных опытов. В разделе «Моя научная фантазия» Дуров сообщает, что Кажинский «предугадывает» открытие приборов, которые смогут не только регистрировать мысли, но даже создавать такие колебания, которые появляются при образовании мысли, т.е. создавать «искусственную мысль» [Дуров 1924: 306]. Протоколы опытов, проводившихся в «уголке Дурова», свидетельствуют, что Кажинский как научный сотрудник лаборатории предпринял попытку создания прибора, который смог бы задерживать «мысленные волны», но требовалась дальнейшая разработка этого механизма [Дуров 1924: 493].

Примечательно, что Дуров обращается к научной практике Кажинского. Но и Беляев соединяет Дурова и Качинского в эпизоде охоты. Причем компанию этим двум персонажам составляет Штирнер.

Рассказывает об открытиях Кажинского и В.М. Бехтерев (1857–1927), известнейший ученый, также участник опытов в «уголке Дурова».

Значимость роли, которую сыграли для создания романа работы академика Бехтерева (неизвестно, какие конкретно, возможно, его работы о внушении, «Коллективная рефлексология» (1921), «Общие основы рефлексологии человека» (1923), «Психология, рефлексология и марксизм» (1925), «Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства» (1916)), также стоит отметить. Бехтерев не только сам проводил некоторые внушения в «уголке Дурова», рассказывал в своих научных трудах об открытиях Кажинского, был крупным специалистом по рефлексологии, науке, значимой для романа, но и исследовал воздействие различных видов музыки на человека, в частности на ребенка. В романе же большую роль играют музыкальные произведения. Главный герой очень любит музыку, и звучащие в драматические моменты «Лебедь» Сен-Санса и «Полишинель» Рахманинова отмечают важные вехи в его жизни, различия в характере музыки подчеркивают и развивают разницу в настроении героев. Кроме того, Кажинский считает себя отчасти разработчиком идей Бехтерева [Кажинский 1923: 9, 11], ссылается также на гипотезу академика Лазарева [Кажинский 1923: 21]. Тех же ученых устами Кажинского называет Беляев в романе в ряду тех, кто доказывал электромагнитную природу мозговых и нервных колебаний [Беляев 2018: 130].

Таким образом, мы видим, что идеи Кажинского были значимы и популярны, по крайней мере, среди некоторой группы людей, занимавшихся активной научной деятельностью, они были поддержаны и развивались в их трудах.

Но вернемся к мемуарам Дурова. Рассказывая о психическом напряжении, которое возникало у него во время внушения животным, он описывает такие физические последствия этого состояния: упадок сил, головная боль, сердцебиение, болезненное сжатие сердца. Затем он приводит цитаты из научных работ, свидетельствующие, что мыслительной энергией люди одарены не в равной мере, а следствием ее траты является умственное утомление. В протоколах экспериментов в конце книги описывается в числе прочих опыт, который Дуров ставил над самим собой, — внушенная себе задержка сердцебиения [Дуров 1924: 372]. Его удачный эксперимент, тем не менее, завершился сильным ухудшением состояния испытуемого. Штирнер также одарен уникальной способностью тратить на внушение больше сил, чем обычные люди, платой же за это являются

нервное переутомление, проблемы с мозгом и с сердцем, приобретенные заболевания.

Не менее значим для авторской позиции мотив физического недомогания тех, кто является «биологическим материалом» исследования. Штирнер захватывает власть в Германии, частично воздействует и на другие страны и в ходе этого принуждает людей то впадать в панику, то нападать друг на друга в слепой ярости, шантажирует власти их бессилием повлиять на тех, кто находится под действием «мыслеприказов», принуждает рабочих к непрерывному труду и т. д. Состояние людей, вынужденных под влиянием электромагнитных волн совершать внушенные им поступки, особенно после того, как воздействие на их мозг резко прекращается, является доминантной проблемой романа. Очень ярок и нагляден художественный образ из главы, в которой близкие Штирнеру люди, в первую очередь попавшие под его власть, беседуют после того, как «очнулись» от наваждения. Межличностный конфликт нарастает, и в конце главы один из героев нечаянно разбивает аквариум и видит, как задыхаются на его дне без воды несчастные золотые рыбки [Беляев 2018: 170].

Итак, Беляев точен в деталях экспериментов Штирнера и в описании их физических последствий. Точен он и в изложении теоретических основ созданного Штирнером механизма. (Впоследствии братья Стругацкие в романе «Обитаемый остров» (1969) назовут подобный механизм «излучателем».) На страницах романа Беляев пользуется терминами (витки на конце фибриллярных нитей нейронов в роли соленоидов, «самоиндукция» и др.) и научными сведениями, почерпнутыми из работ Кажинского. Так, на странице 150 Штирнер пересказывает теоретический вывод Кажинского за номером III со страницы 22 его труда, на странице 130 романа Качинский в деталях описывает опыт, проведенный в реальности Кажинским и Дуровым [Дуров 1924: 275–277; Кажинский 1923: 24]. Есть и ряд других параллелей. Впрочем, Беляев искусно инкорпорирует элементы научной теории в художественный текст, не только в монологи отдельных героев, но и в краткие реплики в диалогах, даже в детали, описывающие изменение внешности, физического состояния, поступков персонажей, так что цитаты становятся неочевидными.

Очевидно, что Беляев не полемизировал с учеными. Но через образ Штирнера он показал свою тревогу по поводу социальных результатов, к которым может привести гений науки. Показателен дальнейший ход событий: Штирнер разочаровывается в социальных последствиях своего открытия и перепрограммирует свой мозг, по

сути, отказываясь от себя прежнего. Его переезд в СССР и совместная работа с Дуговым и Качинским, вероятно, объясняются социальным оптимизмом. По сути, в эпилоге высказана надежда на возможность гуманного применения научных достижений в формировании массового сознания советских граждан, тогда как в капиталистической Германии такое воздействие имело плохие последствия.

Идеи Кажинского сформировали и содержание романа С.М. Беляева «Радио-мозг». Он был опубликован в 1928 году и сопровождается послесловием Кажинского, в котором тот одобрительно отозвался о произведении и вновь подробно изложил свою теорию волнового воздействия на мозг. Возможно, импульсом к написанию «Радио-мозга» послужил «Властелин мира», опубликованный ранее в газете «Гудок». Но есть также и сведения, что «Радио-мозг» мог быть впервые опубликован в номерах «Рабочей газеты» за август–октябрь 1926 года, в то время как публикация «Властелина мира» произошла в октябре–ноябре 1926 года. Если эти данные верны, то связующим звеном между двумя произведениями могла быть одна популярная теория Кажинского.

При этом в «Радио-мозге» большой акцент сделан на том, что волны, излучаемые человеческим мозгом и позволяющие оказывать на него воздействие, очень коротки, таким образом привлекается внимание читателя к проблеме коротковолновой радиосвязи, которая позднее долго использовалась в XX веке для успешной передачи сообщений на дальние расстояния. Именно решение задачи передачи коротковолновых сигналов насколько возможно далеко, то есть в конечном счете опережение научного мира в решении научной задачи (как и в случае Штирнера), и оказывается преимуществом злодеев-капиталистов, вынашивающих в романе преступные замыслы.

Читатель сначала наблюдает за развитием параллельных сюжетных линий. У одного из персонажей крадут инструменты, «труп», назначенный для вскрытия, убегает с операционного стола, другой персонаж, живущий в Париже, уходит ночью из гостиницы, в ней происходит убийство, а персонаж попадает в некое аномальное пространство «сгущенного эфира», третий знакомится со странной соседкой и пытается разгадать тайну ночной музыкальной радиопередачи на очень коротких волнах. Постепенно эти линии сходятся: ученые из двух советских лабораторий начинают вести совместную работу над открытой одним из них технологией чтения мыслей по картине мозга, которую, в свою очередь, можно воспроизвести по расшифровке излучаемых мозгом «це-волн». Им мешают злодеи-

французы, братья Гричары, перехватившие изобретение и сумевшие усовершенствовать его быстрее, чем положительные герои, не имевшие таких больших средств. Советские ученые узнают о страшных экспериментах над дочерью одного из Гричаров и русским эмигрантом, который бежит от Гричаров и примыкает к советским исследователям. Пока длится гонка изобретений, параллельно ведутся попытки разыскать и физически обезвредить Гричаров и технологическая война: злодеи воздействуют своим «радио-мозгом» на мысли государственных деятелей, отечественные силы противостоят этому. Наконец Гричары погибают, но вместе с тем разрушается дом, в котором находится «радио-мозг». Таким образом, в этом романе применению новой технологии фактически положен конец.

Интересно, что Кажинский именно для романа «Радио-мозг» написал послесловие, в котором снова рассказал о своей теории, опытах в «уголке Дурова» и планах по созданию механизмов для улавливания мыслей и посылая искусственных «мыслительных» волн [Беляев 1928: 173–180].

Однако этот Беляев о Кажинском в тексте произведения не говорит. Помимо описания упомянутой и у А.Р. Беляева ионной теории Лазарева С.М. Беляев рассказывает о вкладе в изучение человеческого организма таких ученых, как Халлибёртон, Гурвич, Цваардемакерс, и других. Кроме того, он упоминает недавнее (1923 г.) открытие химического элемента гафния и превращает хлорокись гафния в значимую деталь повествования (вещество, позволяющее наглядно наблюдать картину живого возбужденного мозга и благодаря этому «читать» мысли). Стоит отметить, что в романе есть описания химических реакций, способствующих, по мнению писателя, образованию волн в мозге.

Также в «Радио-мозге» больше внимания уделено развитию детективной составляющей. Во «Властелине мира» важнее психологизм: автор подчеркивает трансформации в мировосприятии героев, житейские последствия их реакций на внушение, личную драму изобретателя и его жертв. С помощью психологизма писателю удастся передать и научную информацию о том, как процесс внушения отражается в сознании, каким образом внушенная мысль воспринимается как собственное желание того, кому ее внушают, и т. п. В «Радио-мозге» смещение акцента с психологических состояний персонажей способствует, с одной стороны, развитию сюжетной динамики, с другой стороны, усилению технической подоплеку научно-фантастической идеи. Внимание к деталям приковывает внезапный поворот сюжета с их участием (похищение миллиамперметров, дифракционной катушки из радиоприемника, перемена

состояния персонажа в голубом «сгущенном эфире», неожиданные перемещения героев в пространстве и т. п.).

Для создания заграждения от вражеских волн персонажи используют барьер, основанный на специфическом, сложном физическом явлении (Мелликэновскую зыбь микроволн [Беляев 1928: 150]), в отличие от защитных средств А.Р. Беляева, также основанных на физических свойствах конкретных материалов, но более понятных, не являющихся изобретениями, — шелковой занавески, металлической сетки.

Не так остро в «Радио-мозге» представлена социальная проблематика: поскольку борются между собой отдельные группы людей, воздействие на массы только предполагается.

В целом в этом романе дано, как кажется, больше сведений о разных научных и технических достижениях, чем во «Властелине мира», однако специфика воздействия на психику человека именно показанным в романе образом подчеркнута у А.Р. Беляева тем, что судьбы многих персонажей напрямую связаны с последствиями искусственного внушения, в то время как у С.М. Беляева от такого воздействия страдает только Илона Гричар, да и ее болезнь слабо конкретизирована и может быть объяснена не столько воздействием «це-волн», сколько потрясением, связанным с предательством отца, и общей слабостью нервной системы.

Наконец, злодеями в «Радио-мозге» создан не отдельный излучатель, а целый механизм с искусственными нервными волокнами, искусственно вызванными химическими реакциями. Радио-мозг по самому своему названию напоминает искусственный интеллект, создатели предполагают, что когда-то он начнет не только излучать, но и «думать», превзойдет человеческие интеллекты и победит их — как и в романе А.Р. Беляева, внушающим излучением, сталкивающим людей в «последней войне» [Беляев 1928: 160]. Правда, цели злодеев у С.М. Беляева более странны, чем у А.Р. Беляева: они хотят остаться одни на планете наедине с радио-мозгом. Планов о дальнейшем будущем, в отличие от героев А.Р. Беляева, у которых эти планы иногда подразумеваются, иногда высказываются, злобные персонажи С.М. Беляева не строят.

Таким образом, для обоих романов перспективной основой научно-фантастической идеи стали научные разработки того времени. Особенно теория Кажинского о возможности считывания и передачи (внушения) мыслей посредством устройств, принимающих, перекодирующих и направляющих электромагнитные волны, идентичные тем, которые возникают во время мыслительных процессов в мозге человека и животных. Стоит отметить, что в обоих произ-

ведениях, хотя масштаб показанного воздействия и различен, авторы делают акцент на социальных последствиях применения данной технологии, передают власть над ней в первую очередь тем персонажам, которые пользуются ей в целях захвата власти и подчинения себе воли других людей. Яркие художественные образы последствий такого злоупотребления, психологизм в описании самочувствия как положительных, так и отрицательных героев позволяет читателю ощутить драматизм показанной в произведениях ситуации, в то же время точные детали, иногда отступления, сообщают ему научные сведения о данном феномене. Любопытно, что А.Р. Беляев дает главному герою своего романа фамилию известного философа Штирнера, которого называют основателем философии анархического индивидуализма и с положениями которого, как принято считать, спорил Маркс в книге «Немецкая идеология». Тем самым к социальному конфликту добавляется философский и отчасти политический. Отрицательные ассоциации, сопутствующие применению центральной научно-фантастической разработки в большей части обоих романов, наводят читателя на размышления о том, возможно ли и целесообразно ли использование ее в благих целях, показанное в конце «Властелина мира», сосредотачивают внимание на авторской оценке Качинского и Дугова — персонажей, имеющих прототипами настоящих исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бар-Селла З. Александр Беляев. М., 2013.
2. Беляев А.Р. Властелин мира // Беляев А.Р. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М., 2018. С. 5–198.
3. Беляев С.М. Радио-мозг / С послесл. инж. Б.Б. Кажинского. М.; Ленинград, 1928.
4. Дуров В.Л. Дрессировка животных. Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему опыту (40-летний опыт). М., 1924.
5. Кажинский Б.Б. Передача мыслей: Факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу. М., 1923.

REFERENCES

1. Bar-Sella Z. Aleksandr Belyaev. Moscow, *Molodaya gvardiya Publ*, 2013. 428 p. (In Russ.)
2. Belyaev A.R. *Vlastelin mira* [The Ruler of the World]. In: Belyaev A.R. Collected works: in 6 vol. Moscow, Terra: Knizhnyi klub “Knigovek” Publ., vol 3, 2018, p. 5–198. (In Russ.)
3. Belyaev S.M. *Radio-mozg* [The Radio-Brain]. Moscow, Leningrad, *Molodaya gvardiya Publ*, 1928. 180 p. (In Russ.)
4. Durov V.L. *Dressirovka zhivotnykh. Psikhologicheskie nablyudeniya nad zhivotnymi, dressirovannymi po moemu opytu (40-letnii opyt)*. [Animal Training. The Psycho-

logical Surveillance over the Animals Trained on My Own Sistem (40-years Old]. Moscow, 1924. 504 p. (In Russ.)

5. Kazhinskii B.B. *Peredacha myslei: Faktory, sozdayushchie vozmozhnost' vznikaeniya v nervnoi sisteme elektromagnitnykh kolebaniy, izluchayushchikhsya naruzhu* [The Thoughts Transfer: Factors Allowing the Birth]. Moscow, "Novaya derevnya" Printing House, 1923. 26 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.06.2024

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 25.06.2025

Received 08.06.2024

Accepted 22.04.2025

Revised 25.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Анна Олеговна Супрякова — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ao.supriakova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna O. Supryakova — PhD Student, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ao.supriakova@yandex.ru

ТРАКТОВКИ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ СОФИСТОВ В ТРАГЕДИЯХ И.Ф. АННЕНСКОГО

Юй Сян

Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; yx-bfsu@yandex.ru

И.В. Монисова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; monisova2008@yandex.ru*

Аннотация: Как филолог, переводчик и драматург И.Ф. Анненский много времени посвятил изучению, переводу и толкованию произведений Еврипида и в собственном драматургическом творчестве откликнулся на его традиции. Известно, что Еврипид находился под влиянием софистов и был дружен с главными фигурами этого философского движения — Протагором и Продиком, а сам в пьесах не только использовал богоборческие мотивы и критику устоявшихся традиций, но и демонстрировал общие идеи софистов, включал в тексты софистические диалоги. «Русский Еврипид» Анненский принял во внимание приоритеты античного учителя и представил софистический дискурс в своих трагедиях. Именно восприятие Анненским Еврипида как мыслителя и суждение о нем как софисте мы прежде всего рассматриваем в данной статье. В ней также анализируются истоки трагических конфликтов пьес русского модерниста, которые рассмотрены как результат индивидуализации, отпадения личности от богов. Анализ сцен правосудия помогает установить авторское отношение к антитезе «природы» и «закона» в пьесах Анненского. В последних проявляется идея о чувственном восприятии мира как единственном источнике реальности и бытия. Мы приходим к выводу о том, что воплощение в драматургии некоторых идей софистов, как и в целом сближение «мира античного с современной душой» [Анненский 1959: 290], помогло Анненскому раскрыть духовный кризис современного человека, его экзистенциальное состояние. Оно также способствует пониманию лирического субъекта в его творчестве.

Ключевые слова: Анненский; Еврипид; софисты; трагедия; «Фамира-кифарэд»; «Лаодамия»; «Меланиппа-философ»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-14

Для цитирования: Юй Сян, Монисова И.В. Трактовки философских идей софистов в трагедиях И.Ф. Анненского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 174–189.

INTERPRETATIONS OF PHILOSOPHICAL IDEAS OF SOPHISTS IN THE TRAGEDIES OF I.F. ANNENSKY

Yu Xiang

Zhejiang University, Hangzhou, China; yx-bfsu@yandex.ru

Irina V. Monisova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; monisova2008@yandex.ru

Abstract: As a philologist, translator and playwright, I. Annensky devoted a lot of time to the study, translation and interpretation of the works of Euripides and responded to his traditions to a certain extent in his own dramatic work. As we know, Euripides was influenced by the Sophists and had close relations with the main figures of this philosophical movement, such as Protagoras and Prodicus. In his plays, he not only used theomachy motives and criticisms of longstanding traditions, but also demonstrated sophistic dialogues and the general ideas of Sophists. Annensky, “Russian Euripides”, had taken into account the priorities of his ancient teacher and presented sophistic discourses in his tragedies. It is this perspective: Annensky’s perception of Euripides as a thinker and his judgment of him as a Sophist — that we primarily consider in this article. It also analyzes the origins of the tragic conflicts in the plays of the Russian modernist: the spiritual struggles of characters are considered as the result of individualization, the assertion of a self-sufficient personality and its falling away from gods. Thirdly, the analysis of the justice scene helped to establish the author’s attitude to the antithesis of “nature” and “law” in Annensky’s plays. In the last part the idea of personal perception of the world as the only source of reality and being is revealed. The conclusions are as follows: embodying the ideas of the Sophists in plays helped Annensky reveal the spiritual crisis of modern man and to show his existential state, as well as contributed to understanding the lyrical subject in his work.

Keywords: Annensky; Euripides; Sophists; tragedy; *Famira the Kithara Player*; *Laodamia*; *Melanippe the Philosopher*

For citation: Yu Xiang, Monisova I.V. (2025) Interpretations of Philosophical Ideas of Sophists in the Tragedies of I.F. Annensky. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 174–189.

Еврипид-софист в трактовке Анненского

Еврипид, оказываясь в ряду самых выдающихся античных трагиков вместе с Эсхилом и Софоклом, считается наиболее современным по духу: его творчество касается вопросов свободы и равенства, политики и религии, эроса и человечности и сосредоточено прежде всего на человеке, его душевных состояниях и страстях. На характер его драматургии не в последнюю очередь повлияло то, что Еврипид, живший в период социальных и политических преобразований

в Афинах, был увлечен просветительским софистическим движением. Не только идеи Анаксагора глубоко воздействовали на него [Рассел 2016: 97], но и учение таких софистов, как Протагор и Продик. Анненский считает, что Еврипид софистику любил «серьезно» [Анненский 2007: 329] и был «рационалистом и даже философом сцены» [Анненский 2007: 101]. Знакомство с ведущими софистическими темами и доктринами и личные контакты с мыслителями этого круга стали предметом творческого освоения для драматурга и в разных формах реализовались в его пьесах. На это обращал внимание Д. Коначер, прослеживавший, как античный трагик «адаптирует и развивает эти идеи в соответствии со своей собственной драматургической темой, не строго соблюдая историческую точность»¹ [Conacher 1998: 25].

По утверждению Анненского, Еврипид позитивно относился к софистам и у него «были даже все данные, чтобы отлиться в форму крупного софиста: пытливость, ирония и скептическое бесстрашие» [Анненский 2007: 29], главные общие философские взгляды и жизненные прозрения Еврипида и софистов заключаются в отказе от поиска истины и соблюдения патриархальных устоев. При этом сам нерелигиозный Анненский имеет подобную духовную почву, демократические настроения и приверженность гуманизму, что родственно «скепсису Еврипида, отрицавшему разумность божественного промысла», его уверенности в «презумпции равенства людей и роли индивидуального сознания» [Корецкая 2001: 75]. Все это не позволяет Анненскому, которого Ф. Зелинский назвал «русским Еврипидом» [Зелинский 2018: 31], оставаться равнодушным к идеям и творчеству софистов.

Есть свидетельства, подтверждающие, что при переводе и интерпретации трагедий Еврипида Анненский уделял особое внимание софистскому дискурсу. К примеру, в предисловии к пьесе «Царь Иксион» Анненский пишет, что «Еврипид выводил Иксиона дерзким софистом, который в корне оспаривал идеи долга и добродетели» [Анненский 1959: 370]. В статье «Античная трагедия» Анненский по-своему перевел имя Прометея, заменив его на «софиста» в эпизоде, когда Гермес обращается к титану следующим образом: «Я говорю с тобой, софист, предрезностный, с тобой, который, погрешив перед богами, почтил людей, с тобой, похититель огня» [Анненский 1906: 14]. Этот перевод содержит очевидное отступление от мифа и позволяет вписать образ Прометея в культурный контекст, современный Еврипиду, превратив титана, похитившего огонь, в дерзкого вольнодумца. На самом деле слово «*παυούρου*» имеет значение

¹ Здесь и далее переводы с английского языка Юй Сяна.

«лукавый» и «хитроумный», и А.И. Пиотровский в своей версии перевода дает более точный вариант: «хитрец, насмешник сверхнасмешливый» [Эсхил 1989: 262]. В переводе трагедии Еврипида «Медя» Анненский снова применяет анахронизм, когда слово «σοφά» (мудрость) интерпретирует как «софист». Очевидно, что такие «оговорки» не случайны у Анненского и свидетельствуют о большом интересе к софистическому движению и связанным с ним культурно-философским идеям.

Мнение Анненского о философских взглядах Сократа также является убедительным доказательством того, что у поэта было глубокое понимание концепции софистов. В большинстве случаев Сократа не считают представителем этой группы мыслителей. Так, утверждается, что Платон описал Сократа «заклятым врагом софистов и всего, за что они выступали» [Kerferd 1981: 55] и связал его образ с моральной функцией, сделав его символической фигурой, «высочайшей и наиболее ценной для интеллектуальной традиции западной цивилизации» [Kerferd 1981: 55]. Но Анненский прозревал в Сократе общую с софистами духовную сущность, рассматривал его религиозный скептицизм, непочтение к афинским богам не как проявление демонического начала (в чем обвиняли Сократа), а как следствие научного мировоззрения, диалектических идей. Для Анненского Сократ — «своеобразный софист» [Анненский 2007: 121], что согласуется с оценкой философа многими современными учеными. Например, Грот склонен относить Сократа к этому кругу мыслителей, хотя тот всю жизнь «вел постоянную полемику с софистами» [Grote 2009: 539].

Итак, взгляды Анненского на софистов сформировались под влиянием Еврипида, и это способствовало включению соответствующих философских мотивов и идей в его драматическое творчество. Во-первых, гуманистический атеизм становится осью его трагедий; во-вторых, он расширительно понимает категорию «софист» — его «софисты» являются в пьесах под масками разных персонажей и играют разнообразные социальные роли. В-третьих, софизм воспринимается им не как систематизированный канон, а как практическая методология мышления, Анненский противник строгих установлений, он растворяет их в своем мощном скептицизме.

Атеизм как источник трагических коллизий

Наиболее цитируемым положением Протагора является утверждение о том, что «мерилом всего и всякого [истинно] является человек (человечность)» [Schiappa 2003: 121], это и считается главной идеей софистики и философским источником антропоцентризма, который привел к тому, что человек освободил себя от

теологии и оказался в условиях релятивизма без оправдания бога — а как результат сформировался и экзистенциальный кризис. Под влиянием софистов Еврипид также выступал как безбожник, и этот факт отразился, в частности, в комедии Аристофана «Лягушки», где в образе «софиста» узнаваемо для современников запечатлен Еврипид:

Умело их я обучил,
Пример для жизни показал,
В поэзию науку ввел
И здравый разум. Рассуждать
Теперь способны все про все...

[Аристофан 1974: 971]

Еврипид подвергался судебному преследованию за «богохульство» [Kerferd 1981: 169]: во многих его пьесах содержится различного рода критика в адрес богов. Анненский подтверждает, что трагик достаточно часто выражал атеистический скептицизм в своем творчестве — например, «устаи Беллерофонта оскорблял богов» [Анненский 2007: 122], а это привело к недовольству публики. Все персонажи Анненского, выйдя из Еврипидова Беллерофонта, не столько богоборцы, сколько софисты, которые «рассуждать способны все про всё», эмоционально и духовно развиты, подобны более современному человеку. Для них атеизм уже не стремление к мужественному бунтарству, как у героев Эсхила и Вяч. Иванова, скорее в трагедиях Анненского антропоцентризм вытесняет богоборчество, герои его выбрали свой жребий только по собственной воле, осознавая неизбежные ограничения и слабость земных созданий. Таким образом, они страдают не от воли бессмертных богов и непреодолимого рока, но от своей свободы, от безысходной страсти, то есть от себя и своего выбора. Внутренние противоречия такого рода развиваются в трагические коллизии, когда разум героя введен в заблуждение и это отражается на его поступках и состоянии.

Овдовевшая Лаодамия страдала от нереализованного брака, вела себя как Дионисова вакханка, превратила свои покои в некое театральное пространство, где она ласково «со статуей играла» [Анненский 1959: 470], которую, по словам кормилицы, лил из воска «мудрец». Она попала в сонный плен искусства мудреца — волшебный мир, который, по ее ожиданиям, осуществит всё, что неосуществимо в мире земном. Фантомное безумие оскорбляет аполлоническую гармонию.

Фамира, талантливый кифаред, считает свое искусство превыше всего, поэтому надменно бредит о том, чтобы состязаться с Музой Евтерпой и жениться на ней:

...Я буду как титан,
Похитивший с небес огонь, но людям
Я дам огонь и пищу, и нежней...

[Анненский 1959: 551]

Красноречивая Меланиппа стремится убедить своего отца остановить расправу над ее внебрачными детьми — ее аргументация, можно предположить, заимствована из натурфилософии Анаксагора, с ее помощью она отстаивает право любого земного творения на жизнь.

Грешник царь Иксион «и в золотых, и в темно-синих там глазах» видел «огни» и в них сам «зажигал желания» [Анненский 1959: 401], он «дерзко погубил всё», что небесные ему вручили, выбрал кубок бессмертия, стал новым богом и домогался Геры, за что был обречен на вечную пытку на огненном колесе.

Восковая статуя, музыка, софистика, дерзновение — символы и объективизация человеческой воли к власти, к праву на познание истины. Человек осознает себя как единственный мыслящий и творящий субъект в мире. Потомки Прометея замышляют, философствуют и творят, хотят своими действиями ниспровергнуть старую систему мироздания и установить новые мерилы мира.

Но все эти попытки тщетны. Лаодамия не смогла вернуть Протесилая и не в силах уверить Акаста в том, что мир ее грез реален. С невыносимой мукой она бросается в костер и оказывается сожженной, как «черная овца» [Анненский 1959: 506]. Фамира вместо Евтерпы увидел необъяснимый небесный мираж, и турнир не состоялся. Философское красноречие Меланиппы, отсылающее, как говорилось, к «рационалистической системе Анаксагора» [Анненский 1959: 308], не смогло гарантировать безопасность детей на судебном процессе. А царь Иксион есть самое верное доказательство того, что человек никогда не станет властителем своей судьбы.

По Анненскому, человек не может быть богом, он всегда ведом своими желаниями и волей, но не побеждает богов, а впадает в духовный хаос и разлад. Страдание как неизбежный результат существования человечества свидетельствует о пробуждении личности и затухании веры. Все бедствия индивидуализации происходят из-за этой двойственности (двойное отрицание) — герой отрицает богов, а потом осознает ограниченность своих возможностей, и теперь уже его «отрицает» его собственный жребий, обнажая конечность земного бытия. Трагизм Анненского заключается именно в данном двойном отрицании. Согласимся с мыслью исследователя, что у Анненского «страдание как наивысшее проявление чувства приводило человека к мгновению прозрения — наиболее полному осознанию себя и мира» [Хрусталева 1987: 60].

Действительно, Анненский не ищет для человека метафизического и божественного оправдания, у него нет символических соответствий земного с небесным, есть только разлад. Трагическое заключается в этом двойном отрицании антропоцентричности — только таким путем герой приобретает самодостаточность личного существования в эмпирическом мире. Страдание примиряется и разрешается в лирической интернализации и становится финальным знаком полноты личности. Вяч. Иванов увидел в этом устойчивую трагическую структуру неизбежного удела страдающих героев. Он отмечает «пафос расстояния» [Иванов 2007: 467] у Анненского (это понятие сам Иванов перенял из учения Ницше) и не согласен с ним, сравнивая эту делимитацию границ земной жизни человека с рабством. Вяч. Иванов неоднократно подчеркивает, что мир подлежит процессу становления от реального к реальнейшему (*a realibus ad realiora*), человек и бог у него всегда близки. Очевидно, что «пафос расстояния» противоречит этой идее и означает неизбежные разломы и изоляции, так как Анненский отрицал мысль о близости человека и бога и поместил в центр трагедии личность страдающего героя, а суть антропоцентризма состоит в «сознании невозможности счастья» [Корецкая 2001: 65]. Страдание телесное и мысленное — «славные муки», по Анненскому, — подтверждает бытие человека, его субъективную волю в проведении замыслов в эмпирическом мире. Страдание — антропоцентризм русского Еврипида — есть мерило индивидуума, который хочет в свою очередь стать мерилom вселенной. Недаром Вяч. Иванов считает, что Анненский, как античные скептики, «сомневался во всем, кроме одного: реальности испытываемого страдания» [Иванов 2007: 464], более того, теоретик символизма признавал Еврипида «первым трагиком личности» [Иванов 1974: 578]. Можно сказать, что Иванов уже заметил общие идеи софистического антропоцентризма у двух драматургов, но не успел обстоятельно раскрыть связи Еврипида и Анненского с древними мудрецами.

Антитеза «природы» и «закона» в основе правосудия

В пятом веке до н. э. вопрос о справедливости всегда связывался с двумя понятиями — природы (*phisis*) и закона (*nomos*), и эта антитеза, естественно, оказалась в центре внимания и стала популярной темой софистов. Даже внутри софистического движения были противоположные точки зрения на нее. Протагор как защитник рабовладельческой демократии считал, что закон выше природы. Он обращался к мифологии, чтобы объяснить свою позицию: кража Прометеем у Гефеста огня, напоминает он, принесла человечеству не только блага цивилизации, но и военное дело — вследствие это-

го Зевс послал Гермеса ввести «стыд и правду» среди людей. Таким образом, закон и традиции рассматриваются как приобретенный и общепризнанный общественный порядок. Это, по мнению Протагора, есть «необходимое условие для поддержания человеческого общежития» [Kerferd 1981: 126], так как закон представляет собой «руководящие принципы, установленные государством для того, чтобы указать своим гражданам границы, в пределах которых они могут передвигаться, не нарушая их» [Guthrie 1971: 68]. Другую позицию занимали Антифон и Калликл. Природа у Антифона рассматривается как «просвещенный эгоизм» (enlightened self-interest) [Guthrie 1971: 107], и только то, что способствует развитию прирожденных качеств, считается полезным. Закон иногда не только мешает, но и уничтожает мощь личной воли, он даже защищает поведение, которое причиняет людям больше боли, чем счастья, и приводит к несправедливости. В «Горгии» Платона Калликл выражает аналогичную точку зрения — неверно будет ограничить сильных, чтобы защищать слабых. Законы «устанавливают слабосильные», и ради собственной выгоды они сообщают, что «быть выше других постыдно и несправедливо» [Платон 1990: 523].

Анненскому также близка мысль о двойственности истины, он любил показывать подобные софистические дебаты и картины судебных процессов в своих пьесах. Его героям, оказавшимся в ловушке этической дилеммы, необходимо сделать выбор между сторонами и найти для себя оправдание. Ярким примером тому может служить суд над Меланиппой («Меланиппа-философ»), которая была обвинена в том, что родила внебрачных детей от Посейдона, и уверенно выступала в свою защиту. Отец ее, царь Эол, является стражем божественного закона и обычаев полиса, и потому он очень недоволен красноречием дочери:

Меж эллинских, коль ты Элладу чтишь,
Обычаев — такого я не помню,
чтоб с дочерью советовался царь.

[Анненский 1959: 348]

Услышав, что речь идет о его внуках, он не может вынести гнева и стыда, его слова не только направлены против дочери, но и звучат сарказмом в адрес группы мудрецов:

Законы в Элладе есть еще, и совесть также
к тем мудрецам босым покуда в их
дырявые мешки не уходила.

[Анненский 1959: 351]

Слова Эола содержат жесткую критику софистов, которые учили защите личных интересов и участию в общих делах. Подобный

этому мотив звучит и в пьесе «Лаодамия»: царь Акаст, отец Лаодамии, игнорирует духовные требования дочери, отказывается видеть в ее странном поведении что-то естественное и человеческое, поспешно осуждает дочь за ее богохульство в соответствии с законом и обычаями — и это становится непосредственной причиной гибели молодой царевны. Л. Силард точно сформулировала антитезу природы и закона, закрепленную в античной мифологии: «Женщина — представитель рода, мужчина — государства» [Силард 2002: 30]. Действительно, с одной стороны, государство (в лице Акаста и Эола, в частности) с целью обеспечения стабильности действующей системы выносит суждения в соответствии с установленными законами, которые подавляют родовую близость и природные потребности человека. С другой стороны, закон как механизм нередко не совпадает с личными интересами человека и больше не служит мерилom истины и справедливости, в некоторых случаях даже производит хаос и дисгармонию. По выражению Архелая, «справедливое и безобразное существует не по природе, а по установлению» [Диоген 1979: 108]. «Nomos» закрепляет противостояние позиций, которое не может быть разрешено в пользу «phisis». Поэтому у Анненского мужской род судей и богов всегда маркирует сторону насилия (Зевс, Посейдон, Эол и Акаст), а не выступает справедливым арбитром, как Афина в «Эвменидах». А женский род связан с природой — стороной попираемой. Защищая себя, героиня этого типа, Меланиппа, прибегает к софизму.

Под давлением закона даже самые близкие и родные, как кормилица Меланиппы, не могут настоять на правде, произнести справедливые слова — вынуждены смолчать («с тех пор — завесу на уста» [Анненский 1959: 321] — те же слова звучат и в переводе Анненским «Гекубы»). Судья состязания в трагедии «Фамира-кифарэд», Силен, также советует герою покориться закону, ибо «полярной никто звезды не сдвинет...» [Анненский 1959: 564]. Слабые узнавали правду, но ее обходили, так как боялись связанного с ней чего-то непонятного, страшного и катастрофического.

Сильная волей и умом, Меланиппа использует в защитной речи на суде софистическое искусство: во-первых, она опирается на учение Анаксагора и утверждает, что дух живет во всем и живет все [Анненский 1959: 345]; во-вторых, она подвергает сомнению величие богов: «...иль и богов... на грешный путь не уводили страсти?» [Анненский 1959: 347]. В конце концов Меланиппа выдвигает весомый аргумент — что ее тоже тайком родила Гиппа в ночном лесу, как и она своих детей. Героине удалось потеснить власть отцовского патриархального законодательства и заявить о правдивости жизни и природы. Анненский придал образу героини черты философа-со-

фиста, который силой разума и убеждения готов заступиться за слабых и «низших», найти путь к защите собственных интересов и стремится к освобождению природы личности от оков институционального насилия.

Чувственное познание как мерило истины

По мнению А. Лосева, искусство для софистов есть «насквозь субъективная деятельность» [Лосев 2000: 13], ибо нет никакого порядка и закона в природе, лежащей в основе творчества, — получается, что искусство есть чисто эмпирическая случайность. В «Софисте» Платона Чужеземец определил искусство софиста как подражание, «творящее призраки и с помощью речей выделяющее в творчестве не божественную, но человеческую часть фокусничества» [Платон 1990: 345]. Другими словами, софист не стремится к подражанию надмирному и изображению божества, к слиянию личности и вселенной, к единству души и истины, как это делают философы и писатели-символисты, которые заботятся о вечности, стараясь установить родственную связь человека с богом и явить в человеческом теле божественный корень.

Для софистов человек — сам творец, он творит по собственным принципам и пониманию, целью его творчества не является служение богу и визуализация недостижимого образа бессмертных. С одной стороны, по мысли Протагора, «душа есть чувства и больше ничего... все на свете истинно» [Диоген 1979: 375], человек творит не по мистическому наитию и вдохновению свыше, а благодаря своей природной чувственности. С другой стороны, как замечает мифолог Х. Блюменберг, потенциальный антагонизм между софизмом и философией именно в том, что первый подтверждает способность человека априори к свободной творческой деятельности, которая есть «необходимость самой природы» [Blumenberg 1985: 329] и проявление избытка жизненной силы.

В драматургии Анненского герои не марионетки вечности, а прежде всего творящие субъекты, выражение живой избыточной чувственности, они ставят себя на место творца самодостаточной истины. Этим нежеланием воплощать в творчестве религиозно-философскую иерархию Анненский существенно отличается от символистов, на что указывают многие исследователи: «Если для символистов постижение запредельного было возможно в творческом экстазе и являлось, по сути дела, основной целью искусства, то... у него существование иного мира всегда оставалось под вопросом, что служило постоянным источником его лирико-философских медитаций» [Кихней, Ткачева 1999: 8]. У софистов «чувственное познание индивида является единственным источником реальности»

[Conacher 1998: 72], и Еврипид уже в «Елене» представляет такой знаковый момент: Гера создает призрак Елены, чтобы его вместо оригинала забрали в Троию, а настоящая спартанская царевна никогда не была похищена. Можно сказать, «мотив ошибочной идентификации» есть отклик или даже пародия на идею софистов о первичности индивидуального чувственного восприятия в качестве критерия истины и реальности. С этим связана также проблема (не)надежности речи в выражении этой реальности. «Фантом Елены» как символ такого восприятия и персонального сотворения истины стал в театре Анненского одним из важнейших мотивов — в каждой его пьесе появляются призраки, видоизменения «фантома Елены».

Лаодамия из одноименной пьесы — один из культурных знаков Серебряного века, символ неугасимой любви и страсти, представитель рода и хтонических сил [Силард 2002: 30]. Героиня тоскует по погибшему мужу и принимает призрак за живого Протесилая. Под пером символиста Ф. Сологуба («Дар мудрых пчел») Лаодамия как теург заключает договор с Афродитой, приносит жертвоприношение Дионису с целью вернуть мужа из Аида и «возрождает» его в восковой статуе. В концепции символизма человек не сотворит чуда, это возможно только при участии богов, иначе земное творение останется мертвой формой без души. Но у Анненского Лаодамия вся захвачена галлюцинацией, царица не принимает мир без возлюбленного как реальный и материальный, всё, что она видит, превращается в мираж под воздействием лирической чувственности. Она шепчет статуе «мечтательно и робко» [Анненский 1959: 470], искренне верит в подлинность окружающих ее иллюзорных картин, пока Гермес не открывает ей горькую истину перед уходом тени Протесилая на рассвете. Ночной мир — мертвый, населенный тенями, но для Лаодамии истинный, а день и жизнь есть «обманы». Она жаждет заменить реальное иллюзией, мир света миром ночи и смерти, стремится в воспоминаниях превратить жизнь в сон и фантом:

Из скольких глаз, со скольких нежных лир
Желания теперь струятся волны...
О, если бы один волшебный мир
Из них создать могла я, прошлым полный.

[Анненский 1959: 476]

Галлюцинация становится для героини единственным мерилем жизни, в положении внутренней дисгармонии и безвыходной страсти «фантом Елены» — «мотив ошибочной идентификации» — оказывается идеальной возможностью примирения хаотичной

души с реальностью. Для трагической личности Анненского чувственность и произведенная ею иллюзия здесь есть способ освобождения личности от экзистенциальной дилеммы. Как пишет исследователь, «само существо трагического пафоса для Анненского связано в первую очередь с психологическими коллизиями» [Петрова 2002: 32].

Царь Иксион после сожжения тестя заживо отправился скитаться, и все время ему снилось его страшное преступление. Героя, которому «выход нужен» [Анненский 1959: 387], простил и приблизил Зевс, но надменный царь, выпив амброзию из золотого кубка, возжелал освободиться от духовного наказания и стать равным богам. Божественное вино подтолкнуло его к дерзким поступкам — Иксион влюбился в Геру и флиртовал с ней. Гера, как и в «Елене» Еврипида, повелела Апате, богине обмана, «из нежного эфира и с любовью» [Анненский 1959: 430] изготовить Иксиону свой призрак, чтобы он утешался иллюзией.

Мотив призрака возлюбленного (возлюбленной) — это высшее проявление субъективной творческой и познавательной деятельности героя у Анненского. Фантом Елены, которым восхищался Менелай, говоря, что «такого... еще не видел сходства» [Еврипид 1999: 92], есть «вторая правда» человеческого бытия: это воплощение того, что необходимо, но одновременно недостижимо. Герой видит свою «Елену» (в каких бы обликах этот мираж ни представал от пьесы к пьесе), как софист видел «единственный источник реальности» [Conacher 1998: 69], тело находит свою душу и энтелехию. Это же состояние на время умиряет духовную жажду, дает временное освобождение от власти страстей.

В кругу софистов была общепринятой мысль о том, что «нет никакой реальности, стоящей за явлением и независимой от него, нет разницы между явлением и бытием, человек является судьей своих собственных впечатлений» [Guthrie 1971: 186]. В этом заключается кредо Фамиры-Кифарэда из одноименной пьесы Анненского, который дерзает состязаться в искусстве с Музой. Кифара — собственное мерило жизни Фамиры, а музыка — слова для выражения его истины. Однако желание человека противопоставить свое искусство музыке небес обернулось тем, что он даже не смог понять свое видение:

Не объясню я, что со мной было:
Глядел ли я иль слушал? Облака ль
Там надо мной звучали, или струны
Рождали в небе формы, а закат
Был только нежной гаммой?

[Анненский 1959: 560]

Божественное творение остается для Фамиры необъяснимым и непостижимым. Анненский закрепляет разрыв между истиной человеческой и небесной, и никакой корреляции между ними нет. С другой стороны, судья состязания — Папа Силен, религиозный философ, проповедует музыканту: «Покорись всеобщему закону» [Анненский 1959: 564], как Некто у Андреева говорит Анатэме: есть то, что «не мерою измеряется, и не числом вычисляется, и не весами взвешивается» [Андреев 1994: 468]. Фамира проиграл не потому, что его искусство хуже, а потому, что есть две истины — видимая, материальная, и скрытая, есть и два пути их изображения. Софист не стремится к первопричине космоса, реальность и эмпирические опыты для него есть истинный оригинал. Знание, культура, искусство — все умственные творения полезны только тогда, когда они становятся способами управления жизнью. Но Фамира-мудрец об этом не знал, игнорировал значение своего таланта в земной жизни, только мечтал о заключении брачных уз между своей музыкой и заоблачной истиной. Получился величественный мираж, из которого так и не явилась ему чистая фигура невесты. Его личная беда есть и великое несчастье человека, который пытается соотнести собственные мерила истины с божественной тайной. Его судьба чревата трагедией, как говорит у Анненского Силен, «мудрец — по струнам плачет» [Анненский 1959: 565].

Заключение

Во время разложения древнегреческой космологии [Лосев 2000: 11] софисты стремились к новому определению субъективности и личности человека. Драматургия Еврипида глубже всего отразила новый взгляд на человека, она является живым отголоском софистического движения [Иванова 2010: 97]. На долю Анненского также пришелся исторический период переоценки ценностей — как все интеллигенты, он искал путь решения экзистенциальных и общественных проблем современности и полагал, что искусство эллинского мира «может дать устойчивый, целостный этический и эстетический идеал и в целом стать ориентиром в развитии личностной и социальной психологии» [Петрова 2002: 128]. Он улавливал отзвуки в произведениях великих трагиков древности и в шутку говорил, что «Еврипид перевоплотился в него» [Мухин 1909: 609]. Трагические персонажи Анненского есть самые живые, современные и вместе с тем «вечные» характеры [Еврипид 1999: 597], а не те, кто, по словам Апаты, «слаб и надменен» и является «подражанием олимпийцев» [Анненский 1959: 425]. Творческая мотивация Анненского во многих смыслах коренится в антропоцентризме греческого просвещения.

С другой стороны, идеи софистов касаются не первопричины космической и вечной, а того, что формирует сомнения и противоречия, способствует становлению личности. Соответственно, вместо морального монизма теодицеи Анненский создает мир полифонизма, где действуют два начала, две правды и человек творит свою истину, создает статую по своему образу и чувству, отвечает за себя и проживает свою судьбу. Анненский уже видел это в Еврипиде, считал его родным и близким человеку начала XX века, сознание которого расщеплено сосуществованием разных правд [Хрусталева 1987: 60] и который обречен на трагическую безысходность. В этом можно видеть происхождение современного трагизма Анненского из духа античных софистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М., 1994.
2. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1959.
3. Анненский И.Ф. Театр Еврипида. СПб., 2007.
4. Анненский И.Ф. Театр Еврипида в трех томах. Т.1. СПб., 1906.
5. Аристофан. Избранные комедии. М., 1974.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
7. Еврипид. Трагедии. В 2-х т. Т. 2. Перев. Иннокентия Анненского. М., 1999.
8. Зелинский Ф.Ф. Еврипид и его трагедийное творчество: научно-популярные статьи, переводы, отрывки. СПб., 2018.
9. Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи. М., 2007.
10. Иванов В.И. Собрание сочинений. В 4 т. Т. II. Брюссель, 1974.
11. Иванова Л.В. Философские воззрения софистов в трагедиях Еврипида // Царскосельские чтения. 2010, № XIV, Т. I. С. 97-100.
12. Кихней Л., Ткачева Н. Иннокентий Анненский: Вещество существования и образ переживания. М., 1999.
13. Корецкая И.В. Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Книга 2. М., 2001.
14. Лосев А.Ф. История античной эстетики: софисты, Сократ, Платон. М., 2000.
15. Мухин А.А. И.Ф. Анненский (некролог) // Гермес. 1909. Т. V, № 20 (46), 15 декабря, с. 608–612.
16. Петрова Г.В. Творчество Иннокентия Анненского. Великий Новгород, 2002.
17. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1990.
18. Рассел Б. История западной философии. М., 2016.
19. Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002.
20. Хрусталева О.О. Русский театр и драматургия эпохи революции 1905–1907 годов. Л., 1987.
21. Эсхил. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989.
22. Blumenberg H. Work on myth. Cambridge, 1985.
23. Conacher D.J. Euripides and the Sophists: Some Dramatic Treatments of Philosophical Ideas. London, 1998.
24. Guthrie W.K.C. The Sophists. London, 1971.
25. Grote G. A History of Greece. Vol. 5. New York, 2009.
26. Kerferd G.B. The Sophistic Movement. London, 1981.

27. Schiappa E. Protagoras and Logos: A Study in Greek Philosophy and Rhetoric. Columbia, 2003.

REFERENCES

1. Andreyev L.N. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: In 6 vols. Vol. 3. Moscow: *Khudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1994. (In Russ.)
2. Annenskiy I.F. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and Tragedies]. Leningrad: *Sovetskiy Pisatel' Publ.*, 1959. (In Russ.)
3. Annenskiy I.F. *Teatr Evripida* [Theatre of Euripides]. Saint Petersburg: *Hyperion Publ.*, 2007. (In Russ.)
4. Annenskiy I.F. *Teatr Evripida: v tryoh tomah* [The Theatre of Euripides: in Three Volumes]. Vol. 1. Saint-Petersburg: *Prosveschenie Publ.*, 1906. (In Russ.)
5. Aristophanes. *Izbranniye komedii* [Selected Comedies]. Moscow: *Khudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1974. (In Russ.)
6. Diogenes Laertius. *O Zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenitihykh filosofov* [The Lives, Opinions, and Remarkable Sayings of the Most Famous Philosophers]. Moscow: *Mysl'*, 1979. (In Russ.)
7. Euripides. *Tragedii* [Tragedies]. V 2 t. T. 2. Perv. Innokentiya Annenskovo [In 2 vols. Vol. 2. Translated by Innokentii Annensky]. Moscow: *Ladomir Publ.*, *Nauka Publ.*, 1999. (In Russ.)
8. Zelinskiy F.F. *Evripid I ego tragediynoe tvorchestvo: nauchno-populyarnye stat'i, perevody, otryvki* [Euripides and his Tragic Work: Popular Articles, Translations, Excerpts]. Saint Petersburg: *Aleteyya*, 2018. (In Russ.)
9. Ivanov V.I. *Po zvezdam. Borozdyy i mezhi* [By the Stars. Furrows and Boundaries]. Moscow: *Astrel' Publ.*, 2007. (In Russ.)
10. Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 4 vols. Vol. II. Brussels: *Zhizn' s Bogom Publ.*, 1974. (In Russ.)
11. Ivanova L.V. *Filosofskie vozzreniya sofistov v tragediyah Evripida* [The Philosophical Views of the Sophists in the Tragedies of Euripides]. *Tsarskosel'skie chteniya*. 2010, №XIV, Vol. I. P. 97–100. (In Russ.)
12. Kihney L., Tkacheva N. *Innokentii Annenskii: Veshchestvo sushchestvovaniia i obraz perezhivaniia*. [Innokenty Annensky: The Substance of Existence and the Image of Experience]. Moscow: *Dialog-MSU Publ.*, 1999. (In Russ.)
13. Koretskaya I.V. *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-h godov.)* Kniga 2. [Russian Literature of the Turn of the Century (1890s — early 1920s). Book 2]. Moscow: *Nasledie Publ.*, 2001. (In Russ.)
14. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki: sofistiy, Sokrat, Platon* [The History of Ancient Aesthetics: Sophists, Socrates, Plato]. Moscow: *AST Publ.*, 2000. (In Russ.)
15. Mukhin A.A. I.F. Annensky (obituary). *Hermes*. 1909. Vol. V, No. 20 (46), December 15, pp. 608–612. (In Russ.)
16. Petrova G.V. *Tvorchestvo Innokentii Annenskogo*. [Works of Innokenty Annensky]. Veliky Novgorod: *Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 2002. (In Russ.)
17. Plato. *Sobranie sochineniy v chetyrykh tomah* [Collected works in four volumes]. Vol. 1. Moscow: *Mysl' Publ.*, 1990. (In Russ.)
18. Russell B. *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy]. Moscow: *AST Publ.*, 2016. (In Russ.)
19. Silard L. *Hermetizm i hermenevtika* [Hermeticism and Hermeneutics]. Saint Petersburg: *Ivan Limbakh Publ.*, 2002. (In Russ.)
20. Khrustaleva O.O. *Russkiy teatr i dramaturgiya epohi revolyutsii 1905–1907 godov* [Russian Theater and Drama of the Revolution Era of 1905–1907]. Leningrad: *LGIT-MIK Publ.*, 1987. (In Russ.)

21. Aeschylus. *Tragedii v perevode Vyacheslava Ivanova* [Aeschylus. Tragedies translated by Vyacheslav Ivanov]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1989. (In Russ.)
22. Blumenberg H. *Work on Myth*. Cambridge, *The MIT Press*, 1985.
23. Conacher D.J. *Euripides and the Sophists: Some Dramatic Treatments of Philosophical Ideas*. London, *Duckworth*, 1998.
24. Grote G. *A History of Greece*. Vol. 5. New York: *Cambridge University Press*, 2009.
25. Guthrie W.K.C. *The Sophists*. London: *Cambridge University Press*, 1971.
26. Kerferd G.B. *The Sophistic Movement*. London, *Cambridge University Press*, 1981.
27. Schiappa E. *Protagoras and Logos: A Study in Greek Philosophy and Rhetoric*. Columbia, *University of South Carolina Press*, 2003.

Поступила в редакцию 02.10.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 02.10.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРАХ

Юй Сян — PhD, ассистент-профессор факультета азиатско-европейских языков Школы иностранных языков Чжэцзянского университета; yx-bfsu@yandex.ru

Ирина Владимировна Монисова — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; monisova2008@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yu Xiang — PhD, Assistant Professor, Faculty of Asian-European Languages, School of International Studies, Zhejiang University; yx-bfsu@yandex.ru

Irina V. Monisova — PhD, Associate Professor, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; monisova2008@yandex.ru

К ЮБИЛЕЮ И.С. УЛУХАНОВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И.С. УЛУХАНОВА

Е.В. Петрухина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; elena.petrukhina@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена И.С. Улуханову, российскому лингвисту, доктору филологических наук, профессору, в недавнем прошлом главному научному сотруднику отдела древнерусского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, специалисту по истории русского литературного языка, словообразованию, морфемике, лексикологии и грамматике современного русского языка, лауреату Государственной премии СССР, члену авторского коллектива «Русской грамматики» (1980 г.).

Ключевые слова: И.С. Улуханов; юбилей; словообразование; исчислительно-объяснительный метод

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-15

Для цитирования: Петрухина Е.В. Объяснительные лингвистические методы И.С. Улуханова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 190–195.

EXPLANATORY LINGUISTIC METHODS OF I.S. ULUKHANOV

Elena V. Petrukhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; elena.petrukhina@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to I.S. Ulukhanov, a Russian linguist, Doctor of Philology, Professor, and until recently, Chief Researcher of the Department of Old Russian Language at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. He is a specialist in the history of the Russian literary language, word formation, morphemic, lexicology, and the grammar of modern Russian. He is a laureate of the USSR State Prize and a member of the authorial team of *The Russian Grammar* (1980). The author of the article pays particular attention to I.S. Ulukhanov's innovative linguistic methods.

Keywords: I.S. Ulukhanov; anniversary; word formation; calculative-explanatory method

31 мая 2025 г. Игорю Степановичу Улуханову исполнилось 90 лет. В данной статье кратко анализируются основные направления, результаты и методы научной работы И.С. Улуханова. Юбиляр после окончания в 1958 г. русского отделения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова почти 65 лет проработал в отделе древнерусского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (до 2022 г.), совмещая научную работу с преподавательской. На филологическом факультете МГУ И.С. Улуханов преподавал с 1976 по 1981 год. Читал общий курс «Словообразование современного русского языка» и вел спецсеминар на эту тему для студентов филологического факультета и для преподавателей русского языка на курсах повышения квалификации, на которых он читал также лекции по истории русского литературного языка. И.С. Улуханов является автором более 300 научных работ, посвященных как современному русскому языку, так и его истории, в том числе десяти монографий, больших разделов в трех академических грамматиках русского языка (1970, 1980, 1989); в течение многих лет принимал активное участие в создании «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)».

Идеи и лингвистические труды И.С. Улуханова изучаются студентами филологического факультета МГУ и в настоящее время, в частности они анализируются в рамках курса лекций и семинарских занятий по русскому словообразованию автора данной статьи. Большой интерес вызывают принципы определения словообразовательной семантики аффиксов, а также их система, представленная в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» (написанном в соавторстве с В.В. Лопатиным, 2016 г.), и уникальный «исчислительно-объяснительный метод» описания словообразовательной системы русского языка (подробнее см. ниже). На филологическом факультете известны также работы И.С. Улуханова по истории русского языка, в которых рассматриваются вопросы разграничения старославянизмов, церковнославянизмов и исконно русских языковых единиц и элементов и семантического преобразования славянизмов в русском языке [Улуханов 2015, 2012, 2010].

Целесообразно здесь рассмотреть некоторые идеи и методы исследований И.С. Улуханова, прежде всего в области русского словообразования. Его труды отличают такие черты, как системность и

целостность, когда изучаются и описываются не только фрагменты системы или отдельные ее элементы, но русское словообразование в его полноте со всеми формантами, способами и типами, см. [Улуханов 1996, 2005, 2015, 2017; Улуханов, Лопатин 2016].

Словообразовательная система русского языка в работах И.С. Улуханова описывается как «совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустуют»)» [Улуханов 1996: 7]. Заявленный исчислительно-объяснительный подход к исследованию русской словообразовательной системы позволяет определить основные направления как узуальной, так и незузуальной (в терминологии И.С. Улуханова окказиональной) деривации. При этом, согласно данным И.С. Улуханова, количество окказиональных способов словообразования, превосходит количество узуальных способов более чем в 2 раза (соответственно 53 и 26). Исследователь впервые подробно описал систему редеривации, активизировавшейся в современном русском языке XXI века: десуффиксацию, депрефиксацию, депостфиксацию, десубстантивацию [Улуханов 1996: 3–50], а также смешанные окказиональные способы, включающие редеривацию. В частности, выявлены такие способы, как десуффиксация + суффиксация + постфиксация (*самообразоваться* от *самообразование*), десуффиксация + постфиксация (*коленипреклониться* от *коленипреклоненный*) [Улуханов 1996: 80–84].

Исчислительно-объяснительный метод был применен также к исследованию словообразовательной системы русского глагола в двухтомной монографии И.С. Улуханова [Улуханов 2015, 2017], где представлено полное описание способов образования глаголов в современном русском языке, подробнее см. [Петрухина, Ремчукова 2020].

Большой интерес лингвистов вызывают исследования И.С. Улухановым словообразовательной мотивации и ее типов, в частности его концепция объяснительного описания русского языка, когда при изучении синхронных связей и отношений между языковыми явлениями учитываются диахронические процессы и данные о происхождении языковых элементов. «Синхронно-диахроническим описанием целесообразно считать не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого» [Улуханов 2005: 18–19]. В рамках такого подхода была разработана

теория степеней мотивированности производных слов [Улуханов 2005: 50–60]. «Частичное сохранение компонентов значения производящего в значении производного» И.С. Улуханов связал со 2-й степенью мотивации, которую можно проиллюстрировать следующим примером. «У слов *лик* и *безликий* при ослаблении мотивационных связей сохранился общий семантический элемент ‘индивидуальная форма’: *лик* его выражает, *безликий* отрицает. Ср. толкование этих слов в (Ожегов, Шведова 1992): *лик* — 1. Лицо (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах. 2. перен. Внешние очертания, видимая поверхность чего н. (книжн.); *безликий* — лишенный своеобразия, ярких, индивидуальных, характерных черт» [Улуханов 2005: 57].

Исследования И.С. Улуханова широко известны за рубежом и оказали большое влияние на изучение славянского словообразования, в частности на работу Словообразовательной комиссии при Международном комитете славистов, которую И.С. Улуханов основал и возглавлял с 1994 по 2008 г., подробнее см. в [Ohnheiser 2000; Петрухина 2025].

Как представляется, концепция объяснительного синхронно-диахронического описания русского языка И.С. Улуханова заслуживает специального и более подробного изучения. В некоторых случаях при интерпретации синхронных связей, отношений между языковыми единицами и элементами и их сочетаемости необходимо учитывать данные о происхождении лексем, формантов и словообразовательных моделей, об истории изменения их семантики и функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.
2. Петрухина Е.В. Актуальные вопросы русского и чешского внутриглагольного словообразования (системно-функциональное сопоставление) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2025. № 2. С. 133–144.
3. Петрухина Е.В., Ремчукова Е.Н. Монография И.С. Улуханова «Глагольное словообразование современного русского языка». Т. 1, 2. М., 2015, 2017 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 2. С. 184–188.
4. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами. М., 2017.
5. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М., 2015.
6. Улуханов И.С. О языке Древней Руси. М., 2015 (4 изд.)
7. Улуханов И.С. Словообразование. Морфонология. Лексикология. М., 2012.
8. Улуханов И.С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. М., 2012.

9. Улуханов И.С. Славянизмы в русском языке. М., 2010 (2 изд.).
10. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.
11. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
12. Ohnheiser I. (red.) Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem — interdisziplinär als Forschungsgegenstand. Innsbruck, 28.9.–1.10.1999. Igor' Stepanovič Uluchanov zum 65. Geburtstag. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee | Innsbruck: Inst. für Sprachwiss., 2000 (= Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft: Slavica Aenipontana; Bd. 10).

REFERENCES

1. Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo iazyka* [Dictionary of word-forming affixes in modern Russian]. Moscow: Azbukovnik, 2016. (In Russ.)
2. Ohnheiser I. (red.) *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem - interdisziplinär als Forschungsgegenstand*. Innsbruck, 28.9.–1.10.1999. Igor' Stepanovič Uluchanov zum 65. Geburtstag. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee | Innsbruck: Inst. für Sprachwiss., 2000 (= Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft: Slavica Aenipontana; Bd. 10). (In German)
3. Petrukhina E.V. Aktual'nye voprosy russkogo i cheshskogo vnutriglagol'nogo slovoobrazovaniia (sistemno-funktional'noe sopostavlenie) [Current issues in Russian and Czech intra-verbal word formation (systemic-functional comparison)]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, №2, 2025, pp. 133–144. (In Russ.)
4. Petrukhina E.V., Remchukova E.N. Monografiia I.S. Ulukhanova «Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo iazyka». T. 1, 2. M.: Azbukovnik, 2015, 2017 [The monograph by I.S. Ulukhanova "Verb formation in modern Russian". Volumes 1 and 2. M.: Azbukovnik, 2015, 2017]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9: Filologiya*, № 2, 2020, pp. 184–188. (In Russ.)
5. Ulukhanov I.S. Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo iazyka. T. 2: Glagoly, motivirovannye glagolami [Verb formation in modern Russian. Volume 2: Verbs motivated by verbs]. Moscow: Azbukovnik, 2017. (In Russ.)
6. Ulukhanov I.S. Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo iazyka. T. 1: Glagoly, motivirovannye imenami i mezhdometiiami [Verb formation in modern Russian. Volume 1: Verbs derived from nouns and interjections]. M.: Azbukovnik, 2015. (In Russ.)
7. Ulukhanov I.S. *O iazyke Drevnei Rusi* [About the language of Ancient Rus]. Moscow: URSS, 2015 (4 izd.). (In Russ.)
8. Ulukhanov I.S. *Slovoobrazovanie. Morfonologiya. Leksikologiya* [Word formation. Morphophonology. Lexicology]. Moscow: Logos, 2012. (In Russ.)
9. Ulukhanov I.S. *Istoricheskoe slovoobrazovanie. Istoricheskaya leksikologiya* [Historical word formation. Historical lexicology]. M.: LEKSURUS, 2012. (In Russ.)
10. Ulukhanov I.S. *Slavianizmy v russkom iazyke* [Slavicisms in the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 2010 (2 izd.). (In Russ.)
11. Ulukhanov I.S. *Motivatsiia v slovoobrazovatel'noi sisteme russkogo iazyka* [Motivation in the word formation system of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 2005. (In Russ.)
12. Ulukhanov I.S. *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo iazyka i ikh leksicheskaya realizatsiia* [Units of the Russian language word formation system and their lexical realization]. Moscow: LKI, 1996. (In Russ.)

Поступила в редакцию 05.05.2025

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 25.06.2025

Received 05.05.2025

Accepted 17.06.2025

Revised 25.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Елена Васильевна Петрухина — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; elena.petrukhina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Petrukhina — Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; elena.petrukhina@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПОЛНЫЙ КУРС СЕРБСКОГО ЯЗЫКА / С.С. ЗИМОДРО, С. МИЛИЧЕВИЧ, Е.И. ЯКУШКИНА. М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ, 2023. 560 с.

А.И. Изотов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; a.i.izotov@mail.ru*

Аннотация: В рецензии обсуждается учебник сербского языка (уровни А1-А2/В1), подготовленный профессором кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Е.И. Якушкиной в соавторстве с выпускницей факультета С.С. Зимодро и преподавателем Банялукского университета (Республика Сербская, Босния и Герцеговина) С. Миличевич. Основная лексика вводится в форме диалогов и закрепляется соответствующими упражнениями, дополнительная лексика вводится в форме доступных по QR-кодам оригинальных текстов с сербских и черногорских сайтов. В учебнике представлены все традиционно изучаемые на занятиях по иностранному языку темы — личные данные, семья, квартира, еда, одежда, свободное время, путешествие, здоровье, праздники, достопримечательности. Упражнения на закрепление грамматических описаний имеют одновременно и страноведческую ценность, при этом каждый из 15 уроков учебника включает раздел «Сербская культура». Учебник предназначен для всех желающих ознакомиться с сербским языком с преподавателем или самостоятельно.

Ключевые слова: учебник; сербский язык; сербохорватский язык; сербская культура; Сербия; Черногория; Босния и Герцеговина

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-16

Для цитирования: Изотов А.И. Рецензия на книгу: полный курс сербского языка / С.С. Зимодро, С. Миличевич, Е.И. Якушкина. М.: Издательство АСТ, 2023. 560 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 196–200.

**REVIEW OF THE BOOK: ZIMODRO S.S., MILIĆEVIĆ S.,
JAKUSHKINA E.I. COMPLETE SERBIAN LANGUAGE
COURSE. MOSCOW: AST PUBL., 2023. 560 P.**

Andrey I. Izotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; a.i.izotov@mail.ru

Abstract: The review discusses the textbook of the Serbian language (levels A1-A2/B1), prepared by E.I. Yakushkina, Professor of the Department of Slavic Philology at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, in collaboration with S.S. Zimodro, graduate of the Faculty, and S. Milićević, lecturer at Banyaluk University (Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina). The basic vocabulary is introduced in the form of dialogues and fixed by appropriate exercises, additional vocabulary is introduced in the form of original texts from Serbian and Montenegrin websites accessible by QR codes. The textbook contains all the topics traditionally studied in foreign language classes — personal data, family, apartment, food, clothes, free time, travel, health, holidays, attractions. Grammar exercises have cultural value as well. Each of the 15 lessons in the textbook includes a section on Serbian culture. The textbook is intended for everyone who wants to learn Serbian.

Keywords: textbook; Serbian language; Serbian culture; Serbo-Croatian language; Serbia; Montenegro; Bosnia and Herzegovina

For citation: Izotov A.I. (2025) Review of the Book: Zimodro S.S., Milićević S., Jakushkina E.I. Complete Serbian Language Course. Moscow: AST Publ., 2023. 560 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 196–200.

Перед авторами рецензируемого издания стояла невероятно трудная задача — создать учебник не хуже классических пособий, подготовленных в свое время В.П. Гудковым, О.И. Трофимкиной, М.П. Киршовой, В.Н. Зенчук, а также их советскими и югославскими коллегами, тем более что некоторые из этих пособий продолжают издаваться и сегодня (с заменой прилагательного «сербохорватский» в заглавии на «сербский»). Эту задачу упрощало (или же, наоборот, осложняло) то обстоятельство, что создаваемый учебник предназначался не для филологов-сербистов, а для самого широкого круга тех, кто интересуется сербским языком и культурой. Блестящее владение материалом и богатейший опыт преподавания сербского языка в самых разных аудиториях позволил авторам данного издания успешно справиться с этой задачей.

Лексический материал в учебнике подается прежде всего в форме диалогов, сюжетной основой которых является приезд в Сербию иностранца и его времяпрепровождение там. Эти диалоги дополняются несложными упражнениями на тематически близкую тому

или иному диалогу лексику — например, диалог при прохождении героем паспортного контроля дополняется упражнениями с названиями различных стран и их жителей, а также профессий, а параллельно отрабатывается словоизменение глагола *бити* 'быть' в настоящем времени в краткой и полной форме. Таким образом учащийся знакомится со всеми традиционно изучаемыми на занятиях по иностранному языку лексическими темами и в то же время с основными ситуациями общения, в которых он может оказаться в стране изучаемого языка. Дополнительная лексика вводится в форме доступных по QR-кодам оригинальных текстов с сербских и черногорских сайтов. Важной особенностью рецензируемого текста, выгодно отличающей его от множества рассчитанных на массового читателя современных изданий (по разным языкам), является большое количество упражнений на закрепление вводимой грамматики и лексики, имеющих одновременно и страноведческую ценность.

Тем не менее, ставя себя на место того, кто будет учить сербский язык по данному учебнику, мы не можем удержаться от некоторых замечаний, учет которых, по нашему мнению, был бы полезен при возможных переизданиях.

Во-первых, при первом же появлении сербских слов отчаянно не хватает проставленных ударений в этих словах (ведь в сербском языке, в отличие от французского, польского или чешского, ударение подвижное, поэтому оно обозначено и в [Гудков 1969], и в [Учебник... 1986]). Содержащаяся на с. 463 информация, что «[сербское] ударение никогда не стоит на последнем слоге» и что «в словах, общих с русским языком, [сербское] ударение всегда стоит на один слог ближе к началу слова», не поможет в случае таких приводимых в первом же уроке слов, как *кошарка*, *шишарка*, *породица*, *ђурђевак*, *зачуђујуће*, *džamija*, *čarobnjak*, *kotšija*, а также других многосложных слов, НЕ являющихся «общими с русским языком». Можно, конечно, самому расставить ударения в книге, пользуясь рекомендованным на с. 7 словарем В.П. Гудкова и С. Ивановича или же классическим словарем [Толстой 2001], но почему эти ударения нельзя было расставить сразу типографским способом? Тем более, что раздобыть эти словари — отдельная задача.

Во-вторых, как сообщается на с. 8, «в основном тексте учебника грамматика изложена кратко, с более подробными комментариями можно ознакомиться в Приложении». Однако «Приложение I. Грамматический материал» — это неполные четырнадцать страниц. Неужели их нельзя было интегрировать в четыре с половиной сотни страниц основного текста, чтобы важная информация (например, информация о сербском ударении) давалась сразу и целиком? Да

и самой этой информации могло бы быть побольше. Например, на с. 16 мы узнаем, что «в сербском языке *они* — это форма мужского рода, *оне* — женского, а *она* — среднего», так что «про мужчин сербы скажут *они*, про женщин — *оне*, а про моря и поля (*мора и поља*) — *она*». А как сербы скажут про гендерно смешанную группу (в литературном чешском языке в таких случаях используется «мужская» форма)?

Наконец, в тексте учебника встречаются не вполне точные формулировки, причем речь идет и о случаях, когда эти неточности можно было бы легко исправить. Например, на с. 102 мы находим: «У слов мужского рода, которые оканчиваются на твердый согласный, в звательном падеже будет окончание -е: *домаћин* — *домаћине* «хозяин!», *господин* — *господине* «господин!», *професор* — *професоре* «профессор!», *Александар* — *Александре* «Александр!», *Петар* — *Петре* «Петр!»». И тут же мы читаем «Слова на -р иногда ведут себя иначе (ср. в тексте *хакеру!*)». Содержащееся в данном тексте логическое противоречие (декларируемое одно окончание оборачивается двумя окончаниями) легко снимается добавлением слова «большинства» (*У большинства слов мужского рода...*) или же слов «как правило» (*...в звательном падеже будет, как правило, окончание -е...*).

Подчеркнем однако, что данные наши замечания имеют характер пожеланий относительно возможных переизданий данного учебника.

Подводя итоги, констатируем, что рецензируемое издание будет, безусловно, весьма полезно не только профессиональным славистам, но и самому широкому кругу интересующихся сербским языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков В.П. Сербохорватский язык. М., 1969. 169 с.
2. Гудков В.П., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь. М., 2007. 425 с.
3. Трофимкина О.И., Дракулич-Прийма Д. Сербский язык. Начальный курс. 4-е изд., испр. СПб., 2021. 384 с.
4. Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. 7-е изд. М., 2001. 736 с.
5. Зенчук В., Йоканович-Михайлова Е., Киришова М., Маркович М. Учебник сербохорватского языка. М., 1986. 413 с.

REFERENCES

1. Gudkov V.P. *Serbokhorvatskii iazyk* [Serbo-Croatian language]. Moscow, Moscow University Publ. 1969. (In Russ.)
2. Gudkov V.P., Ivanović S. *Serbsko-russkii i rusko-serbskii slovar'* [Serbian Russian and Russian -Serbian dictionary]. Moscow, Russkij jazyk–Media Publ. 2007. (In Russ.)
3. Trofimkina O.I., Drakulić-Prijma D. *Serbskii iazyk. Nachal'nyi kurs* [The Serbian language. The Initial Course]. Saint Petersburg, KARO Publ. 2021. (In Russ.)

4. Tolstoi I.I. *Serbskokhorvatsko-russkii slovar'* [Serbo-Croatian-Russian dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ. 2001. (In Russ.)
5. Zenchuk V., Iokanović-Mihajlova E., Kirshova M., Marković M. *Uchebnik serbokhorvatskogo iazyka* [Textbook of the Serbo-Croatian language]. Moscow, Moscow University Publ. 1986. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.04.2025

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 26.06.2025

Received 20.04.2025

Accepted 17.06.2025

Revised 26.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Андрей Иванович Изотов — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; a.i.izotov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey I. Izotov — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University; a.i.izotov@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Серёгина С.А. НИКОЛАЙ КЛЮЕВ И СЕРГЕЙ ЕСЕНИН:
ДИАЛОГ С ЭПОХОЙ / НАУЧ. РЕД. С.И. СУББОТИН.
М.: ИМЛИ РАН, 2024. 816 с.¹**

Н.М. Солнцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; natashasolnceva@yandex.ru*

Аннотация: Монография С.А. Серёгиной посвящена творческому диалогу С.А. Есенина и Н.А. Клюева, сближению их мировоззренческих ценностей и разногласиям в их восприятии эпохи, понимании религиозных смыслов социальных процессов 1900–1920-х годов. Выявление источников мотивов в поэзии Есенина и Клюева повлекло за собой обращение к широкому литературно-философскому контексту и скрупулезному сопоставительному анализу. В монографии выстроены интеллектуальные и творческие связи поэтов с современниками — А.А. Блоком, А.М. Добролюбовым, Р.В. Ивановым-Разумником, В.В. Розановым, Л.Д. Семёновым, Л.Н. Толстым, Д.В. Filosoфoвым и др. Значительное внимание уделено идеологии эсеров, повлиявшей на формирование аксиологии и Есенина, и Клюева, например на синтез их религиозных и социальных приоритетов. В монографии особо рассмотрены их версии пути к земному раю через кровавую жертву, их идеал братства, неоднозначное отношение к учению Церкви, роль в формировании целей «скифства». Глубина анализа философии звука и слова в интерпретации Клюева и Есенина достигается через сопоставление с лингвофилософскими концепциями А. Безант, Андрея Белого, В.И. Иванова. Яркие суждения С.А. Серёгиной отмечены новизной и аргументированностью.

Ключевые слова: Н. Клюев; С. Есенин; эсеры; «скифство»; С. Серёгина

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-17

Для цитирования: Солнцева Н.М. Рецензия на книгу: Серёгина С.А. Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой / Науч. ред. С.И. Субботин. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 816 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 201–206.

¹ Глава «Лирика и эпос преображения» (с. 481–741) — в соавторстве с С.И. Субботиным.

REVIEW OF THE BOOK: SEREGINA S.A. NIKOLAY KLYUEV AND SERGEY YESENIN: A DIALOGUE WITH THE EPOCH / ED. BY S.I. SUBBOTIN. MOSCOW: INSTITUTE OF WORLD LITERATURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, 2024. 816 p.

Natalia M. Solntseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; natashasolntseva@yandex.ru

Abstract: S. Seregina's monograph is devoted to the creative dialogue between S. Yesenin and N. Klyuev, the convergence of their ideological values and differences in their perception of the era, understanding the religious meanings of social processes in the 1900s-1920s. The identification of the sources of the motives in the Yesenin's and Klyuev's poetry led to an appeal to a broad literary and philosophical context and a scrupulous comparative analysis. The monograph traces the intellectual and creative connections of the poets with their contemporaries — A. Blok, A. Dobrolyubov, R. Ivanov-Razumnik, V. Rozanov, L. Semenov, L. Tolstoy, D. Filosofov, and others. Considerable attention is paid to the ideology of the Socialist Revolutionaries, which influenced the formation of the axiology of both Yesenin and Klyuev, for example, the synthesis of their religious and social priorities. The monograph highlights their versions of the path to earthly paradise through blood sacrifice, their ideal of brotherhood, their ambiguous attitude to the teachings of the Church, and their role in voicing the goals of "Scythianism." The deep analysis of the philosophy of sound and word in the interpretation of Klyuev and Yesenin is achieved through comparison with the linguistic and philosophical concepts of A. Besant, Andrei Bely, V. Ivanov. Vivid judgments of S.A. Seregina are noted for her novelty and reasonableness.

Keywords: N. Klyuev; S. Yesenin; Scythianism; Social Revolutionaries; S. Seregina

For citation: Solntseva N.M. (2025) Review of the Book: Seregina S.A. Nikolay Klyuev and Sergey Yesenin: A Dialogue with the Epoch / Ed. by S.I. Subbotin. Moscow: *Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*, 2024. 816 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 201–206.

Монография С.А. Серёгиной — первый научный труд, посвященный отношению Н.А. Клюева и С.А. Есенина к духовным исканиям и социальным проектам 1900–1910-х годов. Автор обстоятельно описывает полифонию религиозных убеждений и политических надежд интеллигенции того времени, в какой-то степени определивших творческий вектор Клюева и Есенина. Несомненная ценность монографии заключена в выявлении интеллектуальных, религиозных, биографических, литературных источников, формировавших эстетическую, философскую, социальную аксиологию поэтов. Широко представлен литературный контекст. Рас-

смотрены созвучия идей и мотивов поэзии Клюева, Есенина с произведениями Андрея Белого, А. Блока, Э. Верхарна, П. Вяземского, Максима Горького, Данте, А. Добролюбова, Вяч. Иванова, М. Лермонтова, Дж. Мильтона, Н. Некрасова, А. Пушкина, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого, Ф. Шиллера, А. Ширяевца, Н. Языкова и др. Эволюция мировоззренческих ценностей, проявление мистических интуиций поэтов показаны в сочетании с положениями сочинений Н. Булгакова, В. Свенцицкого, П. Флоренского, а также со взглядами Н. Гоголя, Ф. Достоевского, В. Розанова, В. Соловьева, Е. Трубецкого, Д. Философова и др.

В монографии подробно описано изначальное увлечение Клюева и Есенина мыслью о созидательном братстве, которая, по сути, привела их к принятию революционных идей и вере в Россию — новый Назарет. Рассматривая источники сквозного мотива нового Назарета в есенинской поэзии, С.А. Серёгина указывает на прозвучавший ранее у Клюева образ голубиноного Назарета («Гвоздяные ноют раны...», <1912>). Отметим, что сама мысль о пути современника в Назарет была созвучна взглядам Т. Карлейля — его «Крестьянин-святой» в 1912 г. был издан голгофскими христианами, к которым примкнул Клюев. В 1916–1918 гг. поэтов объединил «поиск Бога вне казенных границ официальной церкви» (40). Высказана мысль об их «глубинном ощущении» своей принадлежности к крестьянской среде и о «стремлении эту среду преодолеть» (12). Сближают поэтов религиозно-социальные идеалы «скифского» периода их творчества. Много места отдано «диалогу» образов в произведениях поэтов, общему и различному генезису мотивов. Вместе с тем литературное и эпистолярное наследие Клюева и Есенина говорит о двух, во многом противоположных, художественных мирах, что и было выражено Клеуевым в его «сне» «Два пути» (1922). Например, поначалу Есенин в восприятии Клюева — «жених», подобный Небесному; по версии С.А. Серёгиной, «Клюев экстраполирует на Есенина символистско-соловьёвскую мифологию, точнее, предлагает ей симметричную замену: место Софии занимает Жених» (517). Но с 1917 г. Есенин выражает неудовлетворенность творческим опытом Клюева.

С.А. Серёгина опирается на богатый и часто редкий фактический материал, выстраивает и систематизирует творческие связи, в итоге существовавшие в литературоведении лакуны замещаются выводами. Например, подробно реконструированы отношения Клеуева с эсерами, проявившиеся отнюдь не только через его участие в «Скифах». Высказано предположение о сближении Клеуева с эсерами уже в 1902 г. Объясняется его интерес к эсерам как к народнической партии, ориентированной на крестьянство и социализацию

земли (такое решение аграрного вопроса можно рассматривать и как повод к его дальнейшему сближению с голгофскими христианами). Показано, как раннее противостояние поэта официальной Церкви сочеталось с содержанием агитационной литературы эсеров (привычно видеть причину конфликта в беспоповском старообрядчестве Клюева). Его константные ценности любви и братства соотносены с принятием эсерами Христовых заветов; частые в его письмах, лирике, прозе «брат», «братик», «братец», «братски», «братские», «братья Розы и Креста», «братья-голуби», «братья-серафимы» обычно соотносят с евангельским братолюбием, или монастырской этикой, или сектантскими идеологемами, или воззрениями Н. Фёдорова, но С.А. Серёгина усматривает источник апологии братства и в задаче эсеров преодолеть разрыв между рабочим и крестьянином. Ценны обнаруженные мотивные и текстуальные совпадения в ранней лирике Клюева и эсера М. Цетлина («Стихотворения», 1906). В контексте идей социального христианства реконструирована зародившаяся в 1907 г. история отношений Клюева и Л. Семёнова. Объясняется, каким образом общение с Семёновым подготовило творческий диалог Клюева и Блока. Как метатекст с сюжетом о тюрьме и казни прочитываются опубликованные в журнале «Трудовой путь» (1907, №3) рассказ Семёнова «Проклятие» и стихотворение Блока «Голос в тучах»; обнаружена отсылка к строкам стихотворения Семёнова «Проклятие» в первом письме Клюева Блоку (1907). Согласимся с точкой зрения С.А. Серёгиной на отношения Клюева с лидерами голгофского христианства: нет оснований говорить об их влиянии на убеждения раннего Клюева, все же с голгофцами его связали собственные воззрения на «стяжание Царства Божия <...> в социальной транскрипции» (111). Делая вывод о пути Клюева и Есенина к «скифству», их «скифском» мифотворчестве, С.А. Серёгина справедливо отмечает, что они «не были исключительно объектом влияния Иванова-Разумника» (565). Для филологов религиозные взгляды Клюева на разных этапах его духовных исканий содержат достаточно задач с несколькими неизвестными. С.А. Серёгина предлагает свое прочтение темных мест его «мифопоэтической философии религии» (648). Например, известное высказывание поэта 1922 г. о Христе как удойной силе, сочетающее космогонические представления поэта и языческую физиологию, в монографии подано как выражение философии дионисийства в русском модернизме, полемика с церковной догмой, желание экстатического переживания веры.

Подбор фактов говорит о раннем интересе Есенина к социально-политической жизни России, не связанном с духовными исканиями Клюева. Однако, как и Клюев, Есенин был участником противо-

правительственных событий. Например, С.А. Серёгина принимает точку зрения В.А. Дроздова («Формирование мировоззрения молодого Есенина и Ленские события 1912 г.», 2003) на обстоятельства появления стихотворения «На память об усопшем. У могилы» (1912) — это расстрел в 1912 г. демонстрации рабочих с приисков Ленского золотопромышленного товарищества. С 1912 г. стремление Есенина к общественной гармонии было обусловлено религиозно-философским контекстом, что объясняется его обращением к наследию Л. Толстого (поэт приобрел толстовский «Круг чтения» в 1911 г.; изд. 1906–1908, 1910). Как и в аксиологии Клюева, в сознании раннего Есенина существенное место заняли ценности братства («Брату Человеку», <1911–1912>). Сопоставляя идею братства в воззрениях Есенина, Некрасова и Толстого, С.А. Серёгина противопоставляет есенинскому состраданию мужику-брату некрасовский гуманизм, не предполагавший братства с народом, и отмечает, что в «Круге чтения» нет речи о правах страдающих братьев и дне расплаты. С.А. Серёгина развивает мысль о том, что есенинское обращение к риторике социального христианства могло быть обусловлено знакомством с идеями Ламенне («Слова верующего», 1833). По версии автора монографии, интерес Есенина к взглядам Ламенне мог возникнуть вследствие отсылки к ним в «Круге чтения». Детально анализируется разрастание в поэзии Есенина мотива пути к некоему неведомому миру в сопоставлении с предполагаемым источником — работой А. Безант «Теософия и новая психология» (рус. пер. — 1907). Поэтов сближал спор с официальной Церковью, что в случае с Есениным объясняется опять же влиянием Толстого (напр., «В чем моя вера?», 1884; «Путь жизни», 1911). Среди других сходжений тем и мотивов отметим знакомство Есенина с раскольничьими песнопениями (Е.А. Самоделова, «Историко-фольклорная поэтика С.А. Есенина», 1998).

Особо обращаем внимание на изыскания в стилевых тонкостях. Например, сопоставительный анализ произведений поэтов позволяет выделить в есенинском тексте «диалог символистской эстетики и клюевского слова» (268), в райской топике Клюева увидеть источник небесной географии Есенина и т. п. Обоснованы выводы о традициях романтизма в лирике Есенина и влиянии устной старообрядческой традиции на Клюева, о живописном реализме Есенина и эсхатологическом напряжении стиха Клюева. Есть весомые основания противопоставить стиль и «монумент художественного смысла» (230) у Есенина плотности образов в произведениях Клюева с его стремлением к наслоению и единству смыслов. Существенным вкладом в исследования поэзии Серебряного века считаем положения параграфа «Философия звука и слова у С.А. Есенина и Н.А. Клю-

ева». Кроме того, в монографии отражен опыт текстологического анализа произведений, их атрибуции.

Фундаментальный труд С.А. Серёгиной — результат авторских научных изысканий, он содержит ценные документальные данные, основан на тщательном сопоставительном анализе, ярких интерпретациях (здесь мы ограничились несколькими примерами), безупречной логике, убедительных выводах. Вместе с тем монография отражает состояние современной филологии, С.А. Серёгина вступает в диалог с известными исследователями — К.М. Азадовским, О.Е. Вороновой, Е.А. Самоделовой, М.В. Скороходовым, С.И. Субботиным, Н.И. Шубниковой-Гусевой и др.

Поступила в редакцию 14.03.2025

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 26.06.2025

Received 14.03.2025

Accepted 17.06.2025

Revised 26.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Наталья Михайловна Солнцева — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natashasolnceva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia M. Solntseva — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natashasolnceva@yandex.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ШЕМЕТОВА Т.Г. ПЕРЕДЕЛКИНО VS КОМАРОВО:
ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИФЫ.
ИЗДАТЕЛЬСКИЕ РЕШЕНИЯ, 2024. 268 С.**

А.В. Леденев

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, КНР; aledenev@mail.ru

Аннотация: В основе рецензируемого издания — анализ литературной мифологии писательских поселков Переделкина и Комарова. Московский и петербургский литературные мифы дополнены своими «спутниками» — переделкинским и комаровским. Этим мифам посвящены первая и вторая части книги соответственно. Книга является продолжением исследования мифотворчества в литературе советского и постсоветского периодов, осуществленного в докторской диссертации автора книги. В новой работе автор выявляет общекультурный потенциал биографических мифов, особенности их возникновения и функционирования. В рецензии рассмотрено, как автор анализирует структурные единицы литературных мифов, упорядочивает разнородный литературный материал, а также исследует ряд недостаточно изученных произведений XX века.

Ключевые слова: биографический миф; мифологема; творческая стратегия; Переделкино; Комарово; писательская резиденция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-18

Для цитирования: Леденев А.В. Рецензия на книгу: Шеметова Т.Г. Переделкино vs Комарово: писатели и литературные мифы. Издательские решения, 2024. 268 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 207–212.

**REVIEW OF THE BOOK:
SHEMETOVA T.G. PEREDELKINO VS. KOMAROVO:
WRITERS AND LITERARY MYTHS.
IZDATEL'SKIJE RESHENIJA, 2024. 268 P.**

Alexander V. Ledenev

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China; aledenev@mail.ru

Abstract: The publication being reviewed presents an analysis of the literary mythology of Peredelkino and Komarovo writers' villages. The Moscow and St. Petersburg literary myths are supplemented by their “companions” — the myths from

Peredelkino and Komarovo. The latter are examined in the first and second parts of the book, respectively. The book is a continuation of the research on myth-making in the literature of the Soviet and post-Soviet periods carried out in the author's doctoral dissertation. In the new work, the author identifies the cultural potential of biographical myths, their origin and functioning. The review evaluates how effectively the author analyzes the structural units of literary myths, organizes diverse literary material, and examines a number of insufficiently studied works of the twentieth century.

Keywords: biographical myth; mythologem; creative strategy; Peredelkino; Komarovo; writer's residence

For citation: Ledenev A.V. (2025) Review of the Book: Shemetova T.G. Peredelkino vs. Komarovo: Writers and Literary Myths. Izdatel'skiye reshenija, 2024. 268 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 207–212.

Т.Г. Шеметова — исследователь литературы советского и постсоветского периодов. Ее работы связаны с изучением современного мифотворчества, которое «работает» как в самой структуре художественных произведений, так и в социальном пространстве переосмысления биографий писателей. Обращаясь к советскому и постсоветскому состоянию словесности, она применяет свой подход, обнаруживая прочные связи творческого поведения и стратегий писателей с классическим прошлым русской литературы. Благодаря широкому охвату литературных текстов Шеметова предлагает фундаментальное решение важной исследовательской задачи — выявления общекультурного потенциала биографических мифов, особенностей их возникновения, «затвердевания» и изменения.

Докторская диссертация Т.Г. Шеметовой, защищенная в 2011 г. на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ, стала теоретической базой двух книг: «Пушкин в русской литературе XX века: от Ахматовой до Бродского» (2017) и «Перedelkino vs Комарово: писатели и литературные мифы» (2024). Обе книги выпущены в интеллектуальной издательской системе «Ridero». В основе рецензируемого издания — анализ литературных мифов о писательских поселках Перedelkino и Комарово. Они находятся на границе московского и петербургского литературных мифов, поэтому «перedelкинскому» и «комаровскому» мифам посвящены первая и вторая части книги соответственно.

В 2022 г. по результатам исследовательской резиденции в Доме творчества «Перedelkino» Т.Г. Шеметова (в соавторстве с А.Н. Лукичевым) написала книгу «Перedelkino: история и мифы писатель-

ского городка»¹. Первая часть этой книги была посвящена истории создания писательского поселка; подготовленная Шеметовой вторая часть книги (занимающая две трети всего издания) озаглавлена «Литературные мифы» и посвящена многим писателям (герои книги — Пильняк, Вознесенский, Окуджава и другие). Однако центральный миф Переделкина — судьба Бориса Пастернака, и именно его миф и становится «синекдохой» мифа Переделкина.

В своей новой книге исследователь ищет ответы на вопрос о «вживленности» литературы в саму «плоть» общественной жизни, а также выявляет множество примеров «карт перечитывания» судеб писателей их потомками, наделенными талантом в области искусства словесности. Это очень важный исследовательский «фронт», поскольку вопросы творческих лабораторий и специфики литературного таланта остаются открытыми и требуют новых нестандартных подходов. К сильным сторонам исследования Т.Г. Шеметовой следует отнести принцип универсального упорядочивания разнородного материала, а также указание на имплицитную связь с литературными мифами ряда недостаточно изученных произведений.

Например, «Дачного романа» Ахмадулиной. Сюжет этого «романа в стихах» разворачивается на фоне писательского поселка Переделкино. Автор исследования разрабатывает мифологему «утраченной любви» лирической героини. Сквозь образы «брата» и «сестры» проступают аллюзии к поэтическим образам от Пушкина и Фета до соседа Ахмадулиной по Переделкину Бориса Пастернака. Другой пример — анализ «переделкинских» стихотворений Окуджавы, которые Т.Г. Шеметова рассматривает на фоне известных романов Пушкина, Гончарова и Пастернака.

Закономерным представляется вывод исследователя в главе «Постельный режим» Булата Окуджавы» о выборе между поэтическими стратегиями писателей XIX и XX вв. в пользу первых. Интересны также ранее не изученные параллели «переделкинских» текстов Окуджавы с темой «вечного приюта» в «Мастере и Маргарите» Булгакова и «Траве забвения» другого «переделкинца» — Валентина Катаева. «Советскость» литературы этого периода оказывается не такой уж значимой, во всяком случае, «идеологические» оппозиции в писательских интерпретациях мифа сглаживаются, поскольку в центре внимания неизбежно оказывается психология творчества, а все остальное — обстоятельства вдохновения или его отсутствия.

¹ Переделкино: история и мифы писательского городка / Александр Лукичев, Татьяна Шеметова; иллюстрации Екатерины Державиной. Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. 215 с.: ил. ISBN 978-5-91965-275-5. Т.Г. Шеметовой написана вторая часть этой книги (с. 67–209).

Так, творчество двух друзей-шестидесятников, Евтушенко и Вознесенского, рассматривается в книге под разными углами в двух различных главах. Сначала исследователь анализирует лирического героя Евтушенко, чья творческая стратегия сближается с «эпикурейской» стратегией одного из первых жителей литературного Переделкина — репрессированного писателя Пильняка. Особенно неожиданно, но вполне уместно сопоставлены «стоические» мотивы в адресованных Пильняку и Евтушенко стихотворениях Ахматовой и Ахмадулиной соответственно. Антитеза «эпикурейского» и «стоического» начал в творчестве двух пар писателей помогает исследователю по-новому взглянуть на вопросы психологии творчества.

В главе «Четырнадцать лет» Андрея Вознесенского» Т.Г. Шеметова анализирует несколько «блоков» личного мифа поэта: от встречи четырнадцатилетнего «школяра» с «земным богом» Пастернаком, через дружбу-вражду с Евтушенко («Враг по плечу — долгожданное брата»), к «распятию» на встрече Хрущева с интеллигенцией в Кремле в 1963 году («Убирайтесь, господин Вознесенский, к своим хозяевам!»). Все эти мотивы находят отражение в «переделкинских» стихах поэта и его эссе «Мне 14 лет». Избирательность Т.Г. Шеметовой объяснима и провокативна: исследователь может «достраивать» предлагаемые линии анализа так, как требует логика литературного мифа, на любом непротиворечивом материале.

Не меньший интерес для искушенного читателя-исследователя представляют глубокие замечания автора о писательских стратегиях жителей другого писательского центра, который именовали «ленинградское Переделкино»: речь идет о бывшем финском поселке Келломяки, в советское время переименованном в Комарово. Как доказывает исследователь, особенность мифа — в том, чтобы с течением времени приобретать, а затем терять сакральную ценность. Это наиболее подробно было изучено Шеметовой в ее докторской диссертации на примере пушкинского мифа, где был сделан вывод о том, что образ Пушкина в последующей литературе — часть национальной самоидентификации. По мысли Шеметовой, дело не в том, какие черты биографии Пушкина и в каком ключе представляют писатели, а в том, что через пушкинскую судьбу все время ставится вопрос о судьбе России. Это же, по мнению исследователя, относится к мифологемам «Переделкино» и «Комарово».

Выбрав тематический принцип организации материала, Т.Г. Шеметова освобождает себя от необходимости «привязки» ко времени и социальному контексту. Одна и та же мифологема может быть рассмотрена на примерах произведений 1920-х, 1960-х и 2000-х гг. Если главным «гением места», выявленным в Переделкине, является Пастернак, то в Комарове им становится «вечная странница»

Анна Ахматова. Исследователь подмечает, что, отказавшись от окончательного переезда в Москву, Ахматова тем не менее любила подолгу гостить у своих друзей Ардовых на Большой Ордынке, где у нее была своя комната. Личный биографический миф Анны Андреевны, как известно, восходит к последнему ордынскому хану Ахмату, который противостоял русскому князю Ивану III. По мысли Шеметовой, выбор Ордынки — места, откуда начиналась дорога в Золотую Орду, — для жизни в Москве выглядит символически.

В главе «Анна Ахматова: человек vs поэт» исследователь прослеживает начало формирования мифа об Ахматовой в статьях Чуковского 1920-х годов, где критик поделил страну на Россию Ахматовой и Россию Маяковского. Оксюморон «влюбленная монахиня», который в устах Чуковского звучал восторженно, через четверть века в докладе Жданова превратится в формулу «монахиня и блудница», которая станет символом возвращения опалы Ахматовой, как известно, приостановленной во время Второй мировой войны.

По мысли Шеметовой, амбивалентность ахматовской жизненной и творческой стратегии наиболее точно отражена в «Записках об Анне Ахматовой» Л. Чуковской, которая не могла простить своей великой подруге ряда уступок власти, допущенных последней для смягчения свой участи. Исследователь фиксирует, что на этом этапе миф сменяется антимифом: Ахматова-человек именуется в мемуарах NN, в то время как Ахматова-поэт, как в 1930-е гг., называется АА. Подобное же разделение на человека и поэта, хоть и не столь принципиальное, Шеметова фиксирует и в стихах самой Ахматовой, например, в «Приморском сонете», посвященном пребыванию поэта в комаровском Доме творчества.

Отдельный объект мифологизации в Комарове — знаменитая ахматовская «будка», фанерная дача, которую Ахматова снимала в летние месяцы на протяжении своих последних десяти лет. Именно она стала местом формирования мифологемы «волшебного хора» — так старшая современница называла навещавших ее в Комарове молодых писателей: Рейна, Бобышева, Наймана и Бродского. Анализируя ахматовский цикл «Три розы», Шеметова связывает каждое стихотворение цикла с жизненной и творческой позицией адресатов — молодых поэтов, привозивших в Комарово не только цветы, но и стихи, строчки из которых, по замыслу Ахматовой, должны были стать эпиграфами к соответствующим произведениям. Черная, алая и желтая розы становятся, по мнению исследователя, символами разного поэтического и жизненного выбора молодых поэтов.

«Волшебному хору» поэтов Шеметова противопоставляет прозу «лагерников» Солженицына и Шаламова, в творчестве которых

также по-разному отразились поэзия Ахматовой и личные встречи с ней. Не менее значительные выводы делает исследователь о влиянии ахматовского мифа на прозу Д. Гранина, который долгие годы жил недалеко от ахматовской «будки», но избегал близкого общения с ее хозяйкой. Тем не менее следы общения с комаровским «гением места» исследователь находит не только в мемуарной, но и в художественной прозе Гранина.

Не менее интересны, с точки зрения исследования комаровского мифа, главы, посвященные его освоению И. Бродским (глава «Маленький человек» в «городке из фанеры»), В. Соснорой (глава «Anno Iva» vs «Anno Domini»), а также последним на сегодняшний день жильцом ахматовской будки — В. Поповым («Жизнь удалась»). Отдельного внимания заслуживают «импрессионистические» заголовки глав и параграфов, которые отталкиваются от наиболее характерных образов-символов, свойственных творчеству тех писателей, которым они посвящены. В творческую атмосферу писательских поселков помогают погрузиться фотографии, иллюстрирующие книгу. Выводы, полученные Т.Г. Шеметовой в результате изучения литературных мифов о поселках Переделкино и Комарово — главных писательских резиденциях России, — можно считать ярким доказательством плодотворности работы исследователя.

Поступила в редакцию 17.12.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 26.06.2025

Received 17.12.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 26.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Леденев — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; в настоящее время — декан филологического факультета совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР); aledenev@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Ledenev — Doctor of Philology, Professor of the Department of the History of Modern Russian Literature and the Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; presently the Dean of the Department of Philology, Shenzhen MSU-BIT University (China); aledenev@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МГУ «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА»

Т.Г. Рощектаева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tatiana.univers@mail.ru

Аннотация: В статье содержится обзор работы Международной научно-практической конференции МГУ «Энциклопедия: вчера, сегодня, завтра» (24–26 апреля 2024 г.), которая была организована Институтом математических исследований сложных систем МГУ имени М.В. Ломоносова. В ходе работы конференции были обсуждены вопросы, связанные с созданием цифровых энциклопедий, с развитием информационных технологий и методов обработки научной информации. Решение данных вопросов с целью оптимизации моделирования цифровых энциклопедий возможно на основе математических и лингвистических исследований.

Ключевые слова: цифровая энциклопедия; инженерия знаний; онтология; таксономия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-19

Для цитирования: Рощектаева Т.Г. Международная научно-практическая конференция МГУ «Энциклопедия: вчера, сегодня, завтра» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 213–219.

THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “ENCYCLOPEDIA: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW”

Tatiana G. Roshchektaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatiana.univers@mail.ru

Abstract: The article contains an overview of the work of the Lomonosov Moscow State University International Scientific and Practical Conference “Encyclope-

dia: Yesterday, Today, Tomorrow” (April 24–26, 2024), which was organized by the Institute of Mathematical Researches of Complex Systems (MSU). During the conference topical issues were discussed related to the creation of digital encyclopedias, to the development of information technology, of scientific information processing methods. Solving these issues in order to optimize the modeling of digital encyclopedias is possible on the basis of mathematical and linguistic researches.

Keywords: digital encyclopedia; knowledge engineering; ontology; taxonomy

For citation: Roshchektaeva T.G. (2025) The Lomonosov Moscow State University International Scientific and Practical Conference “Encyclopedia: Yesterday, Today, Tomorrow”. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 213–219.

24–26 апреля 2024 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научно-практическая конференция «Энциклопедия: вчера, сегодня, завтра», организованная Институтом математических исследований сложных систем МГУ, директором которого является академик В.А. Садовничий.

«Энциклопедия: вчера, сегодня, завтра» — первая конференция, посвященная рассмотрению широкого круга вопросов, которые возникают при создании цифровых энциклопедий. В процессе представления и обработки информации задействуются технологии, участвующие в моделировании систем, построение которых возможно на синтезе результатов исследований в области прикладной математики, IT-технологий, лингвистики и всех тех областей знаний, которые могут быть отражены в статьях цифровой энциклопедии.

24 апреля 2024 г. в Московской школе экономики МГУ состоялось пленарное заседание конференции «Энциклопедия: вчера, сегодня, завтра». С приветственным словом к участникам конференции обратился проректор МГУ, проф. А.А. Федянин.

На пленарном заседании конференции ответственный редактор АНО «Большая российская энциклопедия» В.С. Кравец в докладе «Большая российская энциклопедия: перспективы развития» осветил этапы создания российских энциклопедий в XIX–XX вв. и рассмотрел новые принципы энциклопедистики, которые легли в основу генерирования цифровой БРЭ. Отмечалось, что одной из основных проблем разработки цифровой энциклопедии является проблема определения критериев, на основе которых в энциклопедию включаются понятия.

В докладе «Ковчег знаний МГУ: коллективное строительство энциклопедического знания», представленном академиком РАН и РАО, зав. лабораторией инженерии знаний ИМИСС МГУ, руководителем проекта «Ковчег знаний МГУ» А.Л. Семёновым, были освещены принципы формирования корпусов текстов, которые войдут

в «Ковчег знаний МГУ». Докладчик познакомил участников конференции с основами построения нейросети большой языковой модели проекта «Ковчег знаний МГУ», в который включены тексты, созданные научно-образовательным сообществом МГУ. Подчеркивалась роль филологов в осуществлении данного проекта, т. к. они участвуют в междисциплинарных исследованиях, посвященных разработке методов структурного анализа базы данных с точки зрения определения принципов выделения категорий и онтологий, лежащих в основе создания цифровых энциклопедий.

Генеральный директор онлайн-энциклопедии РУВИКИ В.В. Медейко в докладе «Использование текстов энциклопедий для ИНС (искусственной нейросети) при обучении и обработке запросов» указал на трудности, возникающие при построении больших языковых моделей, изложил методы обработки запросов и представил способы использования текстов для обучения базовой модели. Отмечалось, что качество обучающей выборки является важным условием для корректной работы систем искусственного интеллекта. Особое внимание было уделено российской интернет-энциклопедии РУВИКИ, которая создается не только на русском языке, но и на языках народов России. В обучающих выборках для ИНС используется русский язык.

В совместном докладе проф. филологического факультета МГУ И.М. Кобозевой и в. н. с. НИВЦ МГУ, проф. филологического факультета МГУ Н.В. Лукашевич «Методы структуризации знаний в онлайн-энциклопедиях: ключевые слова, категории, онтологии» Н.В. Лукашевич было уделено внимание проектам русскоязычных онлайн-энциклопедий и принципам представления в них категорий, транзитивности отношений в системе категорий. И.М. Кобозева представила результаты анализа категории «язык» в различных энциклопедических текстах и указала на важность разработки иерархий онтологий, отражающих инвентарь отношений между словами и стоящими за ними понятиями.

В докладе проректора МГУ, проф. юридического факультета МГУ В.А. Вайпана и доц. юридического факультета МГУ М.В. Воронина «Юридические аспекты работы в сетевом пространстве» говорилось об актуальных вопросах цифрового права, предметом которого является использование данных в цифровой форме и обеспечение защиты информации. М.В. Воронин обратил внимание участников конференции на формирование в современном правовом поле таких понятий, как «цифровое образовательное право» и «цифровая дидактика».

В докладе проф. филиала МГУ в г. Севастополе И.Ю. Гришина «Проектирование онтологий в процессе создания интеллектуальной

информационной системы» освещалась методология построения онтологий и процесс их проектирования. Докладчик отметил, что разработка уровней онтологий сыграла ведущую роль в создании основ системы «Ковчег знаний МГУ», построенной на цифровой платформе и содержащей научную информацию, необходимую для проведения исследований в различных предметных областях.

24 апреля 2024 г. в МШЭ МГУ состоялось заседание секции 1 «Онтологические модели и методики инженерии знаний при создании цифровых энциклопедий. История энциклопедизма. Системный анализ и обработка информации». В ходе работы секции 1 были освещены вопросы истории отечественной и зарубежной энциклопедистики, а также были затронуты проблемы модификации инженерии знаний в свете оптимизации работы с цифровыми данными для осуществления исследовательских задач.

25 апреля 2024 г. в ИМИСС МГУ состоялось заседание секции 2 «Новая энциклопедия РУВИКИ». Работа данной секции была посвящена вопросам разработки РУВИКИ и цифровых энциклопедий на языках народов России. Были проанализированы особенности формирования региональных разделов РУВИКИ и рассмотрены перспективы их развития.

26 апреля 2024 г. в Институте математических исследований сложных систем МГУ прошло заседание секции 3 «Цифровые энциклопедии: проблемы создания и безопасности», в работе которой были затронуты гуманитарные (лингвистические, переводческие, философские) проблемы создания цифровых энциклопедий.

В докладе «К вопросу об унификации компрессионных приёмов при вводе иностранных топонимов в заглавие статьи цифровой энциклопедии» преп. филологического факультета МГУ Т.Г. Рощектаева на основе анализа ввода топонимов в статьи, которые размещены в советских и российских печатных энциклопедиях, в российских цифровых энциклопедиях, в венгерской Wikipédia.hu, в англоязычной Wikipedia и в Википедии, представила различные способы ввода названий иностранных географических объектов, имеющих несколько номинаций, которые используются в сопредельных государствах. Подчеркивалась необходимость унификации приемов ввода топонимов в заглавия статей цифровой энциклопедии.

В докладе проф. философского факультета МГУ Д.П. Козолупенко «Роль энциклопедии в приобщении современных учащихся к культуре академического письма» был показан методический потенциал энциклопедии как текста, систематизирующего и расширяющего языковые и коммуникативные компетенции студентов вузов в процессе написания ими научных работ. Отмечалось, что

работа учащихся с научно-популярными текстами энциклопедий способствует выработке навыков академического письма и благотворно сказывается на развитии устной научной речи.

Доклад преп. МГИМО В.И. Прохоровой «Обращение к цифровой энциклопедии в обучении, воспитании и саморазвитии переводчика» был посвящен развитию навыков освоения студентами текстового пространства цифровой энциклопедии. Отмечалось, что при осуществлении перевода с иностранного языка на русский язык следует обратить внимание учащихся на информацию, касающуюся исторических фактов, и на сведения о различных явлениях, представленных на иностранных языках, но не получивших в российском языковом пространстве широкого употребления.

Доклад с. н. с. филологического факультета МГУ Е.В. Суровцевой «Корпус “Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии” как энциклопедия» был посвящен вопросам использования сетевых технологий в создании цифрового корпуса житий. К вопросам, которые вызывают затруднения при создании данного корпуса, относится включение в энциклопедический текст аббревиатур и цитат, встречающихся в житиях, но в настоящее время представляющих собой информацию, которую необходимо сопровождать для современного читателя пояснениями.

26 апреля 2024 г. в ИМИСС МГУ под руководством проф. филологического факультета МГУ И.М. Кобозевой состоялось заседание Круглого стола «Онтологические системы».

В докладе проф. И.М. Кобозевой «Энциклопедия и онтология: зачем они друг другу?» были рассмотрены возникающие перед создателями цифровой энциклопедии вопросы систематизации и категоризации онтологий. Отмечалась необходимость определения правил построения онтологий в цифровой энциклопедии. Обращалось внимание на возникающие проблемы при составлении заголовков статей цифровой энциклопедии, если заголовок статьи, в структуру которого входит расширение/конкретизация понятия, подается как отдельная статья. Была затронута проблема взаимодействия онтологий и искусственного интеллекта, что ставит рассмотрение поставленной проблемы в ряд важнейших вопросов современных информационных технологий и инженерии знаний. Подчеркивалось, что таксономию информации необходимо основывать на семантическом анализе текста, на логическом выводе по тексту, что дает возможность определения способов систематизации терминосистем.

Доклад в. н. с. НИВЦ МГУ, проф. филологического факультета МГУ Н.В. Лукашевич «Проблемы установления таксономических отношений в онтологиях» был посвящен рассмотрению средств

систематизации знаний, к которым можно отнести упорядочение таксономических отношений в онтологиях при создании цифровых энциклопедий. Были рассмотрены ошибки, замеченные докладчиком в Википедии. Отмечалось, что возникновение данных ошибок связано с тем, что в основу Википедии положена иерархическая система категорий, приводящая к некорректному выстраиванию таксономических отношений в онтологиях.

В совместном докладе магистрантов филологического факультета МГУ М.Б. Панич и Ф.А. Садковского «Онтологическая структура БРЭ и Викиданных» были представлены результаты анализа категорий и тегов в статьях, относящихся к различным областям знаний. Исследователи пришли к выводу, что в БРЭ нет иерархии в построении системы категорий, а в Викиданных выделяются подклассы категорий и наблюдается транзитивность, что свидетельствует о наличии иерархической системы категорий.

В докладе н. с. Лаборатории № 15 Института проблем передачи информации РАН С.П. Тимошенко «Онтология как средство организации языка семантических представлений» были рассмотрены вопросы семантики онтологий и семантических сетей, образуемых в процессе построения различных уровней онтологий.

Был заслушан доклад разработчика и составителя электронных словарей и библиотек С.В. Лесникова «Метаязыки науки (металингвистика, математика, гуманитарии, естественники): проблемы систематизации терминосистем». Докладчиком рассматривались принципы создания гипертекстового тезауруса на основе разграничения понятий «термин» и «терминологизм», а также проблемы, связанные с возникновением метапредметной омонимии, которая усложняет разработку электронных словарей.

В докладе в. н. с. Института востоковедения РАН, проф. СПбГУ С.А. Крылова «Частотный анализ лексического состава корпуса универсальных энциклопедий как средство реконструкции научной картины мира данного социума» были представлены результаты анализа лексического состава корпуса российских универсальных энциклопедий XIX в. с точки зрения частотности употребления существительных в статьях данных изданий. На основе проведенного анализа были представлены в порядке убывания ряды существительных, обозначающих понятия, которые легли в основу формирования социума и отношений между членами социума в определенные исторические периоды развития российского общества XIX в.

Международная научно-практическая конференция МГУ «Энциклопедия: вчера, сегодня, завтра» проходила в деловом, конструктивном ключе. Во время обсуждения докладов, представленных на

конференции, состоялся плодотворный обмен мнениями по вопросам создания цифровых энциклопедий.

Поступила в редакцию 20.12.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 27.06.2025

Received 20.12.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 27.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Геннадьевна Рошчектаева — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tatiana.univers@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana G. Roshchektaeva — PhD, Teaching Fellow, Department of Russian Language for Foreign Students of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tatiana.univers@mail.ru

**ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ
КАТЕГОРИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»
(МГУ имени М.В. Ломоносова, 15–16 ноября 2024 г.)**

А.В. Уржа, Г.А. Филатова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; English2@yandex.ru, gphilatova@gmail.com*

Аннотация: В статье представлен обзор научных докладов, прозвучавших на прошедшей 15–16 ноября 2024 г. на базе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова всероссийской научной конференции с международным участием «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке», посвященной 270-летию Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В рамках конференции состоялось более 40 докладов, прошло два пленарных заседания, работало пять секций. В заседаниях приняли участие ученые из академических институтов и ведущих вузов Москвы, Калининграда, Тюмени, Саратова, Тамбова, а также из университетов других стран: Сербии, Беларуси, Армении.

Ключевые слова: лингвистика; прагматика; глагол; глагольные категории; русский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-20

Для цитирования: Уржа А.В., Филатова Г.А. Всероссийская конференция с международным участием «Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 220–225.

**RUSSIAN CONFERENCE WITH INTERNATIONAL
PARTICIPATION “PRAGMATIC POTENTIAL
OF VERB CATEGORIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE”
(Lomonosov Moscow State University, November 15–16, 2024)**

Anastasia V. Urzha, Ganna A. Filatova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; English2@yandex.ru,
gphilatova@gmail.com*

Abstract: The article presents an overview of the papers delivered at the Russian conference with international participation *Pragmatic Potential of Verb Categories*

in the Russian Language, held on 15–16 November 2024 at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, and dedicated to the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University. The conference included more than 40 papers, two plenary sessions, and five sections. Scholars from academic institutes and leading universities of Moscow, Kaliningrad, Tyumen, Saratov, Tambov, as well as from universities of other countries — Serbia, Belarus, Armenia — took part in the sessions.

Keywords: linguistics; pragmatics; verb; verb categories; Russian language

For citation: Urzha A.V., Filatova G.A. (2025) Russian Conference with International Participation “Pragmatic Potential of Verb Categories in the Russian Language”. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 220–225.

15–16 ноября 2024 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова прошла всероссийская научная конференция с международным участием «**Прагматический потенциал глагольных категорий в русском языке**», посвященная 270-летию Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В ее организации активное участие приняли сотрудники одной из ведущих кафедр филологического факультета — кафедры русского языка. Стремление обеспечить диалог и взаимодействие ученых, изучающих грамматические категории русского глагола (как в монолингвальных исследованиях, так и в сопоставительном ракурсе), а также их прагматический потенциал, реализуемый в различных типах дискурса, стало одним из главных мотивов проведения конференции. Программа была опубликована на сайте филологического факультета МГУ, а также на сайте научного проекта «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»: <https://slavverb.philol.msu.ru/konferentsii/>¹.

В центр внимания конференции был помещен прагматический и дискурсивный потенциал русского глагола, определенный тесным взаимодействием лексики, словообразования и грамматики в разных типах дискурса. Тематика конференции охватила не только грамматические категории вида, залога, времени и систему причастий, деепричастий, но и целый ряд смежных словообразовательных категорий и синтаксических конструкций: способы глагольного действия, рефлексивные дериваты, отглагольные прилагательные и существительные, а также синтаксические конструкции, в частности возвратные и посессивные.

¹ Исследование реализуется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

Важно отметить сопоставительный аспект многих докладов, направленный на анализ специфики русского языка в сфере системных характеристик и дискурсивных функций глагольных форм и дериватов, а кроме того выявляющий интересные факты в языках, сопоставляемых с русским (славянских — чешском, польском, украинском, сербском; английском, шведском, осетинском). Актуальным материалом для исследований, результаты которых были представлены на конференции, стали тексты XVIII–XXI вв., данные литературного языка, современных диалектов и разговорной речи, оригинальные произведения классической и новейшей русской литературы, переведенные на славянские и неславянские языки, а также русские переводы иноязычных текстов, наполнение словарей и учебников, публикации в СМИ, данные Национального корпуса русского языка и корпусов других языков.

В рамках конференции состоялось 42 доклада по обширной проблематике, связанной с изучением прагматического потенциала глагольных категорий. Было проведено 2 пленарных заседания и 5 секционных.

В начале пленарного заседания прозвучало приветственное слово исполняющего обязанности декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проф. А.А. Липгарта. Проблематика приглашенных докладов в синхронном и диахроническом ракурсах охватила ключевые категории и семантически-грамматические характеристики глагола: вид, залог, время, модальность, финитность, а также возвратность и каузативность — в их соотносительности. Акад. В.А. Плунгян в своем докладе обратился к специфике лексической и аспектуальной семантики глагола *бросать* (с так называемой «двухосновной перфективацией» и специфической, не до конца проясненной этимологией), выявляя связь лексических и грамматических особенностей поведения данного глагола с учетом диахронических данных. Член-корр. РАН С.А. Мызников в своем выступлении рассмотрел феномен каузативности в русском языке, а также каузативные глаголы, которые в литературном языке морфологически не маркированы, однако представлены в русских диалектах. Он отметил, что в севернорусских говорах глагольная каузативность имеет морфологический маркер *-ита-* (он представлен в более чем ста лексемах), в ряде случаев такого рода глаголы представлены в паре: каузативный < некаузативный. Предметом доклада проф. С.Г. Татевосова стали возвратные глаголы в качественно-характеризующем значении (*Книга легко читается*), известные также как «модальные квазипассивные рефлексивные глаголы», или глаголы в «среднем залоге». Были рассмотрены акциональные и аспектуальные характеристики этих глаголов, их актантная струк-

тура, модальный компонент их значения и лексические ограничения на их образование. Проф. Е.В. Петрухина посвятила выступление языковым средствам воплощения нелинейной модели времени во внутренней речи главного героя романа «Школа для дураков» Саши Соколова, а также особенностям их интерпретации в чешском переводе. Она обосновала актуальность анализа образа времени как иллюзии в художественном тексте в связи с трактовкой новых, нелинейных моделей времени, созданных современными компьютерными и телекоммуникационными технологиями и отображаемых в литературе. Проф. А.В. Циммерлинг представил доклад на тему «Аффирмативность и верификация» и показал, что маркеры верификации (*действительно, реально*) и маркеры подтверждения ожиданий (*естественно, само собой, конечно*), относимые к т. н. аффирмативной модальности, имеют разную логическую семантику и разное синтаксическое поведение в русском языке. В фокус внимания в докладе проф. Л.О. Чернейко были помещены «вторичные предикаты»: принципы определения понятия, сфера функционирования, семиотические особенности, специфическая семантика и прагматика. Проф. Е.Р. Добрушина обратилась к актуальному вопросу уточнения синтаксических и семантических критериев различения причастий и мотивированных ими омонимичных прилагательных («Чем различны *жареный* и *жаренный*?»). При помощи корпусного анализа полных и кратких отглагольных Н(Н)-образований были продемонстрированы нюансы прагматического противопоставления причастия и прилагательного. Объектом исследования проф. А.В. Уржи стал прагматический потенциал русских деепричастий, позволяющий им конструировать иерархизированную зону «фона» повествования. Среди факторов, которые способствуют большему или меньшему «выдвижению» или «затушевыванию» названного деепричастием события или явления, были выделены грамматические и семантические характеристики конверба, глагола и всей деепричастной клаузы, а также частотность употребления слова в форме деепричастия, определяемая на основе данных НКРЯ.

Второе пленарное заседание 16 ноября открыл доклад проф. Н.Н. Болдырева «Потенциал глагола в интерпретации знаний о мире», в котором было показано, что потенциал глагола определяется структурой и содержанием его когнитивной основы — знаниями о событиях, которые могут быть представлены человеком в языке в разном объеме, в рамках первичной и вторичной языковой интерпретации (то есть интерпретации многообразия событий и переработки ранее полученных и представленных в языке знаний о мире). В центр внимания в выступлении акад. С.М. Толстой были

помещены отглагольные имена русского языка (прилагательные, существительные и композиты с опорным глагольным компонентом), которые сохраняют грамматические свойства глагола — аспектуальные характеристики (актуальные, узуальные, результативные, потенциальные и т. п. значения), залоговые и синтаксические признаки (указание на субъект, объект, инструмент действия, способ действия, его локус, продукт и др.). Проф. Н.Е. Ананьева обратилась к категории возвратности в польском и русском языках, показав, что польская подвижная частица *się* находится ближе к исконному местоименному статусу этой возвратной частицы, чем превратившаяся в русский аффикс *-ся/-сь* краткая форма вин. п. древнерусского возвратного местоимения. Было продемонстрировано, что показатели возвратности выполняют в сопоставляемых языках как общие, так и разные функции. Ст. науч. сотр. Е.А. Мишина в докладе «Прагматические функции и глагольный вид в русском языке в диахронической перспективе» рассказала об употреблении и выборе глагольного вида в русском языке в разные исторические периоды с точки зрения прагматически обусловленных функций (дискурсивных, иллокутивных и др.), а также факторов, влияющих на этот выбор. К диахроническому аспекту изучения прагматики глагола обратилась и проф. О.Ю. Крючкова, охарактеризовавшая прагматические и семантические функции синонимической глагольной полипрефиксации в древнерусском языке. Она показала, что распространение глаголов с двумя синонимичными приставками (около 150 лексем по данным СлРЯ XI–XVII вв.), обусловленное жанрово-стилистическими особенностями древнерусской письменности, было позже поддержано новыми семантическими тенденциями: включением глагольных префиксов в систему морфологических средств видообразования, развитием новых количественно-аспектуальных значений у глагольных приставок с общей результативной семантикой. В заключительном докладе проф. А.Л. Шарандин представил развернутую характеристику категории репрезентации русского глагола как системы противопоставленных друг другу рядов глагольных образований, объединенных инвариантным значением отношения к степени проявления процесса как признака и различающихся между собой вариантным содержанием его проявления, которое имеет морфологическую и синтаксическую выраженность.

Направления исследований прагматики глагола, представленные на пленарных заседаниях, соответствовали тематике пяти секций конференции. Эти секции были посвящены прагматике глагольных категорий в русском языке (в сопоставлении с другими языками), функционированию русских глагольных форм в диахронической

и диалектной перспективах, прагматическим стратегиям при деривации глагольных форм, дискурсивным функциям форм русского глагола в современных текстах, функциональной специфике неличных форм, а также разнообразных глагольных конструкций.

Конференция объединила русистов, славистов, германистов, типологов из московских университетов и академических институтов (кроме МГУ были представлены Российский государственный гуманитарный университет, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Институт русского языка имени А.С. Пушкина, Институт славяноведения РАН), из университетов Калининграда, Тюмени, Саратова, Тамбова, а также университетов и академических институтов Сербии, Белоруссии и Еревана.

Фотоотчет, а также видеозаписи заседаний опубликованы на сайте научного проекта «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»: <https://slavverb.philol.msu.ru/konferentsii/>.

Поступила в редакцию 08.01.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 26.06.2025

Received 08.01.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 26.06.2025

ОБ АВТОРАХ

Анастасия Викторовна Уржа — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; English2@yandex.ru

Ганна Алексеевна Филатова — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; gphilatova@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Urzha — Dr. Habil., Professor, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; English2@yandex.ru

Ganna A. Filatova — PhD, Senior Lecturer, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; gphilatova@gmail.com

КАК СЛОЖНО УСТРОЕН ЯЗЫК: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДКАСТ «ГЛАГОЛЬНАЯ ГРУППА»

И.И. Исаев, Д.И. Коломацкий

*Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия;
isaev@iling-ran.ru, dk@iling-ran.ru*

Аннотация: Статья рассказывает о процессе создания и реализации проекта лингвистического подкаста «Глагольная группа»¹ по итогам первого сезона. Цель проекта — способствовать как распространению лингвистического знания среди максимально широкой аудитории, так и объединению профессионального лингвистического сообщества. Подкаст состоит из выпусков, гостем каждого из которых становится специалист по той или иной области языкознания или той или иной группе языков. Интервью со специалистом призвано раскрыть как обыденные, так и строго научные аспекты его работы. С сентября 2023 года по сентябрь 2024 года вышло 20 основных выпусков и ряд дополнительных эпизодов.

Ключевые слова: популяризация науки; полевая лингвистика; лингвистическая типология; подкасты; экспедиция; языки; культура

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-21

Для цитирования: Исаев И.И., Коломацкий Д.И. Как сложно устроен язык: лингвистический подкаст «Глагольная группа» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 226–231.

ON THE COMPLEXITY OF LANGUAGE IN SIMPLE WORDS: THE LINGUISTICS PODCAST “GLAGOL’NAYA GRUPPA”

Igor I. Isaev, Dmitry I. Kolomatskiy

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
isaev@iling-ran.ru, dk@iling-ran.ru*

Abstract: In this paper, we introduce our podcast “Glagol’naya Gruppa” (“Verb Phrase,” which in Russian is also a wordplay on a group of people talking to each other). Our aim is to promote linguistic knowledge to the broadest possible audience and bring together linguists from different institutions and areas of interest. Each episode features an accomplished linguist, with whom we discuss both personal interests and strictly scientific topics. Between September 2023 and September 2024, we released 20 main episodes and several bonus ones.

¹ <https://glagolgruppa.mave.digital/>

Keywords: popularization of science; field linguistics; linguistic typology; podcasts; expedition; languages; fieldwork

For citation: Isaev I.I., Kolomatskiy D.I. (2025) On the Complexity of Language in Simple Words: The Linguistics Podcast "Glagol'naya Gruppa". *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 226–231.

Идея создания подкаста появилась летом 2023 года. Само название подкаста намекает на указанную двойственность: обычный слушатель и профессиональный лингвист прочитают название по-своему.

Хотя в современных реалиях полевая работа ведется почти круглый год, традиционно летние месяцы считаются наиболее удобными для экспедиций, поэтому первый сезон подкаста было решено посвятить именно им.

Такое решение дало нам возможность сразу разбить каждый выпуск на две части: в первой авторы задают гостю вопросы об изучаемом языке в целом (ареал, генеалогия и витальность) и экспедиции (причины поездки именно в этот регион, логистика, быт экспедиции), а вторая часть содержит более углубленные обсуждения лингвистических проблем. Чаще всего гость анализирует звучащий материал, что может привлечь и неискушенного слушателя: звучание речи, совершенно не похожей на русскую, интересно само по себе, а сюжеты рассказов могут быть не менее интригующими, чем их лингвистические аспекты. Каждый из гостей является состоявшимся специалистом по соответствующему языку и/или региону и имеет научные публикации по теме.

Большинство выпусков первого сезона посвящено языкам народов Российской Федерации.

В выпуске, посвященном осетинскому языку, участвует Ирина Хомченкова, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ. Она рассказывает об особом типологическом статусе осетинского языка среди языков Кавказа и среди иранских языков, дает общие сведения о дигорском и иронском диалектах, о методике полевого сбора грамматической информации. В лингвистической части рассматривается глоссированный текст, сказка о конфликте человека и медведя, акцент делается на коррелятивных и комитативных конструкциях, клитиках второй позиции, посессивности и неожиданных абруптивных согласных.

Два выпуска в гостях «Глагольной группы» была Дарья Жорник, научный сотрудник Научного центра по сохранению и возрождению и документации языков России ИЯз РАН.

Выпуск о науканском языке посвящен исчезающему языку эскимосо-алеутской семьи: на нем говорят всего 15 человек, большинство из которых живут в двух селах на северо-восточной оконечности Чукотки. Дарья Жорник разбирает текст на науканском языке и демонстрирует на примерах эргативность, кореферентные и некорреферентные деепричастия и многое другое.

В выпуске о мансийском языке рассказывается о типологии родственных языков — северномансийского и венгерского. Присутствует традиционный рассказ об организации экспедиционного быта, жизни людей и анализ звучащего материала. Вместе с гостьей мы анализируем двойственное число, долготы гласных и объектное спряжение, аспектуальные суффиксы и пассивные конструкции с маркированным падежом.

В выпуске «Русские говоры» обсуждается нейтрализация безударных гласных, типология аканья и оканья, рефлексy на месте древних открытых и закрытых гласных среднего подъема. Второй диалектологический выпуск посвящен ответам на вопросы слушателей.

В эпизоде о социолингвистической картине Кавказа старший научный сотрудник Отдела ареальной лингвистики ИЯз РАН Юрий Коряков рассказывает об экспедициях девяностых годов, о внимании лингвистов к джалганскому языку и социолингвистической стороне полевой работы на Кавказе, где сосредоточено не меньше трети всех языков России.

В эпизоде «Джалганский язык» заведующий сектором иранских языков ИЯз РАН Олег Беляев рассказывает о родственнике фарси и джуури, на котором говорят в окрестностях Дербента. Затрагиваются темы сложной фонетики и фонологии гласных, живого дифференцированного маркирования объекта, изафета и азербайджанского влияния.

Заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистикой МГУ Сергей Татевосов представляет слушателю терской диалект кумыкского языка и лингвистические экспедиции МГУ. В лингвистической части звучит дореволюционная нравоучительная история о том, что не стоит забывать о высших силах даже тогда, когда «всего лишь» садишься ужинать. Акцент делается на перфекте и перфективном причастии, слоговой структуре слова и фонологии.

Младший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН Вера Мальцева в выпуске о хакасском языке рассказывает о генеалогии и родственных связях хакасского с шорским, чулымским, языком желтых уйгуров и языком фуюйских киргизов. В выпуске предпринят большой анализ диалектов хакасского языка

и упоминается любопытный феномен, когда наименование «шорский» получает и диалект, и отдельный язык.

В эпизоде о хваршинском языке заведующая учебно-научным центром лингвистической типологии РГГУ Ирина Горбунова рассказывает о трудностях дороги в горах Кавказа, а в лингвистической текстовой части касается особенностей артикуляции боковых фрикативов, абруптивов, эвиденциальности и согласовательных классов.

Кратко опишем и выпуски, посвященные языкам других регионов мира и не менее популярные среди слушателей. В этих интервью речь идет о языках Западной Африки (кла-дан, акебу — заведующая отделом африканских языков ИЯз РАН Надежда Макеева; кпелле — научный сотрудник университета Хельсинки Мария Коношенко), Северо-Восточной (хамниганский — старший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН Илья Грунтов) и Юго-Восточной Азии (кумаони — научный сотрудник лаборатории исследования и сохранения малых языков ИЯз РАН Евгения Ренковская; тампуан — директор Института лингвистических исследований РАН Сергей Дмитренко).

Так, в кла-дан и акебу присутствуют тоны (многим известно о существовании тонов в китайском языке и ряде языков Юго-Восточной Азии, но не в африканских языках), а гласные различаются по признаку продвинутости корня языка. Изобразительные глаголы в хамниганском языке своим звучанием указывают на то, о какой форме предмета идет речь: например, глагол «быть шершавым» или «делать шершавым» звучит «шершаво» за счет определенного набора шумных согласных, а глагол «быть округлым» или «делать округлым» — более «округло» за счет огубленных гласных и сонорных. Язык имеет сложную систему эвфемизмов и табуированных выражений. В языке тампуан обрела фонологический статус придыхательная фонация.

Язык кумаони не только обнаруживает ряд грамматических особенностей, но и вскрывает социолингвистическую проблематику, также изучаемую в экспедициях. Во-первых, стоит сказать, что речь идет не об одном языке, а об их множестве: «кумаони» означает «язык(и) региона Кумаон». Особенности языковой политики в Индии таковы, что на официальном уровне эти языки считаются диалектами хинди, и сами носители языков не знают, на каком языке они говорят и чем он отличается от соседствующих языков. Кроме того, на полевое исследование в Индии влияют следы традиционной кастовой системы.

Весьма интересными были выпуски о знакомых читателю славянских языках в чуждой языковой среде (словенский язык в Ита-

лии, диалекты славянских языков на Балканах и в Латинской Америке): сотрудники Института востоковедения РАН Глеб Пилипенко и Мария Ясинская повествуют о причудливых механизмах смешения фонетики, грамматики и лексики славянского языка с языком «принимающей стороны».

Среди дополнительных эпизодов стоит особенно отметить один из самых популярных у зрителей — «Лингвисты о лингвистках. Феминитивы в научном освещении». На волне интереса, связанного с острыми и не всегда продуманными заявлениями публичных персон, в информационном пространстве и СМИ стало формироваться искаженное представление о механизме слово- и формообразования, о словарном составе языков, эволюционных процессах и языке вообще. Вместе с гостями мы рассказываем о том, на каком структурном уровне языка могут быть отмечены феминитивы, выясняем, связан ли пол существ и грамматический род и т. д.

К октябрю 2024 года выпуски подкаста набрали 20 тыс. прослушиваний от 10 тыс. уникальных слушателей, а также более 20 тыс. просмотров от 1300 подписчиков на видеосервисе. Положительные отклики, полученные как от профессиональных лингвистов, так и от обычных слушателей, позволяют утверждать, что проект оказался востребован и занял свою нишу в деле распространения профессионального знания в противовес лженаучным теориям.

Главный вопрос, стоявший перед авторами, формулируется просто: кто именно наша аудитория? Выбранный путь, подразумевающий «двойное назначение» каждого выпуска, несет с собой определенные риски: широкая аудитория может счесть беседы слишком сложными для понимания, а профессиональные филологи, наоборот, могут найти лингвистическую часть с разбором звучащего материала слишком простой. На наш взгляд, эти опасения скорее не оправдались: у обычного слушателя всегда есть выбор прослушать первую половину выпуска, после чего либо остановиться, либо, не вникая в детали, слушать звучащую речь, а обратная связь от коллег говорит о том, что подкаст вызывает интерес и в научном сообществе. Тем не менее, вопрос о балансировании между несколькими целевыми аудиториями останется в центре нашего внимания и повлияет на решения о направлении развития подкаста в будущем.

Поступила в редакцию 18.10.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 27.06.2025

Received 18.10.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 27.06.2025

ОБ АВТОРАХ

Игорь Игоревич Исаев — кандидат филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; isaev@iling-ran.ru

Дмитрий Игоревич Коломацкий — кандидат филологических наук, заведующий отделом прикладной лингвистики Института языкознания РАН; dk@iling-ran.ru

ABOUT THE AUTHORS

Igor I. Isaev — PhD, Deputy Director, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; isaev@iling-ran.ru

Dmitry I. Kolomatskiy — PhD, Head of Department of Applied Linguistics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; dk@iling-ran.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКАЯ КЛАССИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(К 215-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ
И 255-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.А. КРЫЛОВА)»
(МГУ, филологический факультет, 12–13 марта 2024 г.)**

В.А. Воропаев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; voropaevvl@bk.ru*

Аннотация: Хроника конференции, проведенной 12–13 марта 2024 г. на филологическом факультете Московского университета и посвященной творчеству Гоголя и Крылова, а также его рецепции, в том числе в XX в., в Китае, в Турции и в Сербии.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, И.А. Крылов; рецепция творчества Гоголя в Турции; рецепция творчества Гоголя в Сербии; рецепция творчества Крылова в Китае

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-22

Для цитирования: Воропаев В.А. Международная научная конференция «Русская классика: история и современность» (к 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя и 255-летию со дня рождения И.А. Крылова) (МГУ, филологический факультет, 12–13 марта 2024 г.) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 232–238.

**INTERNATIONAL CONFERENCE “RUSSIAN CLASSICS:
HISTORY AND MODERNITY” (DEDICATED
TO THE 125th ANNIVERSARY OF THE BIRTH
OF NIKOLAI GOGOL AND THE 255th ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF IVAN KRYLOV)
(Moscow State University, Faculty of Philology, March 12–13,
2024)**

Vladimir A. Voropaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; voropaevvl@bk.ru

Abstract: Chronicle of a conference held on March 12–13, 2024 at the Faculty of Philology of Moscow State University and dedicated to the works of Gogol and

Krylov, as well as their reception, including in the 20th century, in China, Turkey and Serbia.

Keywords: N.V. Gogol, I.A. Krylov; reception of Gogol's work in Turkey; reception of Gogol's work in Serbia; reception of Krylov's work in China

For citation: Voropaev V.A. (2025) International Conference "Russian Classics: History and Modernity" (Dedicated to the 125th Anniversary of the Birth of Nikolai Gogol and the 255th Anniversary of the Birth of Ivan Krylov) (Moscow State University, Faculty of Philology, March 12–13, 2024). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 232–238.

На филологическом факультете МГУ 12–13 марта 2024 года состоялась Международная научная конференция «Русская классика: история и современность (к 215-летию со дня рождения Н.В. Гоголя и 255-летию со дня рождения И.А. Крылова)», организованная кафедрой истории русской литературы МГУ, Гоголевской комиссией РАН, научно-исследовательским центром «Русская литература и христианская традиция» ИМЛИ, кафедрой филологии Московской Духовной академии и московским музеем «Дом Н.В. Гоголя».

В первый день с докладами выступили 25 участников. Не имея возможности в кратком обзоре подробно охарактеризовать все выступления, назовем некоторые из них.

Пленарное заседание открыл В.А. Воропаев (МГУ) с докладом ««Всюду у него Русь и пахнет Русью»: Гоголь о Крылове», в котором анализировалась статья Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность».

Доклад В.Л. Коровина (МГУ) был посвящен циклу переложений псалмов, созданному Крыловым в середине 1790-х гг. Этим циклом должен был открываться подготовленный им в то время сборник лирических стихотворений, так и оставшийся неизданным. Стихотворения в этом цикле Крылов расположил не по нумерации псалмов и не по времени их написания, а руководствуясь определенными творческими соображениями (в подлинном виде — с авторской последовательностью текстов — данный цикл впервые был напечатан только в 1956 г.). Выбор псалмов для переложения и композиция цикла были весьма необычны на фоне традиции переложений псалмов в XVIII в. Автор доклада предложил свои объяснения особенностей этого цикла духовных стихотворений, оказавшихся наиболее значимыми произведениями Крылова как лирического поэта.

В докладе Д.В. Долгушина (Ин-т истории СО РАН) разговор шел о значении творчества Крылова в историко-литературной концепции

П.А. Плетнева, который был одной из ключевых фигур становления историко-литературной науки в России 1830-х гг.

С.В. Бурмистрова (МДА) говорила о том, что в эпистолярной и сочинениях Гоголя и архим. Феодора (Бухарева) дает основания называть их «учениками апостола Павла», почерпнувшими из его посланий комплекс богословских идей, которые в значительной степени определили их религиозный опыт, а для Гоголя — и эстетическую концепцию. Вероятно, и сам факт их духовного сближения Гоголя и Бухарева можно отчасти объяснить характерным как для писателя, так и для богослова интересом к учению св. апостола Павла.

Тема доклада Д.П. Ивинского (МГУ) — ряд ассоциаций образов помещиков из первого тома «Мертвых душ» с династической историей России. Если «параллели» между гоголевскими помещиками и русскими литераторами уже проводились, то столь же или еще более необязательные на первый взгляд, но вместе с тем значимые черты неявного сходства героев гоголевской поэмы с русскими монархами от Петра I до Николая I обсуждаются впервые.

Доклад И.А. Виноградова (ИМЛИ) посвящен смыслу фамильного прозвища главного героя «Мертвых душ». Одна из отличительных черт творческого наследия писателя — широта и универсальность языкового багажа. Хорошо известно свойственное Гоголю обогащение русского языка за счет украинского. Одним из ключевых для понимания замысла «Мертвых душ» является фамилия главного героя поэмы, в качестве наиболее вероятного источника которой указывается украинское слово «чичик», обнаруживающееся в рукописном сборнике Гоголя «Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия» (1826–1830). Слову «чичик» в докладе было дано толкование (отсутствующее у Гоголя) — «хищный, вороватый кот», — и описывался соответствующий этому значению фольклорный и историко-литературный контекст, в том числе обширный свод словоупотреблений, связанных с упоминаниями о «диких котах» (львах, тиграх) в ряде гоголевских произведений. «Украинское» происхождение имени героя находит подтверждение в анализе особенностей гоголевской сатиры, одинаково направленной как на представителей центральной и северной России, так и на обитателей и уроженцев Южной Руси. Обращение к фольклорным материалам гоголевской «Книги всякой всячины...», к историософским штудиям писателя позволяет расширить привычные представления о его поэтике.

Л.А. Трахтенберг (МГУ) рассмотрел альбом «Басни Крылова в лицах» (М., 1892), представляющий собой премию журнала «Будильник» и являющийся библиографической редкостью; первый из двух выпусков альбома хранится в научной библиотеке МГУ. Он включает десять басен Крылова и иллюстрации к ним, предлагающие новые интерпретации классических сюжетов.

В докладе доктора пед. наук, кандидата филол. наук, профессора, магистра богословия Б.Г. Бобылева (иеродиакона Нафанаила; Свято-Духов монастырь Ливенской епархии Орловской митрополии) «Ритмо-смысловой анализ басни И.А. Крылова “Мор зверей”» осуществлен анализ ритмических средств (разностопный ямб, рифма, строфоиды, облегченные стопы), используемых Крыловым для создания подтекста, введения ключевых смыслов и оценок в сознание читателя; показывается, как фабула, заимствованная у Лафонтена, разворачивается Крыловым в оригинальный сюжет. При этом происходит переакцентуация морали: у Крылова идет речь не о слабости главного героя басни Вола как причине его гибели, но о его смиренности, которую лицемерно имитируют хищники, приговаривая страдальца к смерти. В басне происходит драматизация действия, ведущую роль в организации которого играет ритмика басни. Высокие нравственные истины выражаются у Крылова не только и не столько через формулировку морали басни, но через создание у читателя чувства реального присутствия Бога в созданном Им мире, ощущения непреложности законов правды и красоты, явленных нам в Евангелии.

Доклад И.А. Едошиной (Костромской гос. ун-т) был посвящен историко-культурным контекстам басни «Стрекоза и Муравей». Учитывались место и время публикации — в журнале «Драматический Вестник» (1808, № 34), где Крылов был членом редколлегии; басня Лафонтена «La Cigale et la Fourmi» как претекст; мифопоэтическое происхождение древнегреческого «кузнечика» и его латинского двойника «цикады», их усвоение в русской басне; использование Крыловым специфики русской адаптации с учетом басенных вариантов. Басня «Стрекоза и Муравей» представлена как органическая часть усвоения древнегреческого понимания существа «кузнечика», свойственного русским переводам «Кузнечика» Анакреона.

Лю Шуминь (Хэйлунцзянский ун-т, Харбин, Китай) говорила о символическом значении образа лисы в баснях Крылова.

Доклад В.В. Прозорова (Саратовский НИУ) был посвящен отголоскам басенных мотивов Крылова в «Ревизоре».

Пэй Цзян (Китай) представила переводы басен Крылова, осуществленные в Китае в 1991–2022 гг. Басни Крылова неоднократно переводились и публиковались в Китае, особенно в последние 30 лет. Количество переводов в новейшее время начинает возрастать: если с 1951 до 1983 г. отдельными книгами были изданы не более 10 сборников басен Крылова, с 1984 до 1990 г. — 4 сборника, то с 1990 до 2000 г. — уже 23, с 2000 до 2010 г. — 127, с 2010 до 2021 г. — 170. Отмечено, что в новейший период басни Крылова переводились чаще прозой, чем стихами. На рубеже XIX–XX вв. в Китае активно обсуждались принципы перевода, в том числе басен Крылова.

Л.А. Сугай (Россия, Словакия) рассмотрела образ Крылова в стихах его современников и поэтов XX–XXI вв.

К.К. Джафарова (Дагестанский гос. ун-т народного хозяйства) посвятила свой доклад отзывам Ап. Григорьева и Вяземского о «Выбранных местах из переписки с друзьями». Оба критика, в отличие от большинства других, не ограничились содержательным планом произведения, но высказали очень глубокие наблюдения над поэтикой «Выбранных мест...».

В.С. Карташов (Сеченовский ун-т) в докладе «Наставления и рецепты медицинского характера в документах Н.В. Гоголя и его родных 1731–1861 гг.» представил новые, не известные ранее документы, хранящиеся в ОПИ ГИМ.

В докладе В.Я. Звиняцковского (Масариков ун-т, Брно) речь шла о семейном предании как источнике исторической памяти в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». В частности, отмечено, что повесть «Пропавшая грамота» основана на семейном предании Гоголей-Яновских, замаскированном под волшебную сказку.

Т.Л. Мусатова МГУ, ф-т мировой политики) в докладе «Гоголь и Николай I в контексте римских споров об эстетике (1837–1847, 1845 гг.)» говорила об отношении к картине А.А. Иванова «Явление Христа народу». «Поздний» Гоголь увидел в картине Иванова религиозный подвиг, творение выше творений Рафаэля; Николай I тоже высоко оценил эту картину, но, вероятно, с точки зрения полезности сюжета и качества живописи.

Е.В. Суровцева (МГУ) проанализировала шесть писем Гоголя: императору Николаю I, наследнику Александру Николаевичу, членам правительства графу С.С. Уварову, М.А. Дондукову-Корсакову, В.Д. Олсуфьеву, а также письмо, адресованное либо Л.А. Петровскому, либо П.А. Ширинскому-Шихматову, либо А.Ф. Орлову. Первое обращение к императору содержит просьбу выдать паспорт, второе — просьбу посодействовать скорейшей публикации «Выбранных мест

из переписки с друзьями». Послание наследнику Александру Николаевичу посвящено «Мертвым душам» и необходимости их публикации (письмо так и не было отправлено). Письма Уварову и Дондукову-Корсакову связаны с промедлением с публикацией «Мертвых душ». Письмо Л.А. Петровскому / П.А. Ширинскому-Шихматову / А.Ф. Орлову посвящено обоснованию пользы «Мертвых душ». Письмо В.Д. Олсуфьеву также посвящено «Мертвым душам».

Л.И. Шевцова (Гос. ун-т просвещения) проанализировала социальную проблематику «Выбранных мест из переписки с друзьями». Проблемы социального характера стали приоритетным направлением в основном демократической линии русской литературы в середине XIX в., у писателей, остро критиковавших действительность. Гоголь же предлагал читателям, критикам, русской общественности в целом для решения актуальных социальных проблем обратиться к истокам формирования в человеке доброго начала.

Е.С. Шевченко (Самарский НИУ им. С.П. Королева) посвятила доклад анализу особенностей экфрасиса в повести «Портрет». Изображение как точная копия действительности — некое предчувствие фотографии — играет в сюжете повести важную роль. Напоминающее точную копию «фотографическое» изображение выступает у Гоголя как «двойник» иконы и ее антипод.

Во второй день конференции выступили с докладами и сообщениями 14 участников. Среди них «“Вот опять пропустил мясоед...” (К вопросу о значении Великого поста в гоголевском творчестве)» архимандрита Симеона (В.В. Томачинского, МДА); «Учение о прилоге как духовная основа образа Андрия в повести Н.В. Гоголя “Тарас Бульба”» А.Н. Ужанкова (Сретенская ДА, Центр фундаментальных исследований русской средневековой культуры Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева); «Католическая традиция в России и у Гоголя» В.М. Гуминского (ИМЛИ); «Размышления о молитве Фомы Кемпийского в восприятии Н.В. Гоголя» Г.А. Дербуша (МДА); «“Необыкновенно трудно изобразить портрет ее”: Улинька Бетрищева и Ольга Ильинская» И.А. Беляевой (МГУ, ИМЛИ); «Гоголь и “гоголевщина” в трактовке К.Н. Леонтьева» В.А. Котельникова (ИРЛИ); «Традиция Гоголя в портретных изображениях мемуарной трилогии Андрея Белого» Ли Нань (МГУ); «“Двойник” и “собеседник” в произведениях “Записки сумасшедшего” Н.В. Гоголя и “Распад атома” Г. Иванова» Е.А. Федоровой (Ярославский гос. ун-т); «Феноменология вещи у Гоголя и ее рефлексия в эстетике русского авангарда» А.Х. Гольденберга (Волгоградский гос. социально-педагогич. ун-т);

«Рецепция “Портрета” Гоголя в “Вальтере Эйзенберге” К. Аксакова» В.Ш. Кривоноса (Самарский гос. социально-педагогич. ун-т); «Гоголевская повесть в кино (“Портрет”)» М.О. Булавиной (Ивановский гос. ун-т); «“Комические души”: поэма Гоголя в русской прозе XXI века» » Алькайси Рашида Низар Назира (Санкт-Петербургский гос. ун-т).

Повышенный интерес слушателей вызвали выступления иностранных участников конференции: доктора филол. наук, проф. Стамбульского университета Олджай Тюркана (доклад «Николай Гоголь: личность и наследие в культуре Турции») и сербского переводчика и публициста Ранко Радовановича Гойковича («Гоголь в Сербии»). Ранко Гойкович известен у себя в стране как популяризатор творческого наследия Гоголя. Можно сказать, что благодаря ему сегодня у сербов сложилось гораздо более полное представление о русском классике, особенно о Гоголе как православном мыслителе. Он перевел на сербский язык «духовную прозу» Гоголя и в настоящее время готовит к изданию Собрание сочинений писателя в 7 томах.

Поступила в редакцию 21.02.2025

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 11.08.2025

Received 21.02.2025

Accepted 17.06.2025

Revised 11.08.2025

ОБ АВТОРЕ

Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; voropaevvl@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Voropaev — Doctor of Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; voropaevvl@bk.ru

ПАМЯТИ...

**ВАЛЕРИЯ ФЕДОРОВНА ВАСИЛЬЕВА
(1939–2025)**

Н.Е. Ананьева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; ananeva.46@mail.ru

Аннотация: В статье описывается жизненный и творческий путь известного специалиста по чешскому языку, профессора кафедры славянской филологии, доктора филологических наук Валерии Федоровны Васильевой.

Ключевые слова: Валерия Федоровна Васильева; чешский язык; лексикология; сопоставление

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-23

Для цитирования: Ананьева Н.Е. Валерия Федоровна Васильева (1939–2025) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 239–243.

**VALERIA VASILYEVA
(1939–2025)**

Natalia Ye. Ananyeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ananeva.46@mail.ru

Abstract: The article describes life and professional path of the famous specialist in Czech language, Prof. Dr. at the Department of Slavic Philology Valeria Vasilyeva.

Keywords: Valeria Vasilyeva; Czech language; lexicology; comparison

For citation: Ananyeva N.Ye. (2025) Valeria Vasilyeva (1939–2025). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 239–243.

Восьмого марта оборвалась жизнь известного богемиста-лингвиста, доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии, заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломо-

носова Валерии Федоровны Васильевой. Профессиональная деятельность Валерии Федоровны была связана с кафедрой славянской филологии.

В.Ф. Васильева родилась 19.06.1939 г. в Москве, в семье военнослужащего. После окончания школы она становится студенткой вечернего славянского отделения филологического факультета МГУ, которое заканчивает в 1965 г. До поступления в аспирантуру В.Ф. Васильева некоторое время работает гидом-переводчиком в «Интуристе». Эта работа позволила молодой богемистке усовершенствовать практическое знание чешского языка, преподаванию и теоретическим проблемам которого она посвятила в дальнейшем всю свою жизнь. Закончив в 1974 г. аспирантуру при кафедре славянской филологии, которую она проходила под руководством создателя советской и российской школы богемистики и многолетней заведующей кафедрой славянской филологии проф. Александры Григорьевны Широковой, Валерия Федоровна в 1975 г. блестяще защищает кандидатскую диссертацию «Существительные *pluralia tantum* в современном чешском языке». Я прекрасно помню эту защиту, проходившую в аудитории № 9, на которой после официальных оппонентов с их положительными отзывами выступил находящийся в это время на стажировке в МГУ будущий профессор, доктор филологических наук и заведующий кафедрой общего и сравнительного языкознания Ростовского государственного университета Владимир Иванович Дегтярев. Будучи специалистом по категории числа, он высоко оценил вышедшие до защиты публикации В.Ф. Васильевой и был удивлен, что автор этих статей в момент их создания еще не имел степени кандидата.

В.Ф. Васильеву всегда отличали высокая требовательность к себе, стремление к перфекционизму и основательность. Поэтому между защитами кандидатской диссертации и докторской прошло более 20 лет. Но это были чрезвычайно плодотворные годы, наполненные интенсивной преподавательской и научно-исследовательской работой. Валерия Федоровна читала курс описательной грамматики чешского языка (один из основных курсов в подготовке богемистов) и спецкурсы, посвященные грамматике и лексике чешского языка («Нормативная грамматика чешского языка», «Формы существования языка чешской нации», «Задачи и методы сопоставительной лингвистики»), вела спецсеминары, руководила курсовыми, дипломными и диссертационными работами. В сферу ее научных интересов

входили проблемы функциональной грамматики чешского языка и сопоставительного исследования лексики чешского и русского языков в ономаσιологическом аспекте.

В.Ф. Васильева участвовала в коллективных сборниках, посвященных сопоставительному изучению славянских языков, инициатором и редактором которых была ее учитель Александра Григорьевна Широкова. Валерия Федоровна является соавтором основного для славянских отделений учебника чешского языка: Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А. «Чешский язык» (М., 1990). В 1999 г. В.Ф. Васильева защищает докторскую диссертацию «Предметная номинация в чешском и русском языках в логико-лингвистическом ракурсе». В 2000 г. Валерию Федоровну утверждают в должности профессора кафедры славянской филологии. Она входила в состав диссертационного совета Д 501.001.19 при МГУ, в заседаниях которого всегда принимала активное участие. В частности, любимым вопросом к диссертанту у тяготеющей к теоретическому осмыслению языкового материала Валерии Федоровны был вопрос об отличии метода и методологии от методики.

Валерия Федоровна была одной из самых любимых учениц Александры Григорьевны Широковой, которая нередко привлекала Васильеву в соавторы. Кроме указанного выше учебника чешского языка трех авторов, В.Ф. Васильева и А.Г. Широкова совместно опубликовали статью «Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой структуры и динамических инноваций)». Своеобразным итогом преподавательской деятельности Валерии Федоровны стал ее учебник «Чешский язык», изданный в 2014 г.

В.Ф. Васильева принимала активное участие во всех конференциях, организуемых кафедрой славянской филологии, выступала с докладами на общероссийских и международных форумах, в том числе и зарубежных (в Праге, Белграде и др.). Научная и педагогическая деятельность профессора Васильевой получила высокую оценку не только у отечественных коллег, но и в Чехии, о чем свидетельствует награждение ее в 2016 г. медалью Яна Масарика (награда МИД Чешской Республики) и в 2017 г. орденом «За заслуги» (награда Президента Чешской Республики). Валерию Федоровну всегда отличали принципиальность, требовательное и одновременно благожелательное отношение к студентам и коллегам. Под

ее руководством были защищены 3 кандидатские диссертации и множество дипломных работ. Но интересы Валерии Федоровны не ограничивались научными штудиями и преподаванием. Она была многогранной личностью: в юности увлекалась танцами, любила русские романсы и неоднократно приглашала коллег и друзей на вечера, организуемые в Доме ученых создателем клуба русского романса «Изумруд» Надиром Ширинским. Вспоминаю наш совместный поход на один из последних концертов в Москве Карела Готта и Хелены Вондрачковой. Коллеги, которым довелось побывать у Валерии Федоровны в гостях, помнят ее радушие и замечательные кулинарные способности. А уж знаменитый «медовик», традиционно приготовляемый ею к кафедральной встрече Нового года, памятен всем членам кафедры. Сама Валерия Федоровна говорила, что «любит преодолевать трудности», и в качестве примера приводила преодоление страха во время небезопасных вечерних возвращений в общежитие после спектаклей в Праге, где она проходила стажировку. Но в жизни ей встречались трудности и посложнее, которые она также с успехом преодолевала. Вспоминается наше совместное пребывание в Поречье, где мы старались убежать на речку от «всеядящего ока» Александры Григорьевны, которая требовала от нас написания частей коллективной монографии «Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков». Иногда побег удавался, и мы наслаждались плаванием и игрой в бадминтон, хотя и работало нам там неплохо. Остались в памяти последние телефонные разговоры с Валерией Федоровной (для меня Лерой), когда она еще была в состоянии отвечать на звонки. Каждый раз она неизменно приглашала заглянуть к ней. Но, как всегда, в повседневной суете посещение откладывалось на «потом». И, к сожалению, это «потом» так и не реализовалось. Утешает только то, что мы успели поздравить Валерию Федоровну с 85-летием.

Коллеги уважали и очень любили Валерию Федоровну. Ее уход — это невосполнимая утрата для богемистики, для коллег и друзей, для семьи. Кафедра славянской филологии, на которой Валерия Федоровна проработала 55 лет, пройдя путь от преподавателя до профессора, выражает глубокое соболезнование мужу Валерии Федоровны Виктору Дмитриевичу, сыну Олегу Викторовичу, внучке Насте. Светлая память нашей дорогой коллеге, за-

мечательному человеку, ученому и преподавателю Валерии Федоровне Васильевой.

Поступила в редакцию 26.06.2025

Принята к публикации 30.06.2025

Отредактирована 24.07.2025

Received 26.06.2025

Accepted 30.06.2025

Revised 24.07.2025

ОБ АВТОРЕ

Ананьева Наталия Евгеньевна — профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ananeva.46@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Ye. Ananyeva — Prof.Dr., Head of the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ananeva.46@mail.ru

ЮБИЛЕИ

ИЗОТОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

О.И. Черчук

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(МГИМО МИД России), Москва, Россия; cherchuk-olga@yandex.ru*

Аннотация: Текст посвящен 60-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Андрея Ивановича Изотова.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова; чешский язык; юбилей; А.И. Изотов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-24

Для цитирования: Черчук О.И. Андрей Иванович Изотов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 244–248.

ANDREY IZOTOV

Olga I. Cherchuk

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia; cherchuk-olga@yandex.ru

Abstract: The text is dedicated to the 60th anniversary of Andrey Izotov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Slavic Philology of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University.

Keywords: Lomonosov Moscow State University; Czech language; anniversary; A. Izotov

For citation: Cherchuk O.I. (2025) Andrey Izotov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 244–248.

29 апреля отмечает шестидесятилетний юбилей один из самых талантливых и ярких преподавателей филологического факультета, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова Андрей Иванович Изотов. Жизнь Андрея Ивановича — это яркий пример преданности науке, непоколебимой верности делу и стремления к познанию.

Родословная А.И. Изотова, связанная с наукой и образованием, предопределила его призвание в области филологии и славистики. Андрей Иванович родился 29 апреля 1965 года в г. Оренбурге в семье преподавателей местного педагогического института — выпускника Императорского Варшавского университета и бывшего царского офицера профессора И.Т. Изотова и выпускницы МГУ имени М.В. Ломоносова доцента И.С. Шулико-Изотовой.

Окончив с золотой медалью школу № 2 г. Оренбурга, А.И. Изотов поступает в 1982 г. на славянское отделение, а в 1987 г. в очную аспирантуру филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в 1990 г. распределяется на должность научного сотрудника кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в штате которой состоит по настоящее время (с 2002 г. в должности доцента, с 2010 г. в должности профессора).

В 1991 г. Андрей Иванович защищает кандидатскую диссертацию на тему «Система полных причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование)» (научный руководитель — заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, почетный доктор Карлова университета в Праге А.Г. Широкова), в 2007 г. — докторскую диссертацию на тему «Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен». Блестящая докторская диссертация закрепила имя Андрея Ивановича среди ведущих специалистов в области чешского языка и славянской филологии.

В 2007–2009 гг. Андрей Иванович проходит в МГУ имени М.В. Ломоносова профессиональную переподготовку по английскому языку и межкультурной коммуникации, успешно тестируется по английскому языку в рамках кембриджской программы ТКТ для преподавателей английского языка как иностранного (ТКТ1, ТКТ2, ТКТ3) и по китайскому языку в рамках пекинской программы HSK (HSK1, HSK2).

Вклад Андрея Ивановича в развитие славянской филологии огромен. А.И. Изотову принадлежит более 300 публикаций, из которых около трети — в ведущих рецензируемых журналах из списка ВАК РФ, его индекс Хирша в РИНЦ равен 13 при 764 цитированиях. Несомненно, Андрея Ивановича по праву считают одним из ведущих богемистов страны.

Это подтверждает и разработка учебно-методических материалов, которой Андрей Иванович занимается на высоком уровне ма-

стерства и профессионализма. А.И. Изотов подготовил серию словарей и учебных пособий для студентов-богемистов, в частности, это «Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений» (М.: Филоматис, 2014), «Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений» (М.: Дрофа, 2012), «Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2» (М.: Филоматис, 2016), «Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении» (М.: Азбуковник, 2010), «Лексикология чешского языка». (М.: МАКС Пресс, 2017), «Теоретическая фонетика чешского языка (М.: МАКС Пресс, 2017), «Чешская стилистика» (М.: МАКС Пресс, 2020), «Чешская диалектология» (М.: МАКС Пресс, 2022), «Чешский язык: учебное пособие по развитию устной речи на материале видеофильмов» (М.: МАКС Пресс, 2025).

Энергией и трудолюбием А.И. Изотова можно только восхищаться. Наряду с научной деятельностью, Андрей Иванович активно участвует в редакторской работе. Так, он входит в состав редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология», а также диссертационных советов в МГУ имени М.В. Ломоносова и в Институте славяноведения РАН.

Многогранна и преподавательская работа Андрея Ивановича. На протяжении многих лет он читает учебные курсы разнообразной тематики (в том числе на чешском, английском, немецком языках): в область его преподавания входит не только чешский язык в синхронии и диахронии, чешская литература и старославянский язык, но также курсы культурно-просветительской направленности (чешская архитектура, кинематограф, театр).

Помимо неоспоримых научных достижений А.И. Изотова в науке, невозможно не отметить его прекрасные человеческие качества. Андрей Иванович пользуется заслуженным уважением на кафедре и факультете. Неизменно доброжелателен и отзывчив, он всегда охотно оказывает помощь студентам, когда требуется научная консультация или разъяснение сложных вопросов. Его доброта гармонично переплетается с благородством, создавая основу для крепких и доверительных отношений с коллегами. Андрей Иванович — человек необычайного обаяния, притягивающий людей своей теплотой и искренностью.

Коллеги и ученики от всей души поздравляют Андрея Ивановича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия и сил для дальнейших научных и творческих свершений!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изотов А.И. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М., 1993.
2. Изотов А.И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М., 2008.
3. Изотов А.И. Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении. М., 2010.
4. Изотов А.И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М., 2012.
5. Изотов А.И. Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. М., 2014.
6. Изотов А.И. Самоучитель чешского языка. Уровни A1-A2. М., 2016.
7. Изотов А.И. Лексикология чешского языка. М., 2017.
8. Изотов А.И. Теоретическая фонетика чешского языка. М., 2017.
9. Изотов А.И. Чешская стилистика. М., 2020.
10. Изотов А.И. Чешская диалектология. М., 2022.
11. Изотов А.И. Чешский язык: учебное пособие по развитию устной речи на материале видеофильмов. М., 2025.
12. Izotov A.I. American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. Moscow, 2010.

REFERENCES

1. Izotov A.I. Cheshskie atributivnye prichastiia na fone russkikh [Czech attributive participles against the background of Russian]. Moscow, *MSU Philol. Faculty Publ.*, 1993, 100 p. (In Russ.)
2. Izotov A.I. Imperativnost' kak pragmalingvisticheskij fenomen: Na materiale cheshskogo yazyka. Moscow, *Knizhnyj dom «LIBROKOM»*, 2008. 256 p. (In Russ.)
3. Izotov A.I. Staroslavjanskij jazyk v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. Moscow, *Azbukovnik*, 2010. 200 p. (In Russ.)
4. Izotov A.I. Novyj cheshsko-russkij slovar': okolo 100 000 slov i vyrazhenij [New Czech-Russian Dictionary: about 100,000 words and expressions]. Moscow, *Drofa*, 2012. 1024 p.
5. Izotov A.I. Uchebnyj cheshsko-russkij i russko-cheshskij slovar': okolo 40 000 slov i vyrazhenij [Learner's Czech-Russian and Russian-Czech Dictionary: about 40,000 words and expressions]. Moscow, *Filomatis*, 2014. 832 p.
6. Izotov A.I. Samoučitel' cheshskogo jazyka. Urovni A1-A2 [Teach Yourself Czech. Levels A1-A2]. Moscow, *Filomatis*, 2016. 424 p. (In Russ.)
7. Izotov A.I. Leksikologiya cheshskogo yazyka [A Theoretical Course of Czech Lexicology: textbook]. Moscow, *MAKS Press*, 2017. 264 p. (In Russ.)
8. Izotov A.I. Teoreticheskaya fonetika cheshskogo yazyka [A Theoretical Course of Czech Phonetics: textbook]. Moscow, *MAKS Press*, 2017. 224 p. (In Russ.)
9. Izotov A.I. Cheshskaya stilistika [Czech Stylistics: manual]. Moscow, *MAKS Press*, 2020. 164 p. (In Russ.)
10. Izotov A.I. Cheshskaya dialektologiya [Czech dialectology: Textbook]. Moscow, *MAKS Press*, 2022. 184 p. (In Russ.)

11. Izotov A.I. Cheshskij yazyk: uchebnoe posobie po razvitiyu ustnoj rechi na materiale videofil'mov [Czech: Oral Practice Manual]. Moscow, *MAKS Press*, 2025. 176 p. (In Russ.)
12. Izotov A.I. American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. Moscow, *Azbukovnik*, 2010. 200 p. (In Eng.)

Поступила в редакцию 26.06.2025

Принята к публикации 30.06.2025

Отредактирована 24.07.2025

Received 26.06.2025

Accepted 30.06.2025

Revised 24.07.2025

ОБ АВТОРЕ

Ольга Игоревна Черчук — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России);
cherchuk-olga@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Cherchuk — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Central and South-East European Languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); cherchuk-olga@yandex.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2025. № 4. 1–248.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.